

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 16 № 2



**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 16 # 2

Москва



2019



Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
 д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
 д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Боговяльская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
 д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
 д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
 д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль, РФ)
 д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пед. н. Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Нечаев Н. Н. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рубцов В. В. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
 д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
 д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
 д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
 Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия)
 д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
 д. пс. н. Журавлев А. Л. (ИП РАН, Москва, РФ)

Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)
 д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
 д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
 д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
 Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
 Dr. Стошич Л. (Висока школа академских студија "Доситеј", Белград, Сербия)
 д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
 д. пс. н. Хотинцев В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
 д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Алексеева Д. С.

Редактор английской части – Панасенко Е. С.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Компьютерная верстка – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114
 E-mail: rpbj@bk.ru

Адрес издательства:

129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
 Тел./ факс (495) 283-55-30
 E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
 E-mail: ruspysoc@gmail.com

Перепечатка материалов возможна
 только по согласованию с Редакцией.

ISSN 1812–1853. Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»

Подписной индекс 46723

© Российское психологическое общество, 2019

© ООО "КРЕДО", 2019

Веб-сайт: rpbj.ru.com

**Russian Psychological Journal****Founder** – Russian Psychological Society**Editor in Chief** – Zinchenko Ju. P. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)**Deputy Editor in Chief** – Ermakov P. N. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)**Editorial Council**

I. V. Abakumova (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	A. V. Karpov (YSU, Yaroslavl, Russia)
G. V. Akopov (SSUSSE, Samara, Russia)	V. A. Labunskaya (SFU, Rostov-on-Don, Russia)
A. G. Asmolov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	N. N. Malopheyev (ICP RAE, Moscow, Russia)
V. V. Babenko (SFU, Rostov-on-Don, Russia)	N. N. Nechaev (MSUPE, Moscow, Russia)
M. M. Bezrukikh (IDP RAE, Moscow, Russia)	A. A. Rean (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
D. B. Bogoyavlenskaya (PI RAE, Moscow, Russia)	V. V. Rubtsov (MSUPE, Moscow, Russia)
A. I. Dontsov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	V. Ju. Ribnikov (RCERM, St. Petersburg, Russia)
P. E. Grigoriev (SEVSU, Sevastopol, Russia)	M. L. Skuratovskaya (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
N. B. Karabushchenko (RUDN University, Moscow, Russia)	A. Sh. Tkhostov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)
A. G. Karayani (Military University, Moscow, Russia)	O. D. Fedotova (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
	A. M. Chernorizov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Editorial Board

Yu. I. Alexandrov (HSE, Moscow, Russia)	A. A. Kronik (Institute of Causometry, Washington D.C., USA)
V. P. Belianin (University of Toronto, Toronto, Canada)	I.V. Manzhelei (TSU, Tyumen, Russia)
A. S. Berberian (RAU, Yerevan, Armenia)	A.R. Masalimova (Kazan University, Kazan, Russia)
S. A. Bogomaz (TSU, Tomsk, Russia)	V. D. Povzun (SurSU, Surgut, Russia)
R. M. Bernard (Concordia University, Montreal, Canada)	H. Sequeira (Lille 1 University, Lille, France)
E. Borokhovski (Concordia University, Montreal, Canada)	E. R. Khairullina (KNRTU, Kazan, Russia)
B. M. Velichkovsky (TU, Dresden, Germany)	V. Yu. Khotinets (UdSU, Izhevsk, Russia)
E. V. Vorobyeva (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	L. Stosic (College "Dositej", Belgrad, Serbia)
V. I. Dolgova (SUSHPU, Chelyabinsk, Russia)	L. A. Tsvetkova (SPSU, St. Petersburg, Russia)
A. L. Zhuravlev (IP RAS, Moscow, Russia)	A. R. Shaidullina (ASOI, Almet'yevsk, Russia)

Executive Editor	– D. S. Alekseeva
English Editor	– E. S. Panasenko
Managing Editor	– M. V. Bunyaeva
Page settings	– E. A. Pronenko

Editorial office: of. 114, b. 140, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006 E-mail: editor@rpi.ru.com	Publisher address: b. 13, Yaroslavskaia Str., Moscow, Russian Federation, 129366 Tel./fax (495) 283–55-30 E-mail: izd.kredo@gmail.com	Founder address: b. 11/9, Mokhovaya Str., Moscow, Russian Federation, 125009 E-mail: ruspsysoc@gmail.com
-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

ISSN 1812–1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»
Subscription code 46723

© Russian Psychological Society, 2019

© ООО "CREDO", 2019

Website: rpi.ru.com



СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Касимова С. О.

Изучение особенностей типа привязанности и стиля социальной коммуникации больных депрессиями в контексте интерперсональной психотерапии 8

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бызова В. М., Ловягина А. Е., Перикова Е. И.

Метакогнитивный подход в диагностике трудностей психической саморегуляции студентов 25

Коленова А. С., Гурицкой Д. А.

Ценностно-смысловые характеристики как предикторы созависимого поведения женщин, проживающих с наркозависимым партнером. 43

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Абакумова И. В., Мироненкова Н. Н., Пеньков Д. В.

Смыслотехники, обращенные к субъектному опыту обучающегося как основе его ценностно-смыслового выбора на примере математики 63

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Шейнов В. П.

Взаимосвязи виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом. 81

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

Захарова Е. И., Карabanова О. А., Старостина Ю. А., Долгих А. Г.

Представления о будущем родительстве в подростковом и юношеском возрасте. 103

Соболева Е. В., Караваяев Н. Л.

Когнитивные факторы моделирования в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации 123



СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сидоренков А. В., Сальникова Е. С., Бороховский Е. Ф.

Связь внутригрупповых идентичностей работников с их вкладом в деятельность малой группы: роль включенности – не включенности в подгруппы..... 142

Усова Н. В.

Детерминанты социально-политической активности современной молодежи..... 164

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 189



CONTENTS

MEDICAL PSYCHOLOGY

Kasimova S. O.

Studying Attachment Types and Social Interaction Styles Among Depressive Patients in the Context of Interpersonal Psychotherapy..... 8

GENERAL PSYCHOLOGY

Byzova V. M., Lovyagina A. E., Perikova E. I.

A Metacognitive Approach to Diagnosing Difficulties in Students' Mental Self-regulation 25

Kolenova A. S., Gurtskoi D. A.

Value-meaning Characteristics as Predictors of Codependent Behaviors in Female Partners of Drug Addicts 43

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Abakumova I. V., Mironenkova N. N., Pen'kov D. V.

Meaning Techniques Oriented Towards Students' Subjective Experience as the Basis for Their Value-meaning Choices: A Case of Studies in Mathematics 63

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Sheinov V. P.

Interrelations of Extraversion, Neuroticism, and Psychological Gender with Victimization 81

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY, ACMEOLOGY

Zakharova E. I., Karabanova O. A., Starostina Yu. A., Dolgikh A. G.

Ideas on Future Parenthood in Adolescents and Young Adults..... 103

Soboleva E. V., Karavaev N. L.

Cognitive Factors for Modeling in Digital Environments Characterized by a Nonlinear Presentation of Information 123



SOCIAL PSYCHOLOGY

Sidorenkov A. V., Sal'nikova E. S., Borokhovski E. F.

The Relationship Between Employees' Intra-group Identities and Their
Contribution to Small Group Activities: The Role of Subgroup Membership/
Non-membership 142

Usova, N.V.

Determinants of Socio-political Activity of Contemporary Youth..... 164

PAPER SUBMISSION GUIDELINES..... 190



УДК 159.9.07:616.89

doi: [10.21702/rpj.2019.2.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.1)

Изучение особенностей типа привязанности и стиля социальной коммуникации больных депрессиями в контексте интерперсональной психотерапии

Самира О. Касимова^{1,2}

¹ Азербайджанский медицинский университет, г. Баку, Азербайджан

² Психиатрическая клиническая больница № 2 Министерства здравоохранения Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан

E-mail: samiraoktai@mail.ru

Аннотация

Введение. Интерперсональная психотерапия на сегодняшний день считается методом лечения депрессии с доказанной эффективностью. В то же время многие важные аспекты интерперсональной психотерапии не получили достаточного освещения в научной литературе. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые изучены показатели, влияющие на формирование привязанности и стиль коммуникации у пациентов с депрессией в ходе интерперсональной терапии.

Материалы и методы. В исследование были включены 100 человек в возрасте от 16 до 60 лет с различными формами депрессии, которые получали лечение межличностной терапией. В работе использовалась шкала MAQ (мера качества привязанности) – шкала, определяющая тип привязанности, а также опросник межличностного стиля общения (ISQ).

Результаты. Преобладание женщин среди исследованных субъектов (36 человек были мужчины, а 64 – женщины) отражает общую статистику по заболеваемости депрессией, где соотношение женщин и мужчин 2:1. Средний возраст пациентов составил 33 года (95% ДИ = 30,8–35,3). Пациенты были распределены по диагнозам: депрессивный эпизод (F32) – 74 человека (74%), рекуррентное депрессивное расстройство (F33) – 16 человек, прочие депрессивные расстройства (F38) – 10 человек. В ходе исследования определены статистически значимые ассоциации между различными типами привязанности и стилями социальной коммуникации, которые играют важную роль в формировании социального функционирования у депрессивных больных.

Обсуждение результатов. Тип привязанности и стиль коммуникации играют важную роль в возникновении проблем пациента и при проведении психотерапии. В этой связи развитие безопасной привязанности и конструктивной коммуникации, наряду с уменьшением депрессивной симптоматики, являются основными задачами психотерапии.



Ключевые слова

депрессия, интерперсональная психотерапия, амбивалентно-тревожная привязанность, амбивалентно-поглощающая привязанность, избегающий тип привязанности, безопасный тип привязанности, открытость, дистанцирование, доминирование, подчинение

Основные положения

- ▶ наличие у пациентов небезопасных типов привязанности, формирующихся еще до возникновения депрессии, приводит к неэффективным способам взаимодействия с окружающими, включая неспособность выстраивания доверительных отношений, решения спорных вопросов, обращения за помощью;
- ▶ амбивалентно-тревожный и амбивалентно-поглощающий типы привязанности выявляют сильную положительную корреляцию с выраженностью депрессивных симптомов и числом предшествующих депрессивных эпизодов, а также умеренную отрицательную корреляцию с показателями качества жизни до начала лечения;
- ▶ стиль коммуникации лиц, страдающих депрессивными расстройствами, характеризуется меньшей степенью открытости, и, соответственно, большим дистанцированием от окружающих;
- ▶ открытость и доминирование ассоциируются с безопасным типом привязанности, тогда как дистанцирование и подчиняемость связаны с негативными типами привязанности;
- ▶ рассмотрение типа привязанности и стиля социальной коммуникации при применении ИПТ позволяет эффективнее устранять симптомы депрессии.

Для цитирования

Касимова С. О. Изучение особенностей типа привязанности и стиля социальной коммуникации больных депрессиями в контексте интерперсональной психотерапии // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 8–24. doi: 10.21702/rpj.2019.2.1

Материалы статьи получены 22.03.2019



UDC 159.9.07:616.89

doi: [10.21702/rpj.2019.2.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.1)

Studying Attachment Types and Social Interaction Styles Among Depressive Patients in the Context of Interpersonal Psychotherapy

Samira O. Kasimova^{1,2}¹ *Azerbaijan Medical University, Baku, Azerbaijan*² *Psychiatric hospital no. 2, Ministry of Health of Azerbaijan Republic, Baku, Azerbaijan*E-mail: samiraoktai@mail.ru

Abstract

Introduction. At present, the effectiveness of interpersonal psychotherapy in treating depression is beyond reasonable doubt. Meanwhile, research articles on many important aspects of interpersonal psychotherapy are scarcely available. This study focuses on factors influencing attachment types and interaction styles in depressive patients during interpersonal psychotherapy.

Methods. The sample consisted of 100 respondents aged 16–60 years with various types of depression who have received interpersonal therapy. To assess attachment styles the study used the Interpersonal Style Questionnaire (ISQ) and the Measure of Attachment Qualities (MAQ).

Results. The women ($n = 64$) to men ($n = 36$) ratio of the study participants corresponds to a 2:1 female/male depression ratio in the general population. The mean age was 33 years old in the study sample (95%, CI = 30.8–35.3). According to the diagnoses patients were categorized into the following groups: (a) depressive episode (F32) – 74 patients (74%), (b) recurrent depressive disorder (F33) – 16 patients, (c) other depressive disorders (F38) – 10 patients. The authors found significant associations between attachment types and social communication styles that were important for depressive patients' social functioning.

Discussion. Attachment types and interaction styles play a significant role in interpersonal psychotherapy of depression. For this reason, the major tasks of psychotherapy involve the creation of secure attachment and constructive interaction along with reduction of depressive symptoms.

Keywords

depression, interpersonal psychotherapy, anxious-ambivalent attachment, preoccupied attachment, avoidant attachment, secure attachment, openness, distancing, dominance, submission



Highlights

- ▶ Insecure attachment types having been formed in patients before manifestations of depression result in ineffective interaction styles including the failure of building a trusting relationship, solving contentious problems, and seeking assistance.
- ▶ Anxious-ambivalent and preoccupied attachment patterns demonstrate a strong positive correlation with the severity of depressive symptoms and the number of previous episodes, as well as a moderate negative correlation with the pretreatment quality of life.
- ▶ Depressive patients' interaction style is characterized by less openness and, consistently, distancing from others.
- ▶ Openness and dominance are associated with secure attachment, whereas distancing and submission are associated with negative attachment styles.
- ▶ Considering the styles of attachment and social interaction may contribute to overcoming depression symptoms in the practice of interpersonal psychotherapy.

For citation

Kasimova S. O. (2019). Studying Attachment Types and Social Interaction Styles Among Depressive Patients in the Context of Interpersonal Psychotherapy. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 8–24. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.1

Original manuscript received 22.03.2019

Введение

Депрессия является одним из распространенных психических расстройств. По оценкам ВОЗ, от нее страдает более 300 миллионов человек. Депрессия может стать серьезным нарушением здоровья, особенно если она затягивается и принимает умеренную или тяжелую форму. Она может приводить к значительным страданиям человека, ухудшению социального функционирования, в худших случаях приводить к самоубийству. Ежегодно около 800000 человек погибают в результате самоубийства – второй по значимости причины смерти среди людей в возрасте 15–29 лет. Эти высокие показатели обусловлены не только широкой распространенностью депрессивных расстройств, но и частотой депрессивных эпизодов и тенденций к хроническому течению во многих случаях этого заболевания (Chisholm, 2001; Hirschfeld et al., 2000; “The World Health Report...”, 2002).

Многие больные депрессией не получают необходимого лечения. Препятствия для получения эффективного лечения включают отсутствие ресурсов, социальную стигматизацию, связанную с психическими расстройствами (Sobocki, Jönsson, Angst, & Rehnberg, 2006; Белялов, 2016; Wang et al., 2004; Dewa, Goering, Lin, & Paterson, 2002; Васильева, Каравалева и Полторац, 2012). Своевременная диагностика депрессивных расстройств и лечение



с помощью современных антидепрессантов и психологических вмешательств способны значительно облегчить страдания больных и существенно снизить риск негативных последствий депрессии, таких как суициды, распад семьи, потеря работы, употребление психоактивных веществ (“Nazirliyi Depressiyanin diaqnostika...”, 2009; McIntyre et al., 2006; Goeleven, Raedt, Baert, & Koster, 2006; Мосолов, 2002; Skodol et al., 2005). Тот факт, что количество суицидов остается по-прежнему высоким вопреки крайне широкому применению антидепрессантов, свидетельствует о том, что фармакотерапия, хотя и служит временным разрешением суицидального кризиса, не предохраняет пациента от совершения попыток самоубийства в будущем. На сегодняшний день психотерапевтические вмешательства завоевывают все большую популярность в качестве оптимального метода лечения депрессивных расстройств. При этом психотерапия является весьма результативным видом помощи, способствующим выздоровлению при рецидивирующих, хронических или резистентных к фармакотерапии типах депрессии (Mendlowicz & Stein, 2000; Widom, DuMont, & Czaja, 2007; Rosenström, 2013; Bifulco, Moran, Ball, & Bernazzani, 2002; Donker et al., 2013; Vos, Huibers, Diels, & Arntz, 2012).

Одним из видов психотерапии, включенных в современные клинические рекомендации по лечению депрессии, является интерперсональная психотерапия (ИПТ). Популярности ИПТ способствует ее краткосрочность, структурированность, а также эффективность, доказанная в многочисленных научных исследованиях.

Интерперсональная психотерапия – это ограниченный по времени фокусированный научно-доказанный подход к лечению в основном аффективных расстройств. Метод интерперсональной психотерапии изначально был нацелен на лечение депрессивных расстройств. Его создатели, Klerman и M. M. Weissman, полагали, что большая часть проблем у подобного рода пациентов возникает из-за негативных изменений в межличностных сферах общения. Поэтому все исследователи признавали важность социальных взаимодействий в формировании как нормы, так и патологии (Игумнов и Жебентяев, 2011; Markowitz et al., 2015; Weissman, 2006; Weissman, Markowitz, & Klerman, 2007; Markowitz & Weissman, 2004; Klerman, Weissman, Rounsaville, & Chevron, 1984).

По мнению Салливана (1999), то или иное личностное расстройство является своего рода попыткой неудачного приспособления человека к суровым требованиям общества. В отличие от психодинамических направлений, интерперсональная психотерапия характеризовалась пристальным вниманием не к бессознательным установкам, а к поведенческим особенностям личности (Markowitz et al., 2015).

В последние годы применение ИПТ постепенно входит в практику оказания помощи больным депрессией в Азербайджане (“Nazirliyi Depressiyanin



diagnozistika...”, 2009; “WHO-AIMS Report on Mental Health System...”, 2007; “Psixi Sağlamliq Sahəsində Milli Strategiya...”, 2011; Касимова и Герайбейли, 2015; Ismayilov & Asadova, 2011).

В то же время до сих пор отсутствует четкое понимание значения факторов, влияющих на результативность психотерапевтических вмешательств. Кроме того, отсутствует достаточная доказательная база о влиянии ИПТ на показатели социальной адаптации и качества жизни больных депрессиями.

Исследование, посвященное интерперсональным аспектам депрессии, представляет значительный интерес и является актуальным.

Цель исследования – изучение показателей, влияющих на формирование привязанности и социальной коммуникации у больных депрессией в процессе прохождения ими интерперсональной терапии.

В задачи исследования входит:

1. Проведение анализа социальных и межличностных факторов, обуславливающих возникновение проблемных зон у больных депрессиями.
2. Установление корреляции между типом привязанности, стилем коммуникации, степенью выраженности симптомов и качеством жизни при депрессивных расстройствах.
3. Определение эффективности ИПТ в плане редукции психопатологических симптомов и улучшения социального функционирования в процессе лечения депрессивных больных.
4. Выработка рекомендаций по эффективному проведению интерперсональной терапии у лиц, страдающих депрессией.

Материалы и методы

Отбор пациентов для настоящего исследования осуществлялся из числа лиц, страдающих депрессией, обратившихся за психиатрической помощью в Центр Психического Здоровья МЗ АР (ЦПЗ) и Клиническую психиатрическую больницу № 2 города Баку (КПБ № 2). ЦПЗ является новым психиатрическим учреждением, оказывающим различные амбулаторные виды психиатрической помощи лицам детского и взрослого возраста. В структуру Центра входит отделение экстренной психологической помощи, куда, в основном, направляются больные депрессией на психотерапию. КПБ № 2 представляет собой традиционную психиатрическую больницу, имеющую в своем составе дневное отделение, предоставляющее услуги амбулаторным больным, включая пациентов с депрессиями. Основная группа формировалась методом случайной выборки из числа пациентов, обратившихся в указанные учреждения в период с 2011 по 2015 гг. и отвечавших перечисленным ниже критериям.

Критериями для включения пациентов в исследование являлись:

- возраст пациента от 16 до 60 лет;



- наличие текущего диагноза депрессии, установленного в соответствии с диагностическими критериями депрессивного эпизода МКБ-10;
- наличие показаний для проведения интерперсональной психотерапии;
- информированное согласие на участие в данном исследовании.

Из настоящего исследования были исключены:

- пациенты, имеющие сопутствующий диагноз органического заболевания ЦНС;
- пациенты, страдающие тяжелыми соматическими заболеваниями, расстройствами личности или злоупотребляющие алкоголем и другими психоактивными веществами;
- лица с диагнозом «постшизофреническая депрессия» или «депрессивный эпизод» в рамках биполярного аффективного расстройства;
- лица с психологическим инфантилизмом или низкой мотивацией для участия в психотерапевтическом процессе;
- лица с хорошо развитыми зрелыми взаимоотношениями с окружающими, т. е. не нуждающиеся в рассмотрении проблем, соответствующих терапевтическим фокусам ИПТ.

Таблица 1

Распределение участников исследования по социодемографическим показателям

Table 1

Socio-demographic characteristics of study participants

<u>Показатели</u> <u>Characteristics</u>	<u>Основная группа n = 100</u> <u>Main group n = 100</u> <u>N (%)</u>
<u>Пол</u> <u>Gender</u>	
Мужской Male	36 (36.0)
Женский Female	64 (64.0)
<u>Возраст M (SD)</u> <u>Age M (SD)</u>	33.1 (11.25)



Таблица 1
Распределение участников исследования по социодемографическим показателям
Table 1
Socio-demographic characteristics of study participants

<u>Показатели</u> <u>Characteristics</u>	<u>Основная группа n = 100</u> <u>Main group n = 100</u> <u>N (%)</u>
<u>Семейное положение</u> <u>Marital status</u>	
Холост Single	42 (42.0)
Женат Married	47 (44.0)
В разводе Divorced	10 (10.1)
Вдов/а Widow/er	1 (1.0)
<u>Образование</u> <u>Education</u>	
Среднее Secondary school	12 (12.0)
Неполное высшее Undergraduate	11 (11.0)
Высшее High school	77 (77.0)
<u>Занятость</u> <u>Employment</u>	
Работает Employed	58 (58.0)
Не работает Non employed	42 (42.0)



Таблица 1

Распределение участников исследования по социодемографическим показателям

Table 1

Socio-demographic characteristics of study participants

<u>Показатели</u> <u>Characteristics</u>	<u>Основная группа n = 100</u> <u>Main group n = 100</u> <u>N (%)</u>
<u>Социальный статус</u> <u>Social standing</u>	
Низкий Low	3 (3.0)
Средний Middle	69 (69.0)
Высокий High	28 (28.0)

Результаты

В исследование вошли 100 пациентов с различными формами депрессии. Из них 36 человек были лицами мужского пола, а 64 – лицами женского пола. Преобладание женщин среди исследованных субъектов отражает общую статистику по заболеваемости депрессией, где соотношение женщин и мужчин 2:1. Средний возраст пациентов составил 33 года (95 % ДИ = 30,8–35,3). Наибольшее число пациентов составили лица, относящиеся к возрастной группе от 16 до 35 лет.

Диагностика депрессивных расстройств у пациентов в основной группе основывалась на исследовательских диагностических критериях МКБ-10.

Пациенты были распределены по диагнозам следующим образом: депрессивный эпизод (F32) – 74 человек (74 %), рекуррентное депрессивное расстройство (F33) – 16 человек, прочие депрессивные расстройства (F38) – 10 человек.

На рисунке 1 показано преобладание избегающего типа привязанности у больных депрессией. Важно отметить, что этот тип привязанности сформировался задолго до возникновения первых признаков депрессии.

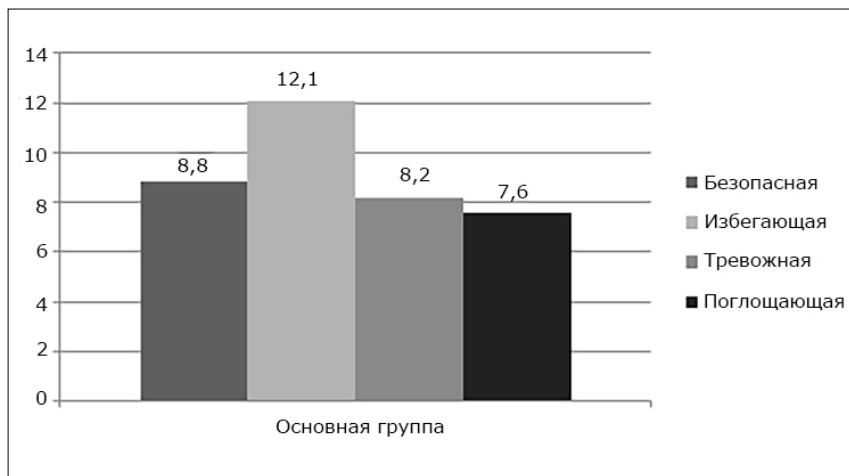


Рисунок 1. Выраженность 4-х типов привязанности по шкале MAQ

Figure 1. The MAQ scores for attachment types

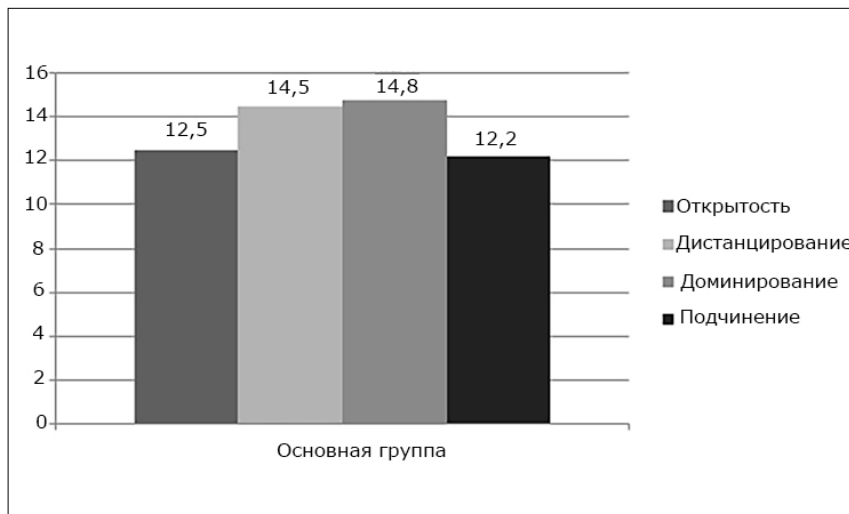


Рисунок 2. Показатели коммуникации по шкале ISQ

Figure 2. The ISQ scores for interaction styles



При анализе социальной коммуникации у больных депрессией были выявлены большее дистанцирование и меньшая открытость, что подтверждает установленный факт избегания больными тесных социальных контактов с окружающими в период депрессивного эпизода (рис. 2). Более того, характерные жалобы пациентов на беспомощность, отсутствие интереса к общению, низкую самооценку в определенном смысле согласуются со стремлением к отстранению от общения или сохранению существенной дистанции. Преобладание дистанцирования в общении может создавать значительные проблемы у депрессивных больных, затрудняя контакты с окружающими и возможность доступа к помощи.

По свидетельству самих пациентов и членов их семей, формирование дистанционного стиля коммуникации происходит задолго до первого эпизода депрессии. В этой связи, особое значение может иметь тип привязанности, который во многом определяет стиль коммуникации депрессивных больных. С этой целью был проведен корреляционный анализ между типами привязанности и стилями коммуникации.

Таблица 2

Корреляция между типами привязанности и стилями коммуникации

Table 2

Correlations between attachment types and interaction styles

Тип привязанности Attachment type	Открытость Openness	Дистанцирование Distancing	Доминирование Dominance	Подчинение Submission
Безопасный Secure	0.478**	-0.488**	0.227*	-0.243*
Избегающий Avoidant	-0.525**	0.521**	-0.315**	0.340**
Амбивалентно-тревожный Anxious-ambivalent	-0.032	0.011	-0.064	0.067
Амбивалентно-поглощающий Preoccupied	-0.196	0.177	-0.208*	0.229*

Примечание: ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$.Notes: ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$.



Безопасный тип привязанности выявляет умеренную положительную корреляцию с открытостью, что вполне естественно, поскольку лица, сформировавшие этот тип привязанности, способны выстраивать доверительные отношения и открыто обсуждать различные вопросы. Также слабая положительная корреляция была выявлена между безопасным типом привязанности и доминированием, что тоже может объясняться большей уверенностью в себе у пациентов с этим типом привязанности. В свою очередь, дистанцирование и подчинение обнаруживают, соответственно, отрицательную умеренную и слабую корреляции с безопасным типом привязанности.

Как и следовало ожидать, избегающий тип привязанности достаточно сильно коррелирует с открытостью (негативная корреляция) и с дистанцированием (положительная корреляция). Это обстоятельство связано с тем, что лица с избегающим типом стремятся отгородиться от коммуникации с окружающими.

Амбивалентно-тревожный тип привязанности не выявил статистически значимой корреляции ни с одним из стилей коммуникации.

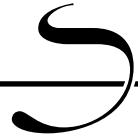
Вопреки ожиданиям, амбивалентно поглощающий стиль обнаружил отрицательную корреляцию с доминированием и, соответственно, положительную корреляцию с подчинением. Этот факт показался нам интересным, поскольку плохо согласуется с навязчивыми требованиями получения внимания и поддержки со стороны окружающих у пациентов с поглощающей привязанностью. Вместе с тем следует отметить, что лица с данным типом привязанности нередко демонстрируют стиль коммуникации «подчинение» для вовлечения в более близкие и интенсивные отношения.

Обсуждение результатов

Говоря о типе привязанности и стиле коммуникации в контексте психотерапии депрессии, стоит отметить, что полученные нами данные имеют три важных практических аспекта.

Во-первых, определение типа привязанности и стиля коммуникации в перспективе способствует лучшему пониманию взаимодействия пациента со своим окружением и установлению более продуктивного терапевтического альянса. Во-вторых, формирование безопасной привязанности и конструктивного стиля коммуникации должно рассматриваться в качестве одной из задач психотерапии. Наконец, психотерапию следует рассматривать как важнейший инструмент помощи больным с депрессией, у которых обнаруживаются небезопасный тип привязанности и проблемный стиль коммуникации.

Новым подходом, примененным в данном исследовании, является изучение тяжести депрессии и качества жизни у пациентов с одной и несколькими интерперсональными проблемными зонами.



В ходе выполнения исследования получены новые данные об особенностях проведения ИПТ у пациентов с различным уровнем функциональной адаптации и факторах, способствующих или препятствующих ее эффективности.

Впервые в данном исследовании использованы современные инструменты по оценке межличностного функционирования – шкала измерения качества привязанности (MAQ) и опросник межличностного стиля общения (ISQ).

Вывод: тип привязанности и характер социальной коммуникации необходимо учитывать при проведении межличностной терапии больным депрессией.

Литература

- Белялов Ф. И. Депрессия, тревога, стресс и смертность // *Терапевтический архив*. 2016. № 12. С. 116–119. DOI: [10.17116/terarkh20168812116-119](https://doi.org/10.17116/terarkh20168812116-119)
- Васильева А. В., Караваева Т. А., Полторак С. В. Затяжные формы невротических расстройств: клинико-психопатологические аспекты и вопросы терапии // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии*. 2012. № 4. С. 81–87.
- Игумнов С. А., Жебентяев В. А. Современные подходы в психотерапии расстройств депрессивного спектра (аналитический обзор) // *Российский психиатрический журнал*. 2011. № 4. С. 51–58.
- Касимова С. О., Герайбейли Г. Ч. Изучение стиля коммуникации у больных с депрессией // *Психиатрия и психофармакотерапия им. П. Б. Ганнушкина*. 2015. № 5–6. С. 59–62.
- Мосолов С. Н. Резистентность к психофармакотерапии и методы ее преодоления // *Психиатрия и психофармакотерапия им. П. Б. Ганнушкина*. 2002. № 4. С. 132–136.
- Салливан Г. С. Интерперсональная теория психиатрии / пер. с англ. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. 347 с.
- Bifulco A., Moran P. M., Ball C., Bernazzani O. Adult attachment style. I: Its relationship to clinical depression // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2002. Vol. 37, Issue 2. P. 50–59. DOI: [10.1007/s127-002-8215-0](https://doi.org/10.1007/s127-002-8215-0)
- Chisholm D. The economic consequences of depression // *Depression: Social and Economic Timebomb* / A. Dawson, A. Tylee (Eds.). London: BMJ Books, 2001. P. 119–120.
- Dewa C. S., Goering P., Lin E., Paterson M. Depression-related short-term disability in an employed population // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2002. Vol. 44, Issue 7. P. 628–633.
- Donker T., Bennett K., Bennett A., Mackinnon A., van Straten A., Cuijpers P., Christensen H., Griffiths K. M. Internet-delivered interpersonal psychotherapy versus internet-delivered cognitive behavioral therapy for adults with depressive symptoms: randomized controlled noninferiority trial // *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 15, Issue 5. e82.



- Goeleven E., Raedt R. D., Baert S., Koster E. H. W. Deficient inhibition of emotional information in depression // *Journal of Affective Disorders*. 2006. Vol. 93, Issues 1–3. P. 149–157. DOI: [10.1016/j.jad.2006.03.007](https://doi.org/10.1016/j.jad.2006.03.007)
- Hirschfeld R. M. A., Montgomery S. A., Keller M. B., Kasper S., Schatzberg A. F., Moller H.-J., Healy D., Baldwin D., Humble M., Versiani M., Montenegro R., Bourgeois M. Social functioning in depression: a review // *The Journal of Clinical Psychiatry*. 2000. Vol. 61, Issue 4. P. 268–275. DOI: [10.4088/JCP.v61n0405](https://doi.org/10.4088/JCP.v61n0405)
- Ismayilov F. N., Asadova S. Training on the management of depression in primary care in Azerbaijan // *International Psychiatry*. 2011. Vol. 8, Issue 2. P. 43–45. DOI: [10.1192/S1749367600002459](https://doi.org/10.1192/S1749367600002459)
- Klerman G. L., Weissman M., Rounsaville B. J., Chevron E. S. Interpersonal psychotherapy of depression. New York: Basic Books, 1984. 272 p.
- Markowitz J. C., Petkova E., Neria Y., Van Meter P. E., Zhao Y., Hembree E., Lovell K., Biyanova T., Marshall R. D. Is exposure necessary? A randomized clinical trial of interpersonal psychotherapy for PTSD // *The American Journal of Psychiatry*. 2015. Vol. 172, Issue 5. P. 430–440. DOI: [10.1176/appi.ajp.2014.14070908](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2014.14070908)
- Markowitz J. C., Weissman M. M. Interpersonal psychotherapy: Principles and applications // *World Psychiatry*. 2004. Vol. 3, Issue 3. P. 136–139.
- McIntyre R. S., Konarski J. Z., Mancini D. A., Zurowski M., Giacobbe P., Soczynska J. K., Kennedy S. H. Improving outcomes in depression: A focus on somatic symptoms // *Journal of Psychosomatic Research*. 2006. Vol. 60, Issue 3. P. 279–282. DOI: [10.1016/j.jpsychores.2005.09.010](https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2005.09.010)
- Mendlowicz M. V., Stein M. B. Quality of life in individuals with anxiety disorders // *The American Journal of Psychiatry*. 2000. Vol. 157, Issue 5. P. 669–682. DOI: [10.1176/appi.ajp.157.5.669](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.157.5.669)
- Nazirliyi Depressiyanin diaqnostika və müalicəsi üzrə klinik protokol. Bakı: Azərbaycan Respublikası Səhiyyə, 2009. 60 p.
- Psixi Sağlamlıq Sahəsində Milli Strategiya. Bakı: Azərbaycan Respublikası Səhiyyə Nazirliyi, 2011. 37 p.
- Rosenström T. Bargaining models of depression and evolution of cooperation // *Journal of Theoretical Biology*. 2013. Vol. 331. P. 54–65. DOI: [10.1016/j.jtbi.2013.04.012](https://doi.org/10.1016/j.jtbi.2013.04.012)
- Skodol A. E., Grilo C. M., Pagano M. E., Bender D. S., Gunderson J. G., Shea M. T., Yen S., Zanarini M. C., McGlashan T. H. Effects of personality disorders on functioning and well-being in major depressive disorder // *Journal of Psychiatric Practice*. 2005. Vol. 11. P. 363–368.
- Sobocki P., Jönsson B., Angst J., Rehnberg C. Cost of depression in Europe // *The Journal of Mental Health Policy and Economics*. 2006. Vol. 9. P. 87–98.
- The World Health Report 2002. Reducing Risks, Promoting Healthy Life. Geneva: World Health Organization, 2002. 248 p.



- Vos S. P. F., Huibers M. J. H., Diels L., Arntz A. A randomized clinical trial of cognitive behavioral therapy and interpersonal psychotherapy for panic disorder with agoraphobia // *Psychological Medicine*. 2012. Vol. 42, Issue 12. P. 2661–2672. DOI: [10.1017/S0033291712000876](https://doi.org/10.1017/S0033291712000876)
- Wang P. S., Beck A. L., Berglund P., McKenas D. K., Pronk N. P., Simon G. E., Kessler R. C. Effects of major depression on moment-in-time work performance // *American Journal of Psychiatry*. 2004. Vol. 161, Issue 10. P. 1885–1891. DOI: [10.1176/ajp.161.10.1885](https://doi.org/10.1176/ajp.161.10.1885)
- Weissman M. M. A brief history of interpersonal psychotherapy // *Psychiatric Annals*. 2006. Vol. 36, Issue 8. P. 553–557.
- Weissman M. M., Markowitz J., Klerman G. L. Clinician's quick guide to interpersonal psychotherapy. New York: Oxford University Press, 2007. 208 p.
- WHO-AIMS Report on Mental Health System in Azerbaijan. World Health Organization; Ministry of Health, Baku, Azerbaijan, 2007. 33 p.
- Widom C. S., DuMont K., Czaja S. J. A prospective investigation of major depressive disorder and comorbidity in abused and neglected children grown up // *Archives of General Psychiatry*. 2007. Vol. 64, Issue 1. P. 49–56. DOI: [10.1001/archpsyc.64.1.49](https://doi.org/10.1001/archpsyc.64.1.49)

References

- Belyalov, F. I. (2016). Depression, anxiety, stress, and mortality. *Terapevticheskiy arkhiv (Therapeutic Archive)*, 12, 116–119. doi: [10.17116/terarkh20168812116-119](https://doi.org/10.17116/terarkh20168812116-119) (in Russ.).
- Bifulco, A., Moran, P. M., Ball, C., & Bernazzani, O. (2002). Adult attachment style. I: Its relationship to clinical depression. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 37(2), 50–59. doi: [10.1007/s127-002-8215-0](https://doi.org/10.1007/s127-002-8215-0)
- Chisholm, D. (2001). The economic consequences of depression. In A. Dawson, & A. Tylee (Eds.), *Depression: Social and economic timebomb* (pp. 119–120). London: BMJ Books.
- Dewa, C. S., Goering, P., Lin, E., & Paterson, M. (2002). Depression-related short-term disability in an employed population. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 44(7), 628–633.
- Donker, T., Bennett, K., Bennett, A., Mackinnon, A., van Straten, A., Cuijpers, P., Christensen, H., & Griffiths, K. M. (2013). Internet-delivered interpersonal psychotherapy versus internet-delivered cognitive behavioral therapy for adults with depressive symptoms: randomized controlled noninferiority trial. *Journal of Medical Internet Research*, 15(5), e82.
- Goeleven, E., Raedt, R. D., Baert, S., & Koster, E. H. W. (2006). Deficient inhibition of emotional information in depression. *Journal of Affective Disorders*, 93(1–3), 149–157. doi: [10.1016/j.jad.2006.03.007](https://doi.org/10.1016/j.jad.2006.03.007)



- Hirschfeld, R. M. A., Montgomery, S. A., Keller, M. B., Kasper, S., Schatzberg, A. F., Moller, H.-J., Healy, D., Baldwin, D., Humble, M., Versiani, M., Montenegro, R., & Bourgeois, M. (2000). Social functioning in depression: A review. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 61(4), 268–275. doi: [10.4088/JCP.v61n0405](https://doi.org/10.4088/JCP.v61n0405)
- Igumnov, S. A., & Zhebentyaev, V. A. (2011). Modern approaches to psychotherapy of the depressive spectrum disorders. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal (Russian Journal of Psychiatry)*, 4, 51–58. (in Russ.).
- Ismayilov, F. N., & Asadova, S. (2011). Training on the management of depression in primary care in Azerbaijan. *International Psychiatry*, 8(2), 43–45. doi: [10.1192/S1749367600002459](https://doi.org/10.1192/S1749367600002459)
- Kasimova, S. O., & Geraiibelli, G. Ch. (2015). Studying interaction style in patients with major depression. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya im. P. B. Gannushkina (Psychiatry and Psychopharmacotherapy)*, 5–6, 59–62. (in Russ.).
- Klerman, G. L., Weissman, M., Rounsaville, B. J., & Chevron, E. S. (1984). *Interpersonal psychotherapy of depression*. New York: Basic Books.
- Markowitz, J. C., Petkova, E., Neria, Y., Van Meter, P. E., Zhao, Y., Hembree, E., Lovell, K., Biyanova, T., & Marshall, R. D. (2015). Is exposure necessary? A randomized clinical trial of interpersonal psychotherapy for PTSD. *The American Journal of Psychiatry*, 172(5), 430–440. doi: [10.1176/appi.ajp.2014.14070908](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2014.14070908)
- Markowitz, J. C., & Weissman, M. M. (2004). Interpersonal psychotherapy: Principles and applications. *World Psychiatry*, 3(3), 136–139.
- McIntyre, R. S., Konarski, J. Z., Mancini, D. A., Zurowski, M., Giacobbe, P., Soczynska, J. K., & Kennedy, S. H. (2006). Improving outcomes in depression: A focus on somatic symptoms. *Journal of Psychosomatic Research*, 60(3), 279–282. doi: [10.1016/j.jpsychores.2005.09.010](https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2005.09.010)
- Mendlowicz, M. V., Stein, M. B. (2000). Quality of life in individuals with anxiety disorders. *The American Journal of Psychiatry*, 157(5), 669–682. doi: [10.1176/appi.ajp.157.5.669](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.157.5.669)
- Ministry of Health. (2009). *The clinical protocol for the diagnosis and treatment of depression*. Baku: Ministry of Healthcare of Azerbaijan Republic. (in Azerb.).
- Mosolov, S. N. (2002). Resistance to psychopharmacotherapy and methods of its overcoming. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya im. P. B. Gannushkina (Psychiatry and Psychopharmacotherapy)*, 4, 132–136. (in Russ.).
- Rosenström, T. (2013). Bargaining models of depression and evolution of cooperation. *Journal of Theoretical Biology*, 331, 54–65. doi: [10.1016/j.jtbi.2013.04.012](https://doi.org/10.1016/j.jtbi.2013.04.012)
- Skodol, A. E., Grilo, C. M., Pagano, M. E., Bender, D. S., Gunderson, J. G., Shea, M. T., Yen, S., Zanarini, M. C., & McGlashan, T. H. (2005). Effects of personality disorders on functioning and well-being in major depressive disorder. *Journal of Psychiatric Practice*, 11, 363–368.
- Sobocki, P., Jönsson, B., Angst, J., Rehnberg, C. (2006). Cost of depression in Europe. *The Journal of Mental Health Policy and Economics*, 9, 87–98.



- Sullivan, G. S. (1999). *Interpersonal theory of psychiatry*. St. Petersburg: Yuventa; Moscow: KSP+. (in Russ.).
- The National Mental Health Strategy*. (2011). Baku: Ministry of Health of Azerbaijan Republic. (in Azerb.).
- The World health report: 2002: Reducing risks, promoting healthy life*. (2002). Geneva: World Health Organization.
- Vasil'eva, A. V., Karavaeva, T. A., & Poltorak, S. V. (2012). Prolonged *neurotic disorders*: Clinical and psychopathological aspects and therapy. *Obozrenie psikhatrii i meditsinskoj psikhologii (The Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology)*, 4, 81–87. (in Russ.).
- Vos, S. F., Huibers, M. J. H., Diels, L., & Arntz, A. (2012). A randomized clinical trial of cognitive behavioral therapy and interpersonal psychotherapy for panic disorder with agoraphobia. *Psychological Medicine*, 42(12), 2661–2672. doi: [10.1017/S0033291712000876](https://doi.org/10.1017/S0033291712000876)
- Wang, P. S., Beck, A. L., Berglund, P., McKenas, D. K., Pronk, N. P., Simon, G. E., & Kessler, R. C. (2004). Effects of major depression on moment-in-time work performance. *American Journal of Psychiatry*, 161(10), 1885–1891. doi: [10.1176/ajp.161.10.1885](https://doi.org/10.1176/ajp.161.10.1885)
- Weissman, M. M. (2006). A brief history of interpersonal psychotherapy. *Psychiatric Annals*, 36(8), 553–557.
- Weissman, M. M., Markowitz, J., & Klerman, G. L. (2007). *Clinician's quick guide to interpersonal psychotherapy*. New York: Oxford University Press.
- Widom, C. S., DuMont, K., & Czaja, S. J. (2007). A prospective investigation of major depressive disorder and comorbidity in abused and neglected children grown up. *Archives of General Psychiatry*, 64(1), 49–56. doi: [10.1001/archpsyc.64.1.49](https://doi.org/10.1001/archpsyc.64.1.49)
- World Health Organization. (2007). *WHO-AIMS report on mental health system in Azerbaijan*. Baku: Ministry of Health of Azerbaijan Republic.



УДК 159.955.4

doi: [10.21702/rpj.2019.2.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.2)

Метакогнитивный подход в диагностике трудностей психической саморегуляции студентов

Валентина М. Бызова*, Александра Е. Ловягина, Екатерина И. Перикова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

* E-mail: vbysova@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье изучаются основные причины затруднений психической саморегуляции на примере студенческой молодежи. Новизна исследования обусловлена комплексным подходом к систематизации отечественных и зарубежных исследований проблемы трудностей психической саморегуляции в аспекте метакогнитивизма.

Методы. В разделе описываются методики психологического тестирования: опросник «Стиль саморегуляции поведения» Моросановой, опросник «Самоорганизация деятельности» Мандриковой, опросник Холла на определение уровня эмоционального интеллекта, Гиссенский опросник психосоматических жалоб, анкета «Трудности саморегуляции» Ловягиной. В исследовании приняли участие 113 студентов второго курса Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте 19–22 лет (средний возраст 19,5 лет).

Результаты. В результате проведенного исследования выделены группы студентов, различающихся по уровню самоорганизации деятельности и стилей саморегуляции поведения. Выявлены и описаны трудности психической саморегуляции в выборке студенческой молодежи в ряде аспектов: «внимание – воля», «сдержанность», «мышление», «тревога – память». Подчеркнута роль стилей саморегуляции поведения и самоорганизации деятельности, а также умения управлять эмоциональной сферой в эффективности преодоления трудностей психической саморегуляции.

Обсуждение результатов. Метакогнитивный подход, который лежит в основе анализа трудностей самоуправления, позволяет решать научно-исследовательские, а также прикладные задачи, связанные с совершенствованием навыков психической саморегуляции. В процессе работы над осознанием трудностей психической саморегуляции и оценкой своих когнитивных особенностей у студентов актуализируются метапознание и понимание необходимости развития навыков психической саморегуляции. Полученные метакогнитивные знания способствуют адекватной самооценке, выбору наиболее эффективных стратегий поведения и самоорганизации деятельности.



Ключевые слова

психическая саморегуляция, метакогнитивный подход, метапознание, навыки метапознания, эмоциональный интеллект, когнитивные особенности, трудности саморегуляции, осознание трудностей, эффективность самоуправления, самоорганизация деятельности

Основные положения

- ▶ субъективная оценка психической саморегуляции реализуется посредством метапознания, что позволяет объективно диагностировать трудности самоуправления;
- ▶ развитие метапознания и адекватная оценка трудностей способствуют эффективности психической саморегуляции;
- ▶ эффективность преодоления трудностей психической саморегуляции обусловлена уровнем эмоционального интеллекта и осознанием своих возможностей.

Для цитирования

Бызова В. М., Ловягина А. Е., Перикова Е. И. Метакогнитивный подход в диагностике трудностей психической саморегуляции студентов // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 25–42. doi: 10.21702/rpj.2019.2.2

Материалы статьи получены 21.12.2018

UDC 159.955.4

doi: [10.21702/rpj.2019.2.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.2)

A Metacognitive Approach to Diagnosing Difficulties in Students' Mental Self-regulation

Valentina M. Byzova*, Aleksandra E. Lovyagina, Ekaterina I. Perikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: vbysova@mail.ru

Abstract

Introduction. This study investigates the main reasons for difficulties in students' mental self-regulation and represents a first attempt to systematize previous research findings from the field in the context of the metacognitive approach.

Methods. The study used the following techniques of psychological testing: (a) the Style of Self-regulation of Behavior questionnaire by Morosanova, (b) the Self-organization of Activities questionnaire by Mandrikova, (c) the Emotional Intelligence Self-evaluation technique by N. Hall, (d) the Gissen Complaints Questionnaire, and (e) the Difficulties in Self-regulation questionnaire by Lovyagina. A sample of 113 second-year students of St. Petersburg State University with a mean age of 19.5 years took part in this study.



Results. The findings of this study indicate that several groups of students can be distinguished based on the levels of self-organization of activities and the styles of self-regulation of behavior. The authors identified and described the difficulties in students' mental self-regulation in (a) attention and will, (b) self-restraint, (c) thinking, and (d) anxiety and memory. The styles of self-regulation of behavior and self-organization of activities and the ability to manage the emotional sphere are important factors that can help to overcome difficulties in mental self-regulation.

Discussion. The metacognitive approach to the analysis of difficulties in self-regulation is capable of solving theoretical and practical problems related to improvement in mental self-regulation skills. Students' assessment of their own cognitive abilities and their awareness of difficulties in mental self-regulation enable their metacognition and contribute to the development of skills of mental self-regulation. Metacognitive knowledge facilitates adequate self-assessment skills and the choice of the most effective strategies of behavior and self-organization of activities.

Keywords

mental self-regulation, metacognitive approach, metacognition, metacognitive skills, emotional intelligence, cognitive abilities, difficulties in self-regulation, awareness of difficulties, effectiveness of self-regulation, self-organization of activity

Highlights

- ▶ Metacognition underlies subjective assessment of mental self-regulation, which contributes to the objective diagnosis of difficulties in self-regulation.
- ▶ Well-developed metacognition and adequate appraisal of difficulties contribute to effective mental self-regulation.
- ▶ The success in overcoming difficulties in mental self-regulation depends on the level of emotional intelligence and individuals' awareness of their own abilities.

For citation

Byzova, V. M., Lovyagina, A. E., & Perikova, E. I. (2019). A Metacognitive Approach to Diagnosing Difficulties in Students' Mental Self-regulation. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 25–42. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.2

Original manuscript received 21.12.2018

Введение

В современной науке понятие «саморегуляция» определяется как «универсальный принцип активности живых и квазживых систем, направляемых целями или другими высшими критериями желательного» (Леонтьев, 2016, с. 19). В работах Леонтьева подчеркивается комплексный подход к изучению



саморегуляции, которая определяется через личностный потенциал: как то, что «срабатывает, когда не удается уйти от необходимости изменений в деятельности и личности» (Леонтьев, 2016, с. 28).

Саморегуляция рассматривается как механизм целесообразной коррекции активности в движении от менее благоприятных к более благоприятным результатам. В целостной системе саморегуляции выделяют три уровня: гуморальной, нервной и психической регуляции, которые обеспечивают функционирование сложно организованных живых систем, включая человека (Дикая, 2003).

В современной отечественной и зарубежной психологии феномен психической саморегуляции изучается с различных ракурсов:

- как средство организации и реализации деятельности (Никифоров, 1985; Конопкин, 1995; Моросанова, 2001; Костин и Голиков, 2014; Прохоров, 2005);
- как приемы оптимизации психических состояний тревоги, стресса, утомления (Дикая, 2003; Garnefski & Kraaij, 2007; Моросанова, 2012; Осницкий, 2009);
- как фактор развития личности (Kuhl, 1994a, 1994b; Carver & Scheier, 2001; Прохоров, 2017; Первичко, 2014).

Еще один современный подход изучения саморегуляции включает данный феномен в структуру метапознания. Метапознание определяется как деятельность мониторинга и контроля своего познания, а его основная функция – как регуляция познавательного процесса с применением знаний о закономерностях когнитивных процессов и познания в целом (Gross, 2002; Garnefski, Kraaij, & Spinhoven, 2001; Thompson & Johnson, 2014; Файзуллаев, 1987; Kuhl & Kazén, 1994; Martinez & Davalos, 2016).

А. В. Карпов описывает структуру регуляторной рефлексии, включая регуляцию познавательной деятельности. Метапознание отражает способности понимать процесс обучения в широком смысле, регулировать собственные наблюдения, память и использовать языковые способности (А. А. Карпов, 2012; Карпов и Карпов, 2016; А. В. Карпов и Скитяева, 2005; А. В. Карпов, 2004).

Особое место в определении сущности психической саморегуляции занимают концепции, характеризующие данный феномен как проявление волевых процессов, как «способность человека к сознательной намеренной активности или к самодетерминации через работу во внутреннем плане» (Иванников, 2006, с. 93). Представление об обусловленности саморегуляции волей разделяют зарубежные авторы, по мнению которых саморегуляция опосредована волевой сферой человека и рассматривается в качестве контроля за действиями (Flavell, 1979; Brown, 1987).

Самооценка эффективности предполагает наличие переживаний, связанных с причинами затруднений самовоздействий. В исследуемых нами конкретных



случаях трудности саморегуляции могут проявляться на разных уровнях: когнитивном («Трудно сконцентрировать внимание, вспомнить, сообразить, придумать что-то новое»); на эмоциональном («Сложно понять эмоции другого человека, выразить свои, вызвать нужные эмоции»); на волевом («Тяжело проявить настойчивость, выдержку, смелость»).

Изучение объективных трудностей самоуправления важно не только для конкретизации научных представлений о психической саморегуляции, но также имеет значение для повышения эффективности психологической помощи. Возможность оценить область, в которой наиболее выражены затруднения саморегуляции, позволяет адресно проводить совершенствование приемов психической саморегуляции. На основе выявления незначительных или существенных трудностей возможна оптимизация стилей саморегуляции поведения и деятельности. Некоторые трудности саморегуляции достаточно подробно изучены при различных видах аддикции в четырех сферах: чувств, самооценки, взаимоотношений, заботы о себе (Змановская, 2008). Несмотря на большое число отечественных и зарубежных исследований, до сих пор недостаточно изучены конкретные трудности психической саморегуляции, что может быть связано с отсутствием диагностического инструментария для соответствующих задач.

Целью настоящего исследования является выявление и обоснование основных причин затруднений психической саморегуляции. Исследование включает следующие эмпирические задачи:

- 1) апробировать анкету «Трудности саморегуляции» и описать особенности затруднений в общей выборке респондентов;
- 2) определить специфику модальностей трудностей саморегуляции;
- 3) оценить стили саморегуляции поведения, самоорганизации деятельности, психосоматические жалобы, особенности эмоционального интеллекта и определить их связь с модальностями трудностей психической саморегуляции.

Гипотезы исследования:

1. Модальности трудностей психической саморегуляции имеют специфику относительно самоорганизации и саморегуляции поведения, уровня эмоционального интеллекта и психосоматических жалоб респондентов.

2. Метакогнитивный подход в изучении трудностей саморегуляции позволяет дать прогноз об эффективности психической саморегуляции.

Методы

Использовались: анкета Ловягиной «Трудности саморегуляции»; методики, направленные на изучение различных аспектов саморегуляции: опросник «Стиль саморегуляции поведения» Моросановой, опросник



самоорганизации деятельности Мандриковой, методика Холла на определение уровня эмоционального интеллекта, Гиссенский опросник психосоматических жалоб (Моросанова, 2012; Мандрикова, 2010; Трегубов и Бабин, 1992).

Статистическая обработка проводилась с использованием SPSS19/0. Применялись описательная статистика, корреляционный и факторный виды анализа.

Разработанная Ловягиной анкета «Трудности саморегуляции» включает 14 вопросов, предназначенных для оценки трудностей управления собой в отношении разных сфер психики: когнитивных процессов (память, мышление, внимание), эмоций, воли, функциональных аспектов (активизация и темп деятельности). Теоретическими основаниями для анкеты послужили научные представления об уровне саморегуляции, а также положение о том, что структурные компоненты психической саморегуляции соответствуют метакогнитивным процессам (Карпов и Карпов, 2016). Субъективная оценка психической саморегуляции реализуется посредством метапознания, поэтому применение именно метакогнитивного подхода позволяет более объективно диагностировать трудности управления собой.

В исследовании приняли участие 113 студентов дневного отделения второго курса (19 юношей и 94 девушки) Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте 19–22 лет (средний возраст 19,5 лет). Процедура исследования предполагала заполнение бумажных версий опросников в условиях учебных аудиторий. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

Результаты

В соответствии с целью и задачами исследования был проведен факторный анализ результатов по каждому отдельному пункту опросника, включивший 113 наблюдений. Применение метода главных компонент с ротацией факторов «Varimax» позволило получить 14 переменных и выделить 4 фактора, объясняющих 64,2 % дисперсии исходной корреляционной матрицы (табл. 1). В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,5 ($KMO = 0,748$, $Bartlett's Test = 455,125$ $df = 91$, $p = 0,0000$).

Из таблицы 1 можно видеть, что самый значимый первый фактор сформировали вопросы: «Не могу сконцентрироваться на том, что нужно» (0,822), «Постоянно отвлекаюсь» (0,779), «Трудно активизироваться, преодолеть лень, апатию» (0,732), «Не могу решиться и начать действовать» (0,563), «Не могу проявить настойчивость и довести дело до конца» (0,564). Первый фактор объединяет трудности в таких аспектах саморегуляции, как внимание и воля.



Таблица 1

Показатели факторного анализа ответов на вопросы анкеты «Трудности саморегуляции»

Table 1

Factor analysis of items from the Difficulties in Self-regulation questionnaire

Вопросы анкеты Questionnaire items	Факторы Factors			
	1 фактор Внима- ние – воля Factor 1 Attention/ will	2 фактор Сдержан- ность Factor 2 Self-restraint	3 фактор Мышление Factor 3 Thinking	4 фактор Тревога – память Factor 4 Anxiety/ memory
1. Не могу сконцентриро- ваться на том, что нужно I find it difficult to concentrate on what I'm doing	0,822	-0,008	0,037	0,128
2. Постоянно отвлекаюсь I constantly find myself distracted	0,779	0,109	-0,227	0,000
3. Затрудняюсь вспомнить нужную информацию I find it difficult to remember the necessary information	0,046	-0,166	0,323	0,599
4. Не могу запомнить то, что нужно I find it difficult to memorize the necessary things	0,410	-0,007	0,284	0,626
5. Затрудняюсь проанали- зировать ситуацию, не могу понять, в чём проблема I find it difficult to analyze the situation; I don't understand the problem	0,045	0,132	0,841	0,181



Таблица 1

Показатели факторного анализа ответов на вопросы анкеты «Трудности саморегуляции»

Table 1

Factor analysis of items from the Difficulties in Self-regulation questionnaire

Вопросы анкеты Questionnaire items	Факторы Factors			
	1 фактор Внима- ние – воля Factor 1 Attention/ will	2 фактор Сдержан- ность Factor 2 Self-restraint	3 фактор Мышление Factor 3 Thinking	4 фактор Тревога – память Factor 4 Anxiety/ memory
6. С трудом соображаю, как лучше поступить в данной ситуации и что надо делать I can hardly understand what to do in this situation and what is the best solution to it	-0,004	0,146	0,817	0,088
7. Трудно активизироваться, преодолеть лень, апатию I find it difficult to activate myself and to overcome laziness and apathy	0,732	-0,224	-0,025	-0,082
8. Трудно затормозиться, остановиться I find it difficult to inhibit and to stop	-0,112	0,689	0,352	-0,054
9. Затрудняюсь сдерживать раздражение, злость, гнев I find it difficult to inhibit irritation and anger	0,330	0,619	0,207	-0,350
10. Затрудняюсь справиться с волнением, страхом I find it difficult to cope with anxiety and fear	0,074	0,104	-0,038	0,772



Таблица 1

Показатели факторного анализа ответов на вопросы анкеты «Трудности саморегуляции»

Table 1

Factor analysis of items from the Difficulties in Self-regulation questionnaire

Вопросы анкеты Questionnaire items	Факторы Factors			
	1 фактор Внима- ние – воля Factor 1 Attention/ will	2 фактор Сдержан- ность Factor 2 Self-restraint	3 фактор Мышление Factor 3 Thinking	4 фактор Тревога – память Factor 4 Anxiety/ memory
11. Трудно действовать энергичнее, активнее I find it difficult to act more vigorously and actively	0,472	-0,465	0,304	0,316
12. Трудно действовать медленнее, спокойнее I find it difficult to act more slowly and calmer	-0,116	0,804	0,016	0,264
13. Не могу решиться и начать действовать I hesitate and find it difficult to start doing things	0,563	-0,358	0,243	0,205
14. Не могу проявить настойчивость и довести дело до конца I find it difficult to be persistent and to bring things to a close	0,564	0,071	0,138	0,234

Второй фактор включил вопросы: «Трудно действовать медленнее, спокойнее» (0,804), «Трудно затормозиться, остановиться» (0,689), «Затрудняюсь сдерживать раздражение, злость, гнев» (0,619), которые отражают функциональный и эмоциональный аспекты саморегуляции в плане проявления сдержанности.



Третий фактор включил вопросы, связанные с трудностями в процессе мышления: «Затрудняюсь проанализировать ситуацию, не могу понять, в чём проблема» (0,841), «С трудом соображаю, как лучше поступить в данной ситуации и что надо делать» (0,817).

Четвертый фактор составили вопросы: «Затрудняюсь справиться с волнением, страхом» (0,772), «Не могу запомнить то, что нужно» (0,626), «Затрудняюсь вспомнить нужную информацию» (0,599). Примечательно, что затруднения, обусловленные тревогой, и особенности памяти оказались связаны, причем тревога первична.

Факторный анализ полученных результатов показал, что наибольшие трудности студенты испытывают в области осознанной саморегуляции, связанной с волевыми процессами и вниманием. Второе место по значимости составили трудности в сдерживании эмоций, снижении излишнего возбуждения и переходе к более спокойной работе (фактор 2). В третьем и четвертом факторах отражены трудности саморегуляции, связанные с мышлением и памятью. Описательные статистики по полученным шкалам обнаружили следующие показатели: *первый фактор* $M = 2,92 \pm 0,9$; *второй фактор* $M = 2,60 \pm 0,98$; *третий фактор* $M = 2,30 \pm 1,03$; *четвертый фактор* $M = 5,2 \pm 0,83$.

Статистический анализ включил описательные статистики 24-х показателей. Были получены средние значения и стандартные отклонения индексов шкал, характеризующих параметры психической саморегуляции: «планирование» ($5,7 \pm 2,1$), «моделирование» ($5,5 \pm 1,56$), «программирование» ($5,89 \pm 1,7$), «оценивание результатов» ($6,1 \pm 1,44$), «гибкость» ($6,34 \pm 1,99$), «общий уровень саморегуляции» ($5,23 \pm 2,13$), «планомерность» ($17,7 \pm 8,62$), «наличие целей» ($32,6 \pm 7,7$), «настойчивость» ($19,02 \pm 6,13$), «фиксация» ($19,1 \pm 5,2$), «самоорганизация» ($10,8 \pm 4,65$), «ориентация на настоящее» ($8,25 \pm 2,97$), «суммарный показатель ОСД» ($107,7 \pm 18,93$), «эмоциональная осведомленность» ($10,3 \pm 5,2$), «управление своими эмоциями» ($9,7 \pm 6,7$), «самотивация» ($10,63 \pm 6,62$), «эмпатия» ($9,46 \pm 5,3$), «управление чужими эмоциями» ($7,99 \pm 5,2$), «общий уровень эмоционального интеллекта» ($74,4 \pm 20,8$), «истощение» ($8,23 \pm 4,87$), «желудочные жалобы» ($3,16 \pm 3,1$), «ревматический фактор» ($5,72 \pm 4,4$), «сердечные жалобы» ($3,3 \pm 3,4$), «давление жалоб» ($20,3 \pm 12,5$).

По итогам корреляционного анализа обнаружены связи выявленных факторов и показателей ряда методик для оценки разных аспектов саморегуляции. Наиболее выраженный *первый фактор* обнаружил отрицательные связи со шкалами опросника самоорганизации деятельности Мандриковой: «гибкость» ($r = -0,214$; $p < 0,010$) и «общий уровень саморегуляции» ($r = -0,266$; $p < 0,005$); со шкалой «самотивация» опросника Холла на эмоциональный интеллект ($r = -301$; $p < 0,001$). Выявлена положительная связь с показателем «общих жалоб» Гиссенского опросника ($r = 0,248$, $p < 0,008$).



Второй фактор обнаружил отрицательную связь со шкалой «гибкость» ($r = -0,249$; $p < 0,008$) опросника самоорганизации деятельности.

Обсуждение результатов

Затруднения психической саморегуляции в выборке студентов обусловлены в значительной мере недостаточно выраженными характеристиками внимания и воли (фактор 1). Как известно, проявление волевых усилий (настойчивости, смелости, самообладания) способствует тому, что человек может направлять внимание на процесс деятельности и удерживать эту направленность столько, сколько нужно, не позволяя себе отвлекаться на переживания и мысли о возможных неудачах. Вытеснение негативных эмоций реализуется путем произвольного переключения внимания с образов, вызывающих эти эмоции, на контроль деятельности, поведения и психического состояния. Наши результаты вполне согласуются с представленными в литературе данными (Иванников, 2006; Мандрикова, 2010).

Объединение в один фактор трудностей сдерживания эмоций и снижения активности (фактор 2), по-видимому, объясняется особенностями нервной системы, балансом процессов возбуждения и торможения. Известно, что проявление эмоций, работоспособности и энергичности обусловлено выраженностью свойств нервной системы (Русалов, 2012). При доминировании возбуждения эмоциональное реагирование происходит бурно, эмоции настолько «захлестывают», что трудно сдержаться, действовать более спокойно и рассудительно. Полученные данные позволяют предположить, что проявление сдержанности у студентов в большей степени обусловлено особенностями нервной системы, чем развитием навыков осознанной произвольной саморегуляции.

Трудности регулирования мыслительных процессов оказались взаимосвязаны лишь между собой, но не связаны с трудностями регулирования других сфер (фактор 3). Таким образом, саморегуляция процессов мышления представляется относительно независимой от саморегуляции других проявлений психики: эмоций, активности, памяти и внимания. Возможно, что эффективность саморегуляции мышления в большей степени определяется развитостью собственно мыслительных процессов (анализа, синтеза, обобщения). Полученные данные согласуются с исследованиями нарушений саморегуляции познавательной деятельности, не связанных со снижением логических операций, а проявляющихся в невозможности поставить цель и организовать свою деятельность (Моросанова, 2012; Мандрикова, 2010).

В отличие от затруднений саморегуляции мыслительных процессов, трудности регулирования процессов памяти не только взаимосвязаны между собой, но также связаны с трудностями самоуправления состоянием тревоги



и страха (фактор 4). Эти данные в целом согласуются с научными представлениями о взаимосвязях выраженности тревоги и страха с продуктивностью когнитивных процессов: при невысоком уровне тревоги (страха) имеет место эффект мобилизации – повышение концентрации внимания, улучшение памяти и сообразительности. Однако при высоком уровне тревоги (страха) отмечается дезорганизация – рассеянность и снижение оперативной памяти (Прохоров, 2005; Осницкий, 2009). Следует учитывать, что мнемическая деятельность (запоминание и воспроизведение) чаще всего реализуется при постановке цели запомнить какую-либо информацию. При запоминании происходит выделение запоминаемого материала от других явлений. При переживании тревоги (в ситуации неконкретной угрозы) и страха (в ситуации конкретной угрозы) когнитивные функции фокусируются на теме опасности и не могут в полной мере быть задействованы в выдвигании цели и выделении запоминаемого материала (Прохоров, 2005; Garnefski & Kraaij, 2007).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что увеличение трудностей регулирования направленности внимания и воли взаимосвязано со снижением гибкости в планировании и организации деятельности. Высокий уровень гибкости планирования деятельности связан с легкой переключаемостью внимания, которая детерминирована подвижностью нервных процессов (Русалов, 2012). Таким образом, высокая подвижность нервных процессов способствует переключаемости внимания и гибкости планирования, однако препятствует устойчивости внимания, планомерности и настойчивости в достижении цели. Иначе говоря, вместо достижения выбранной цели могут выдвигаться другие цели. Аналогично можно объяснить выявленные взаимосвязи между понижением гибкости планирования и увеличением трудностей в сдерживании эмоционального возбуждения (фактор 2). При высокой подвижности нервных процессов человеку легко действовать гибко и быстро менять планы, однако бывает трудно сдерживать эмоциональное возбуждение и тормозить излишнюю активность.

Взаимосвязи между трудностями саморегуляции в сфере внимания и воли и ухудшением управления своим поведением (шкала самомотивации в методике эмоционального интеллекта Холла) представляются логически обоснованными, т. к. регулирование эмоций осуществляется посредством актуализации волевых усилий и произвольного внимания. Взаимосвязи между повышением трудностей саморегуляции воли и внимания и жалобами на здоровье, очевидно, объясняются тем, что не удается заблокировать тревогу и негативные переживания, связанные со здоровьем и ухудшением самочувствия.

Проведенное исследование показало, что анкета «Трудности саморегуляции» может применяться для диагностики особенностей психической саморегуляции в разных сферах: когнитивной, эмоциональной, волевой.



В процессе работы над осознанием трудностей психической саморегуляции и оценкой своих когнитивных особенностей у студентов актуализируются метапознание, понимание необходимости развития навыков психической саморегуляции. Полученные метакогнитивные знания способствуют более адекватной самооценке, выбору наиболее эффективных стратегий поведения и самоорганизации деятельности. Метакогнитивный подход, лежащий в основе анализа трудностей самоуправления, позволяет решать не только научно-исследовательские, но и прикладные задачи, связанные с совершенствованием навыков психической саморегуляции.

В перспективе для уточнения полученных результатов необходимы исследования трудностей саморегуляции в связи с выраженностью свойств нервной системы и сформированностью регуляторных личностных свойств. Подобные исследования позволили бы определить ведущие факторы, детерминирующие трудности самоуправления. Необходимо дополнительно провести психометрические процедуры оценки валидности и надежности анкеты «Трудности саморегуляции».

Выводы:

1. Выраженность трудностей психической саморегуляции определяется невысоким уровнем эмоционального интеллекта, неумением управлять своими эмоциями в состоянии эмоционального возбуждения, особенно при переживании тревоги и страха, сопровождаемыми эмоционально окрашенными жалобами на здоровье.

2. Трудности саморегуляции проявляются чаще всего в волевой и когнитивной сфере: в недостаточности волевых усилий, в низкой концентрации внимания, невысокой реализации мыслительных операций и мнемических функций.

3. Недостаточное регулирование волевых процессов и внимания обусловлено снижением общего уровня осознанной саморегуляции и инертностью регуляторных процессов.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ 18-013-00256а «Эффективность метакогнитивных стратегий принятия решений в условиях неопределенности и трудных жизненных ситуаций».

Acknowledgments

This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-013-00256a, "The effectiveness of meta-cognitive strategies for decision-making under conditions of uncertainty and in difficult life situations").



Литература

- Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во Института психологии РАН, 2003. 318 с.
- Змановская Е. В. Теоретико-методологическое обоснование общей теории девиантности и девиантного поведения // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2008. Т. 9, № 1. С. 133–138.
- Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. 208 с.
- Карпов А. А. Взаимосвязи обучаемости и метакогнитивных качеств личности // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2, № 3. С. 228–235.
- Карпов А. А., Карпов А. В. Взаимосвязь психометрического интеллекта с организацией метакогнитивных процессов и качеств личности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 2. С. 69–78.
- Карпов А. В. Рефлексия в структуре метакогнитивной организации субъекта // Рефлексивные процессы и управление. 2004. Т. 4, № 1. С. 99–109.
- Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. 352 с.
- Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–13.
- Костин А. Н., Голиков Ю. Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2014. 448 с.
- Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. DOI: [10.17223/17267080/62/3](https://doi.org/10.17223/17267080/62/3)
- Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–83.
- Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001. 192 с.
- Моросанова В. И. Психология саморегуляции. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 280 с.
- Никифоров Г. С. Теоретические вопросы самоконтроля // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 19–31.
- Осницкий А. К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 2 // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 6 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.10.2018).
- Первичко Е. И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 13–22. DOI: [10.11621/npi.2014.0402](https://doi.org/10.11621/npi.2014.0402)



- Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний в повседневной, обыденной жизнедеятельности человека // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.10.2018).
- Прохоров А. О. Функциональные структуры и средства саморегуляции психических состояний // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 2. С. 68–80.
- Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2012. 528 с.
- Трегубов И. Б., Бабин С. М. Гиссенский опросник соматических жалоб. СПб., 1992. 23 с.
- Файзуллаев А. А. Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент: Фан, 1987. 134 с.
- Brown A. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // Metacognition, motivation, & understanding / F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. P. 65–116.
- Carver C. S., Scheier M. F. Optimism, pessimism, and self-regulation // Optimism and pessimism: Implications for theory, research, and practice / E. C. Chang (Ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 31–51.
- Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34 (10). P. 906–911. DOI: [10.1037/0003-066X.34.10.906](https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906)
- Garnefski N., Kraaij V. The cognitive emotion regulation questionnaire // European Journal of Psychological Assessment. 2007. Vol. 23. P. 141–149. DOI: [10.1027/1015-5759.23.3.141](https://doi.org/10.1027/1015-5759.23.3.141)
- Garnefski N., Kraaij V., Spinhoven P. Negative life events, cognitive emotion regulation, and emotional problems // Personality and Individual Differences. 2001. Vol. 30, Issue 8. P. 1311–1327. DOI: [10.1016/S0191-8869\(00\)00113-6](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00113-6)
- Gross J. J. Emotion regulation: affective, cognitive, and social consequences // Psychophysiology. 2002. Vol. 39, Issue 3. P. 281–291. DOI: [10.1017/S0048577201393198](https://doi.org/10.1017/S0048577201393198)
- Kuhl J. A theory of action and state orientations // Volition and personality: Action versus state orientation / J. Kuhl, J. Beckmann (Eds.). Göttingen, Germany: Hogrefe, 1994a. P. 9–46.
- Kuhl J. Action and state orientation: Psychometric properties of the action control scales (ACS-90) // Volition and personality: Action versus state orientation / J. Kuhl, J. Beckmann (Eds.). Göttingen, Germany: Hogrefe, 1994b. P. 47–59.
- Kuhl J., Kazén M. Self-discrimination and memory: State orientation and false self-ascription of assigned activities // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66 (6). P. 1103–1115. DOI: [10.1037/0022-3514.66.6.1103](https://doi.org/10.1037/0022-3514.66.6.1103)



Martinez S., Davalos D. Investigating metacognition, cognition and behavioral deficits of college students with acute traumatic brain injuries // *Journal of American College Health*. 2016. Vol. 64, Issue 5. P. 390–396. DOI: [10.1080/07448481.2016.1167057](https://doi.org/10.1080/07448481.2016.1167057)

Thompson V. A., Johnson S. C. Conflict, metacognition and analytic thinking // *Thinking & Reasoning*. 2014. Vol. 20, Issue 2. P. 215–244. DOI: [10.1080/13546783.2013.869763](https://doi.org/10.1080/13546783.2013.869763)

References

- Brown, A. (1987). Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, & understanding* (pp. 65–116). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (2001). Optimism, pessimism, and self-regulation. In E. C. Chang (Ed.), *Optimism and pessimism: Implications for theory, research, and practice* (pp. 31–51). Washington, DC: American Psychological Association.
- Dikaya, L. G. (2003). *Mental self-regulation of human functional status: A system-activity approach*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Psychology. (in Russ.).
- Faizullae, A. A. (1987). *Motivational self-regulation*. Tashkent: Fan. (in Russ.).
- Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 34(10), 906–911. doi: [10.1037/0003-066X.34.10.906](https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906)
- Garnefski, N., & Kraaij, V. (2007). The cognitive emotion regulation questionnaire. *European Journal of Psychological Assessment*, 23, 141–149. doi: [10.1027/1015-5759.23.3.141](https://doi.org/10.1027/1015-5759.23.3.141)
- Garnefski, N., Kraaij, V., & Spinhoven, P. (2001). Negative life events, cognitive emotion regulation, and emotional problems. *Personality and Individual Differences*, 30(8), 1311–1327. doi: [10.1016/S0191-8869\(00\)00113-6](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00113-6)
- Gross, J. J. (2002). Emotion regulation: affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 39(3), 281–291. doi: [10.1017/S0048577201393198](https://doi.org/10.1017/S0048577201393198)
- Ivannikov, V. A. (2006). *Psychological mechanisms of volitional regulation*. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Karpov, A. A. (2012). Interrelations between learnability and metacognitive personal traits. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 2(3), 228–235. (in Russ.).
- Karpov, A. V. (2004). Reflection in the structure of a subject's metacognitive organization. *Refleksivnye protsessy i upravlenie (Reflexive Processes and Control)*, 4(1), 99–109. (in Russ.).
- Karpov, A. A., & Karpov, A. V. (2016). Interrelations between psychometric intelligence and the organization of personality traits and metacognitive processes. *Psikhologicheskii zhurnal*, 37(2), 69–78. (in Russ.).



- Karpov, A. V., & Skityaeva, I. M. (2005). *Psychology of personal metacognitive processes*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Psychology. (in Russ.).
- Konopkin, O. A. (1995). Mental self-regulation of voluntary activity: A structural-functional perspective. *Voprosy psikhologii*, 1, 5–13. (in Russ.).
- Kostin, A. N., & Golikov, Yu. Ya. (2014). *The organizational and procedural approach to the analysis of the mental regulation of complex activity*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Psychology. (in Russ.).
- Kuhl, J. (1994a). A theory of action and state orientations. In J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), *Volition and personality: Action versus state orientation* (pp. 9–46). Göttingen, Germany: Hogrefe.
- Kuhl, J. (1994b). Action and state orientation: Psychometric properties of the action control scales (ACS-90). In J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), *Volition and personality: Action versus state orientation* (pp. 47–59). Göttingen, Germany: Hogrefe.
- Kuhl, J., & Kazén, M. (1994). Self-discrimination and memory: State orientation and false self-ascription of assigned activities. *Journal of Personality and Social Psychology*, 66(6), 1103–1115. doi: [10.1037/0022-3514.66.6.1103](https://doi.org/10.1037/0022-3514.66.6.1103)
- Leont'ev, D. A. (2016). Self-regulation, resources, and personal potential. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 62, 18–37. doi: [10.17223/17267080/62/3](https://doi.org/10.17223/17267080/62/3) (in Russ.).
- Mandrikova, E. Yu. (2010). Development of the self-organization questionnaire (SOQ). *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological Diagnostics)*, 2, 59–83. (in Russ.).
- Martinez, S., & Davalos, D. (2016). Investigating metacognition, cognition and behavioral deficits of college students with acute traumatic brain injuries. *Journal of American College Health*, 64(5), 390–396. doi: [10.1080/07448481.2016.1167057](https://doi.org/10.1080/07448481.2016.1167057)
- Morosanova, V. I. (2001). *The individual style of self-regulation: The phenomenon, structure, and function in human voluntary activity*. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Morosanova, V. I. (2012). *Psychology of self-regulation*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.).
- Nikiforov, G. S. (1985). Theoretical issues of self-control. *Psikhologicheskii zhurnal*, 6(5), 19–31. (in Russ.).
- Osnitskii, A. K. (2009). Regulatory experience, subjective activity, and human independence: Part 2. *Psychological Studies*, 6(8). Retrieved from <http://psystudy.ru> (in Russ.).
- Pervichko, E. I. (2014). Strategies for the regulation of emotions: J. Gross procedural model and cultural activity approach. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 4(16), 13–22. doi: [10.11621/npj.2014.0402](https://doi.org/10.11621/npj.2014.0402) (in Russ.).
- Prokhorov, A. O. (2005). Functional structures and means for self-regulation of mental states. *Psikhologicheskii zhurnal*, 26(2), 68–80. (in Russ.).



- Prokhorov, A. O. (2017). Self-regulation of mental states in daily, ordinary activity of the person. *Psychological Studies*, 10(56), p. 7. Retrieved from <http://psystudy.ru> (in Russ.).
- Rusalov, V. M. (2012). *Temperament in the structure of human individuality: Differential psychophysiological and psychological studies*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Psychology. (in Russ.).
- Thompson, V. A., & Johnson, S. C. (2014). Conflict, metacognition and analytic thinking. *Thinking & Reasoning*, 20(2), 215–244. doi: [10.1080/13546783.2013.869763](https://doi.org/10.1080/13546783.2013.869763)
- Tregubov, I. B., & Babin, S. M. (1992). *Giessen Subjective Complaints List*. St. Petersburg. (in Russ.).
- Zmanovskaya, E. V. (2008). Theoretical and methodological foundations for the general theory of deviance and deviant behavior. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty (Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work)*, 9(1), 133–138. (in Russ.).



УДК 159.99

doi: [10.21702/rpj.2019.2.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.3)

Ценностно-смысловые характеристики как предикторы созависимого поведения женщин, проживающих с наркозависимым партнером

Анастасия С. Колонова*, Дмитрий А. Гурцкой

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: kolenova&nastya@ya.ru

Аннотация

Введение. В данной статье рассматриваются результаты проведенного комплексного обследования респондентов различных регионов Юга РФ, которые позволили впервые получить данные о психологических особенностях проявления созависимого поведения, а также о специфике ценностно-смысловой сферы у молодых женщин с различной этнической принадлежностью. Новизна исследования заключается в разработке психологических моделей созависимого поведения, характерных для каждой выделенной подгруппы (этнической принадлежности) с целью дальнейшей разработки психокоррекционных мероприятий для молодежи, проживающей на Юге РФ.

Методы. В исследовании было обследовано 330 женщин, проживающих в трех субъектах Юга РФ в возрасте от 17 до 30 лет, проявляющих различную степень созависимого поведения. Были использованы стандартизированные и проективные методики, которые предоставили возможность выявить различия в ценностно-смысловой сфере у молодых женщин с различной этнической принадлежностью, проявляющих созависимое поведение: «Шкала измерения созависимости в отношениях Спанн – Фишер» (адаптация Москаленко), «Тест смысловых ориентаций» («PII» Крамбо и Махолик в модификации Леонтьева), «Методика самоактуализации POI Шострома» (модификация Калина), опросник направленности личности (ориентационная анкета) Басса, «Методика изучения самооценки с помощью процедуры ранжирования» Реана, методика «Ценностные ориентации» Рокича, методика «Напиши рассказ» (стимульный материал таблиц № 2, 4, 6 «Тематического апперцептивного теста»). Статистические методы обработки данных осуществлялись при помощи пакета компьютерных программ «STATISTICA 10.0».

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что у респондентов с различной этнической принадлежностью существуют значимые отличия в характеристике проявления созависимости, как в части динамики ситуативной оценки, так и в содержании устойчивых личностных конструктов.



Обсуждение результатов. При общих схожих тенденциях в проявлении созависимости у представителей различных этнических групп можно выделить особенности, отличающие и характеризующие их, что проявляется в межличностном общении с зависимым, с окружением и в принятии себя.

Ключевые слова

созависимость, созависимые отношения, созависимое поведение, алкогольная зависимость, наркотическая аддикция, интернет-зависимость, смысложизненные ориентации, стратегии поведения, молодежь, этническая принадлежность

Основные положения

- ▶ этническая принадлежность оказывает влияние на содержание и характеристику созависимых отношений;
- ▶ этническая принадлежность оказывает влияние на эффективность взаимодействия со значимым Другим, на динамику эмоциональных взаимоотношений, ситуативную оценку и устойчивые личностные конструкты (смысловые установки, личностные ценности и личностные смыслы, устойчивые мотивы деятельности);
- ▶ психологическая модель, учитывающая особенности личности в зависимости от этнической группы, направлена на создание программы психологической коррекции созависимого поведения и ориентирована на изменения личностных смыслов, смысловых установок и поведенческих конструктов.

Для цитирования

Коленова А. С., Гурцкой Д. А. Ценностно-смысловые характеристики как предикторы созависимого поведения женщин, проживающих с наркозависимым партнером // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 43–62. doi: 10.21702/rpj.2019.2.3

Материалы статьи получены 26.03.2019

UDC 159.99

doi: [10.21702/rpj.2019.2.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.3)

Value-meaning Characteristics as Predictors of Codependent Behaviors in Female Partners of Drug Addicts

Anastasiya S. Kolenova*, Dmitrii A. Gurtskoi

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: kolenova&nastya@ya.ru



Abstract

Introduction. This paper discusses the results of a comprehensive survey that involved respondents from various regions of the South of the Russian Federation and represents the first report on psychological characteristics of codependent behavior and value-meaning sphere in young women of different ethnic groups. The novelty of the study lies in the development of psychological models of codependent behaviors for each ethnic group studied in order to further develop psycho-correction techniques of working with youth in south Russia.

Methods. The sample consisted of 330 respondents with various levels of codependent behaviour residing in three federal subjects of the South of the Russian Federation. The respondents ranged in age from 17 to 30 years. The study used the following standardized and projective techniques to reveal differences in value-meaning sphere among young women of different ethnic groups: (a) the Spann-Fisher Codependency Scale, SFCDS (modified by Moskalenko), (b) the Purpose-in-Life Test, PIL (developed by Crumbaugh & Maholic, modified by Leont'ev), (c) the Personal Orientation Inventory, POI (developed by Shostrom, modified by Kalin), (d) the Bass Orientation Inventory, (e) the technique for studying self-assessment using the procedure for ranking (developed by Rean), (f) the Value Orientations technique (developed by Rokich), and (g) the Write-a-Story technique (stimulus materials from Tables 2, 4, and 6, Thematic Apperception Test). The STATISTICA, a statistical package software version 10.0, was used for data processing.

Results. The individual participants of different ethnic groups had significant differences in characteristics of codependence, both in terms of the dynamics of situational assessment and in the content of stable personal constructs.

Discussion. Despite of similar trends in manifestations of codependence, the representatives of different ethnic groups are characterized by certain distinguishing characteristics, which manifest themselves in interpersonal communication with addicts and the environment and also in self-acceptance.

Keywords

codependence, codependent relationships, codependent behavior, alcohol addiction, drug addiction, Internet addiction, meaning-in-life orientations, behavior strategies, youth, ethnic belonging

Highlights

- ▶ Ethnic belonging determines the content and characteristics of codependent relationships.
- ▶ Ethnic belonging exerts its effect on the quality of interaction with significant others, the dynamics of emotional relationships, situational assessments, and stable personal constructs, including meaning attitudes, personal values, personal meanings, and stable motives.



► A psychological model which takes into account personality traits depending on the ethnic group helps create a program for psychological correction of codependent behavior and focuses on changes in personal meanings, meaning attitudes, and behavioral constructs.

For citation

Kolenova, A. S., Gurtskoi, D. A. (2019). Value-meaning Characteristics as Predictors of Codependent Behaviors in Female Partners of Drug Addicts. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 43–62. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.3

Введение

Под созависимым поведением принято понимать выученные поведенческие формы, выражающиеся в самоподавляющем поведении, которое впоследствии приводит к снижению способности инициировать общее участие в различных социальных взаимоотношениях (Fuller & Warner, 2000; Larsen, 2009).

На данный момент созависимое поведение проявляется в одном из наиболее встречаемых запросов для проведения психокоррекции и психотерапии (Karpman, 2014, Schäfer, Schnack & Soyka, 2000; Noriega et al., 2008). В связи с этим была предпринята попытка комплексного обследования респондентов различных регионов Юга РФ, что позволило впервые получить данные об особенностях проявления созависимого поведения молодежи в зависимости от их этнической принадлежности (Vasilyuk, 2015; Шамионов и Султаниязова, 2018; Абакумова и Ермаков, 2003).

С точки зрения возникновения созависимости принято выделять 3 фактора: биологический, характеризующий своеобразие реакций для каждого человека на различные раздражители и воздействия (Bornstein, 2006); психологический, включающий в себя личностные психологические особенности, наличие психологических травм в разные возрастные периоды (Beattie, 1989); взаимодействия с другими людьми – как внутрисемейные, так и вне семьи (социальные) (Denning, 2010).

Так, в психологической литературе описаны закономерности контингента, проявляющего созависимые паттерны: обычно это люди, выросшие в семье, где один из родителей был зависим от употребления психоактивных веществ (наркотики, алкоголь); связанные различными отношениями с зависимыми людьми; перенесшие насилие в детском возрасте (физическое, эмоциональное, сексуальное, моральное); выросшие в неполных семьях (Меринов, Шустов и Федотов, 2011).

В современной литературе принято рассматривать феномен «созависимость» как результат адаптации к прошлому опыту. В момент выбора партнера созависимый, порой неосознанно, делает выбор в пользу аддиктивного



партнера, т. к. видит в нем паттерны поведения, к которым он в свое время научился «успешно» адаптироваться. Оттого, при реабилитации алко- или наркозависимых, наблюдается рецидив, который зачастую провоцирует сам созависимый, хотя он сам и пытается излечить зависимого больного (Wegscheider–Cruse, 1986; Sarkar et al., 2015; Ulusoy & Guçray, 2017).

Созависимое поведение характеризуется различными психологическими особенностями проявления: сверхконтроль себя и значимого Другого, причем не только поведения, но и чувств и мыслей значимого Другого (Wells et al., 2006; Zetterlind & Berglund, 1999; Knudson & Terrell, 2012); суровое отношение к себе и Другим; неконтролируемое желание нравиться другим на фоне неадекватной самооценки; наличие страха критики и острой реакции на нее; неконтролируемое фантазирование и потребность в обмане даже без существенных на то причин; необходимость чувствовать себя «нужным и важным»; непокидаемое чувство вины за себя и Других (Panaghi et al., 2016; McMillen, Zuravin & Rideout, 1995; Whitfield, 1991).

В структуре личности наблюдается преобладание психологических защит у созависимых: отрицание, рационализация, алекситимия, вытеснение в виде неосознанности своих реактивных действий, а также наличие иллюзии своей незаменимости, отсутствие мотива к саморазвитию (Young, 1987; Абакумова, Мирошниченко и Дмитриев, 2015).

Таким образом, созависимость базируется на особенностях отношений к себе и своим ценностям, т. к. описанные выше психологические признаки связаны с самоотношением, межличностным взаимодействием с Другими, а также с характеристиками ответственности (соотношением принятия и избегания).

Наши представления базируются на том, что при исследовании различных причин поведения личности одним из основополагающих аспектов является характеристика процесса осмысления реальности – его протекание и динамика, что зависит от содержания ценностно-смысловой сферы личности. Ценностно-смысловая сфера формирует ядро личности, представленное в двух компонентах: системе личностных смыслов, отражающих личностные особенности смыслового понимания, а также в личностных ценностях (Бузина и Подосонова, 2010; Леонтьев, 2007). Ценностно-смысловая сфера преобразуется под влиянием социума, но ценностные ориентации отдельных личностей могут оказывать воздействия на коллективные нормы и общегрупповые ценности (Abakumova, Kruteleva & Ryadinskaya, 2016; Avanesyan et al., 2018).

Яцышин (2003) в этой связи уточняет, что «ценность самого себя, и связанная с ней гармоничная имплицитная теория личности являются одним из важных видов ценностей для каждого человека».

Таким образом, созависимость выступает как определенная трансформация ценностно-смысловой сферы личности, вызванная устойчивыми выученными



паттернами поведения во взаимодействии со значимыми Другими, опосредующая отношение к себе и все остальные отношения.

Всё это обозначило *цель* нашего исследования – определить смысло-жизненные стратегии созависимых представителей молодежи различной этноконфессиональной принадлежности.

Методы

В исследовании использовались:

1. Теоретический анализ научной литературы.
2. Метод психологического тестирования: тест «Шкала измерения созависимости в отношениях Спанн – Фишер» (адаптация Москаленко); СЖО («Тест смысложизненных ориентаций» («PII» Крамбо и Махолик в модификации Леонтьева)); методика самоактуализации POI Шострома (модификация Калина); опросник направленности личности (ориентационная анкета) Басса; методика «Изучение самооценки с помощью процедуры ранжирования», разработанная Реаном; методика «Ценностные ориентации» Рокича; методика «Напиши рассказ» (стимульный материал таблиц № 2, 4, 6 «Тематического апперцептивного теста» (ТАТ) (Клиническая психометрика: учебное пособие, 2015, Лановой, 2006).
3. Статистические методы обработки данных осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ «STATISTICA 10.0».

Выборка

В исследовании приняли участие 330 человек в возрасте от 17 до 30 лет, проявляющие различную степень созависимого поведения, из Ростовской области (150 человек), Краснодарского края (110 человек) и Ставропольского края (70 человек).

В качестве респондентов были выбраны достаточно многочисленные группы различной этноконфессиональной принадлежности.

Результаты

Для дальнейшей дифференциации респондентов был использован тест «Шкала измерения созависимости в отношениях Спанн – Фишер» (адаптация Москаленко); нами были получены результаты в 4-х подгруппах (рис. 1):

- 1) в подгруппе «дагестанцы» признак созависимости у женщин не был выявлен на уровне нормы, при этом больше половины респондентов-женщин попали в группу «ярко выраженная созависимость»;
- 2) в подгруппе «евреи» незначительное количество женщин (менее 5 %) попали в категорию «ярко выраженная созависимость»;



Таблица 1

Количественные показатели этнических групп в выборке обследуемых

Table 1

Quantitative measures for ethnic groups

<u>Этнические народы</u> <u>Ethnic groups</u>	<u>Субъекты РФ</u> <u>Federal subjects</u>	<u>Ростовская область</u> <u>Rostov Oblast</u>	<u>Краснодарский край</u> <u>Krasnodar Krai</u>	<u>Ставропольский край</u> <u>Stavropol Krai</u>	<u>Общее</u> <u>Total</u>
Русские Russians		71 (47,3%)	38 (34,5%)	18 (25,7%)	127 (38,5%)
Армяне Armenians		38 (25,3%)	25 (22,7%)	11 (15,7%)	74 (22,4%)
Евреи Jews		20 (13,3%)	14 (12,7%)	6 (8,6%)	40 (12,1%)
Лезгины Lezghians		2 (1,3%)	6 (5,6%)	9 (12,9%)	17 (5,1%)
Черкесы Circassians		2 (1,3%)	12 (10,9%)	14 (20%)	28 (8,5%)
Дагестанцы Dagestanis		17 (11,3%)	15 (13,6%)	12 (17,1%)	44 (13,4%)

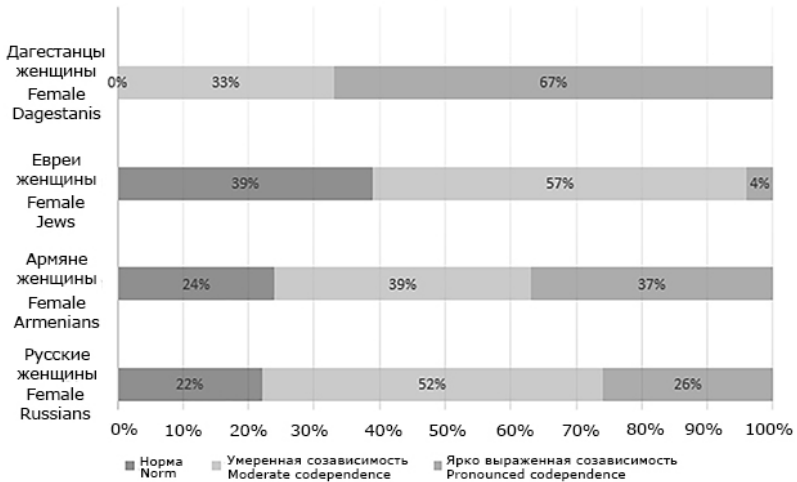


Рисунок 1. Распределение признака созависимости по исследуемым выборкам

Figure 1. Distribution of codependence in the studied samples

3) в подгруппе «армяне» основное число обследуемых проявили умеренный уровень созависимости, но существенно больше проявили ярко выраженную созависимость, чем в подгруппе «евреи»;

4) в подгруппе «русские» подавляющее число обследуемых продемонстрировали средний уровень созависимости – умеренную созависимость.

В исследовании смысложизненных ориентаций обследуемых из разных подгрупп для оценки средних и стандартных отклонений субшкал и общего показателя СЖО (по методике «Тест смысложизненных ориентаций» («PIL» Крамбо и Махолик в модификации Леонтьева)), для выявления различий в характеристиках ценностно-смысловых установок в группах с разной степенью выраженности созависимости был использован Н-критерий Крускала – Уоллиса.

Результаты проверки достоверности различий между респондентами в подгруппе «русские» с различным проявлением созависимости показали, что значимые различия выявлены только по двум параметрам характеристики ценностно-смысловой сферы – «результативность жизни» ($t = 2,584$; $p \leq 0,05$) и «локус контроля – Я» ($t = 2,481$; $p \leq 0,05$).

Результаты проверки достоверности различий между респондентами в подгруппе «армяне» с различным проявлением созависимости показали, что значимые различия были найдены также по двум параметрам характеристики



ценностно-смысловой сферы – «результативность жизни» ($t = 2,431$; $p \leq 0,05$) и «локус контроля – Я» ($t = 2,417$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, у респондентов из подгрупп «русские» и «армяне» отличается их оценка результативности жизни, т. е. при разном уровне проявления созависимости испытуемые по-разному оценивают свое включение в жизненные процессы и относятся к своей результативности и оцениванию своих достижений и побед. Также при разной степени проявления созависимости у респондентов подгрупп «русские» и «армяне» отличается ощущение уровня контроля своей жизни и проявления своей воли в этом контроле; испытуемые по-разному оценивают свою ответственность за протекание жизни и ощущение беспомощности в изменении данных процессов.

Результаты проверки достоверности различий между респондентами в подгруппе «евреи» с различным проявлением созависимости показали, что существуют значимые различия по трем параметрам характеристики ценностно-смысловой сферы: «процесс жизни» ($t = 2,311$; $p \leq 0,05$), «цели жизни» ($t = 2,229$; $p \leq 0,05$) и «локус контроля – Я» ($t = 2,275$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, показано, что анализируя показатели подгруппы «евреи» по шкале «процесс жизни», респонденты с ярко выраженной созависимостью оказываются неудовлетворенными наполненностью своей жизни. При этом у респондентов с умеренным уровнем созависимости данный показатель снижается, что говорит об относительной наполненности жизни, но при этом не своими интересами и увлечениями, а эмоциями, которые зависят от значимого Другого. По шкале «цели жизни» в группах «норма» и «умеренная созависимость» данный показатель находится в рамках стандартного отклонения от средних значений, при этом в группе «ярко выраженная созависимость» он резко снижается, что свидетельствует о том, что человеку будет присуще, даже при общем высоком уровне осмысленности жизни, поведение живущего только сегодняшним или вчерашним днем. Данные показатели дают право предполагать, что респонденты, которые испытывают созависимость в умеренном виде, транслируют завышенное представление о будущем, ставят огромные планы, но не воплощают их в жизнь. При этом у тех, у которых жизненные цели менее значимы, о партнере отсутствует представление в будущем. «Лocus контроля – Я»: баллы по данной шкале указывают на уверенность в своих силах, на возможность и разрешение управлять теми ситуациями, куда попадает человек. Данная шкала иллюстрирует нам прямо пропорциональные тенденции степени проявления созависимости. Таким образом, мы видим, что у тех, кто большей степени проявляет созависимое поведение, степень ощущения собственных сил и возможностей управления собой и своей жизни находится на минимальных значениях или не осознается вовсе.



Результаты проверки достоверности различий между респондентами в подгруппе «дагестанцы» с различным проявлением созависимости показали, что значимые различия выявлены только в такой характеристике ценностно-смысловой сферы, как «локус контроля – жизнь» ($t = 2,387$; $p \leq 0,05$). Баллы по данной шкале показали, что наименьшую контроль над своей жизнью испытывают респонденты из групп «умеренная созависимость» и «ярко выраженная созависимость», что указывает на тенденцию респондента из подгруппы «дагестанцы» не брать ответственность за происходящее в жизни.

Таким образом, мы видим, что группы отличаются между собой по статистическим значениям ряда переменных (табл. 2).

Таблица 2

Показатели статистической значимости выявленных переменных

Table 2

Statistical significance of the studied variables

<u>Переменные</u> <u>Variables</u>	<u>«Русские»</u> <u>Russians</u>	<u>«Армяне»</u> <u>Armenians</u>	<u>«Евреи»</u> <u>Jews</u>	<u>«Дагестанцы»</u> <u>Dagestanis</u>
Результативность жизни Effectiveness of life	$t = 2,584$; $p \leq 0,05$	$t = 2,431$; $p \leq 0,05$		
Лocus контроля – я Internal locus of control	$t = 2,481$; $p \leq 0,05$	$t = 2,417$; $p \leq 0,05$	$t = 2,275$; $p \leq 0,05$	
Цель жизни Life purpose			$t = 2,229$; $p \leq 0,05$	
Процесс жизни Life process			$t = 2,311$; $p \leq 0,05$	
Лocus контроля – жизнь External locus of control				$t = 2,387$; $p \leq 0,05$



Далее было проведено исследование показателей самоактуализации личности с помощью одноименной методики POI Шострома (модификация Калина). Для определения взаимосвязей между показателями уровня проявления созависимого поведения и критериями самоактуализации был использован коэффициент Пирсона. Было показано, что:

1. В подгруппе «русские» значимые ($p \leq 0,05$) отрицательные взаимосвязи обнаружались между уровнем проявления созависимого поведения и показателями «шкала компетентности во времени Тс» ($\chi = -0,365$), «шкала представлений о природе человека Nc» ($\chi = -0,517$), «шкала синергии Су» ($\chi = -0,419$). Данные показатели свидетельствуют о том, что при увеличении уровня проявления созависимого поведения у данной подгруппы респондентов прослеживается ориентация человека лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее) и (или) дискретное восприятие своего жизненного пути; другой человек в целом воспринимается враждебно или негативно, а склонность к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связанности противоположностей снижается.

2. Выявлены схожие тенденции в подгруппе «армяне» – значимые ($p \leq 0,05$) отрицательные взаимосвязи обнаружались между уровнем проявления созависимого поведения и показателями «шкала представлений о природе человека Nc» ($\chi = -0,414$), «шкала синергии Су» ($\chi = -0,453$). Данные показатели свидетельствуют о том, что при увеличении уровня проявления созависимого поведения у данной подгруппы респондентов восприятие другого человека в целом является враждебным и негативным, а склонность к целостному восприятию мира и других людей снижается.

3. В подгруппе «евреи» при возрастании проявления созависимого поведения были выявлены следующие значимые ($p \leq 0,05$) корреляционные связи: положительные «шкала ценностных ориентаций Sav» ($\chi = 0,333$) и отрицательные «шкала компетентности во времени Тс» ($\chi = -0,409$), «шкала представлений о природе человека Nc» ($\chi = -0,351$). Таким образом, при возрастании проявления созависимого поведения респонденты данной подгруппы все больше разделяют ценности, присущие самоактуализирующейся личности, но при этом прослеживается ориентация человека лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), а восприятие другого человека в целом является враждебным и негативным. Возможно, что у этой группы респондентов таким образом проявляется некий компенсаторный механизм.

4. В подгруппе «дагестанцы», так же, как и в подгруппе «армяне», значимые ($p \leq 0,05$) отрицательные взаимосвязи обнаружались между уровнем проявления созависимого поведения и показателями «шкала представлений о природе человека Nc» ($\chi = -0,332$), «шкала синергии Су» ($\chi = -0,419$). Данные



показатели свидетельствуют о том, что при увеличении уровня проявления созависимого поведения у данной подгруппы респондентов восприятие другого человека также носит враждебный и негативный характер, а склонность к целостному восприятию мира и других людей снижается.

Далее было проведено исследование показателей направленности личности (ориентационная анкета Басса). Для определения взаимосвязей между показателями уровня проявления созависимого поведения и характеристики направленности личности был использован r_s -коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Было показано, что:

1) в подгруппах «армяне» и «евреи» выявлены статистически значимые закономерности ($p \leq 0,05$) в отношении положительных взаимосвязей между уровнем проявления созависимого поведения и направленностью на себя (Я). Можно предположить, что при возрастании созависимости респонденты склонны к ориентации на прямое вознаграждение и удовлетворение своих потребностей, агрессивны в достижении статуса и власти над Другим, склонны к соперничеству, раздражительности, тревожности, интровертированности;

2) в подгруппах «русские» и «дагестанцы» статистически значимые закономерности не выявлены.

Далее был проанализирован уровень самооценки респондентов по методике «Изучение самооценки с помощью процедуры ранжирования», разработанной Реаном. С помощью линейного коэффициента корреляции Пирсона были показаны следующие закономерности:

- статистически значимые закономерности ($p \leq 0,05$) были выявлены в отношении подгрупп «русские» и «евреи» ($\chi = 0,413$ и $\chi = 0,352$ соответственно) – положительная корреляция между уровнем проявления созависимого поведения и ростом уровня самооценки.

При возрастании уровня созависимого поведения у респондентов прослеживается рост от «адекватного уровня» до «завышенного уровня». Также стоит отметить, что в остальных обследуемых подгруппах значимых корреляционных связей не выявлено.

Использование проективной методики «Ценностные ориентации» по Рокичу выявило, что наиболее часто встречаемые терминальные ценности преобладают во всех подгруппах с умеренным и ярко выраженным уровнями проявления созависимого поведения ($p \leq 0,05$):

- здоровье (физическое и психическое);
- уверенность в себе как внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий и сомнений.

Специфичны для подгрупп следующие терминальные признаки:

- красота природы (подгруппа «армяне»);



- развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) (подгруппы «армяне», «дагестанцы»);
- развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей) (подгруппы «армяне», «русские»);
- свобода как самостоятельность и независимость в суждениях и поступках (подгруппы «армяне», «русские»);
- счастье Других (подгруппы «евреи», «дагестанцы»);
- творчество (подгруппа «евреи»).

При этом наиболее часто встречаемые инструментальные ценности преобладают в подгруппах с умеренным и ярко выраженным уровнями проявления созависимого поведения ($p \leq 0,05$):

- ответственность (чувство долга, умение держать слово) (все подгруппы);
- исполнительность, дисциплинированность (подгруппы «евреи», «дагестанцы»);
- аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах (подгруппы «армяне», «евреи»);
- непримиримость к недостаткам в себе и других – долженствование (подгруппы «русские», «армяне»);
- самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) (подгруппы «русские», «евреи»);
- терпимость (подгруппы «евреи», «дагестанцы»);
- честность (подгруппы «русские», «армяне», «дагестанцы»).

При этом был проведен контент-анализ полученных ответов по методике «Напиши рассказ» (стимульный материал таблиц № 2, 4, 6 «Тематического апперцептивного теста» (ТАТ), отвечающих за тему сексуальных и семейных конфликтов).

Проведенный частотный анализ выраженности шкал в обследуемых подгруппах в изучении направленностей в межличностном взаимодействии, полученный с помощью программы математической статистики ($p \leq 0,05$), выявил следующие данные:

- преодоление трудностей (22,8 % подгруппы «русские», 18,4 % подгруппы «армяне», 14,1 % подгруппы «евреи», 20,6 % подгруппы «дагестанцы»);
- отсутствие объектных отношений (5,1 % подгруппы «русские», 7,1 % подгруппы «евреи»);
- слияние (потеря границ) (12,1 % подгруппы «русские», 21,1 % подгруппы «армяне»);
- потребность в одобрении (9,2 % подгруппы «русские», 11,7 % подгруппы «армяне», 10,1 % подгруппы «дагестанцы»);
- перспектива во времени (8,6 % подгруппы «русские», 11,7 % подгруппы «армяне»).



Таким образом, показано, что все респонденты, имеющие умеренный и ярко выраженный уровни проявления созависимого поведения при общей возможности оценивать реалистично события вокруг и умения строить функциональные отношения оценивают свою жизнь как осложненную различными испытаниями и трудностями, которые требуют их вовлеченности.

В подгруппах «русские» и «армяне» были выявлены тенденции уступать значимым людям, пренебрегая своими потребностями и находясь в понимании, что надо переждать определенные негативные события, после которых когда-нибудь наступят позитивные изменения, что не дает обследуемым принимать решения в данную минуту.

В подгруппах «русские» и «евреи» были выявлены тенденции: отказа во время взаимодействия видеть потребности других людей, снижения уровня эмпатии и игнорирования отношений с окружающими.

В подгруппах «русские» и «дагестанцы» были выявлены тенденции в наличии потребности в одобрении как ведущего мотива для деятельности.

Обсуждение результатов

Говоря о проявлении созависимости респондентов различных этнических групп, можно выделить некоторые особенности, отличающие и характеризующие их.

В подгруппе «русские»: чем выше проявляется уровень созависимости, тем выше для них значимости оценки результата деятельности и жизни в целом, тем важнее оценка своих достижений, что приводит к возрастанию необходимости контроля над собой, окружающими и жизнью в общем. При этом сами окружающие люди воспринимаются, в основном, враждебными. Восприятие мира базируется на прошлых воспоминаниях, и общая картина не складывается в представлении созависимого, а лишь обращается внимание на некие значимо важные аспекты. Таким образом, выявлены тенденции компенсаторного механизма у представителей данной подгруппы – желание спасти другого и видеть в этом свою положительную оценку. Ценными для созависимого человека являются: необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей; свобода как самостоятельность и независимость в суждениях и поступках. В тенденциях ориентации и восприятия жизни свойственно: восприятие жизни как необходимости преодолевать трудности; отсутствие границ с другим человеком (всё, что чувствует и испытывает он, я воспринимаю как свое, оценка зависимого – оценка меня); при этом необходимость положительной оценки меня и ожидание, что скоро всё изменится.

В подгруппе «армяне»: чем выше проявляется уровень созависимости, тем выше для них значимость оценки результата деятельности и жизни в целом, тем важнее оценка своих достижений, – что приводит к возрастанию



необходимости контроля над собой, окружающими и жизнью в общем. При этом сами окружающие люди воспринимаются, в основном, враждебными. Восприятие мира не складывается в общую картинку в представлении созависимого, а лишь обращается внимание на некие значимо важные аспекты. Таким образом, выявлены тенденции компенсаторного механизма у представителей данной подгруппы – перевода внимания на себя. Ценными для созависимого человека являются: работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование; необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей; свобода как самостоятельность и независимость в суждениях и поступках. В тенденциях ориентации и восприятия жизни свойственно: воспринимать жизнь как необходимость преодолевать трудности; отсутствие границ с другим человеком (всё, что чувствует и испытывает он, я воспринимаю как свое, оценка зависимого – оценка меня); при этом необходимость положительной оценки меня; ожидание, что скоро всё изменится.

В подгруппе «евреи» при возрастании уровня созависимости респонденты теряют чувство удовлетворенности наполненностью своей жизни, по-видимому, собственные интересы и увлечения сменяются на необходимость получать эмоции, которые зависят от значимого Другого. Даже при общем высоком уровне осмысленности жизни, при высокой степени проявления созависимости они демонстрируют поведение живущего только сегодняшним или вчерашним днем. Можно предположить, что респонденты, которые испытывают созависимость в умеренном виде, транслируют завышенное представление о будущем, строят большие планы, но не воплощают их в жизнь. Присутствует разделение ценностей, присущее самоактуализирующейся личности (что выступает компенсаторным механизмом у созависимых данной группы), но при этом прослеживается ориентация человека лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), а восприятие другого человека в целом является враждебным и негативным. При этом, респонденты хотят оказывать помощь зависимому. Ценными для созависимого человека являются счастье Других (детей, старшего поколения), уход в творчество. В тенденциях ориентации и восприятия жизни свойственно воспринимать жизнь как необходимость преодолевать трудности.

В подгруппе «дагестанцы» с возрастанием созависимости наблюдается тенденция не брать ответственность за происходящее в жизни, а перекладывать ее на других людей. При увеличении уровня проявления созависимого поведения у данной подгруппы респондентов восприятие другого человека в целом является враждебным и негативным, а склонность к целостному восприятию мира и других людей снижается. Ценными для созависимого человека являются: работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование; счастье Других (детей, старшего поколения). В тенденциях



ориентации и восприятия жизни свойственно воспринимать жизнь как необходимость преодолевать трудности.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что существуют различия личностных характеристик созависимых в подгруппах с разной этнической принадлежностью («русские», «армяне», «евреи», «дагестанцы»). Характер распределения степени выраженности созависимости предполагает и качественные различия данного феномена. Интерес представляет и тот факт, что во всей исследуемой выборке уровень проявления созависимости в рамках нормы не представлен вовсе, что требует дополнительного изучения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (проект № 18-013-01209).

Acknowledgments

Supported by the Russian Foundation for Basic Research grant (project no. 18-013-01209).

Литература

- Fuller J. A., Warner R. M. Family stressors as predictors of codependency // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. 2000. Vol. 126 (1). P. 5–22.
- Larsen E. Stage II Recovery: Life Beyond Addiction. San Francisco: Harper & Row, 2009. 112 p.
- Karpman S. A Game Free Life. San Francisco, 2014. 300 p.
- Shäfer M., Schnack B., Soyka M. Sexual and physical abuse during early childhood or adolescence and later drug addiction // Psychotherapie, Psychosomatik, Medizinische Psychologie. 2000. Vol. 50. P. 38–50.
- Noriega G., Ramos L., Medina-Mora M.E., Villa A.R. Prevalence of codependence in young women seeking primary health care and associated risk factors. // American Journal of Orthopsychiatry. 2008. Vol. 78, Issue 2. P. 199–210. DOI: [10.1037/0002-9432.78.2.199](https://doi.org/10.1037/0002-9432.78.2.199)
- Vasilyuk F. E. Coexperiencing psychotherapy as a psychotechnical system // Journal of Russian & East European Psychology. 2015. Vol. 52, Issue 1. P. 1–58. DOI: [10.1080/10610405.2015.1064721](https://doi.org/10.1080/10610405.2015.1064721)
- Шамионов Р. М., Султанянова Н. Ж. Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 1. С. 157–186. DOI: [10.21702/rpj.2018.1.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.8)
- Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантной личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 78–82.



- Bornstein R. F.* The complex relationship between dependency and domestic violence: Converging psychological factors and social forces // *American Psychologist*. 2006. Vol. 61, Issue 6. P. 595–606. DOI: [10.1037/0003-066X.61.6.595](https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.6.595)
- Beattie M.* *Beyond codependency: And getting better all the time.* Hazelden Publ., 1989. 256 p.
- Denning P.* Harm reduction therapy with families and friends of people with drug problems // *Journal Clinical Psychology*. 2010. Vol. 66, Issue 2. P. 164–174. DOI: [10.1002/jclp.20671](https://doi.org/10.1002/jclp.20671)
- Меринев А. В., Шустов Д. И., Федотов И. А.* Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) // *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*. 2011. Т. 19, № 3. С. 136–141. DOI: [10.17816/PAVLOVJ20113136-141](https://doi.org/10.17816/PAVLOVJ20113136-141)
- Wegscheider-Cruse S.* *Choicemaking: For co-dependents, adult children and spirituality seekers.* Health Communications, 1986. 217 p.
- Sarkar S., Mattoo S. K., Basu D., Gupta J.* Codependence in spouses of alcohol and opioid dependent men // *International Journal of Culture and Mental Health*. 2015. Vol. 8, Issue 1. P. 13–21. DOI: [10.1080/17542863.2013.868502](https://doi.org/10.1080/17542863.2013.868502)
- Ulusoy Y., Guçray S. S.* Adaptation of composite codependency scale to Turkish: a validity and reliability study // *The Journal of International Social Research*. 2017. Vol. 10, Issue 49. P. 373–379.
- Wells M. C., Hill M. B., Brack G., Brack C. J., Firestone E. E.* Codependency's relationship to defining characteristics in college students // *Journal of College Student Psychotherapy*. 2006. Vol. 20, Issue 4. P. 71–84.
- Zetterlind U., Berglund M.* The rate of co-dependence in spouses and relatives of alcoholics on the basis of the Cermak co-dependence scale // *Nordic Journal of Psychiatry*. 1999. Vol. 53, Issue 2. P. 147–151. DOI: [10.1080/080394899426864](https://doi.org/10.1080/080394899426864)
- Knudson T. M., Terrell H. K.* Codependency, perceived interparental conflict, and substance abuse in the family of origin // *The American Journal of Family Therapy*. 2012. Vol. 40, Issue 3. P. 245–257. DOI: [10.1080/01926187.2011.610725](https://doi.org/10.1080/01926187.2011.610725)
- Panaghi L., Ahmadabadi Z., Khosravi N., Sadeghi M.S., Madanipour A.* Living with Addicted Men and Codependency: The Moderating Effect of Personality Traits // *Addict Health*. 2016. Vol. 8, Issue 2. P. 98–106. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5115643>
- McMillen J. C., Zuravin S., Rideout G.* Perceived benefit from child sexual abuse // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1995. Vol. 63. P. 1037–1043.
- Whitfield C. L.* *Codependence: Healing the Human Condition: The New Paradigm For Helping Professionals And People In Recovery.* Health Communications, Deerfield Beach, FL. 1991. 336 p.



Young E. Co-alcoholism as a disease: Implications for psychotherapy // *Journal of Psychoactive Drugs*. 1987. Vol. 19, Issue 3. P. 257–268. DOI: [10.1080/02791072.1987.10472410](https://doi.org/10.1080/02791072.1987.10472410)

Абакумова И. В., Мирошниченко А. В., Дмитриев Ю. Ю. Экспресс-диагностика социальной напряженности, агрессивности, враждебности пользователей Интернет в контексте предупреждения и противодействия терроризма // *Казанский педагогический журнал*. 2015. № 6-3 (113). С. 167–170.

Бузина Т. С., Подосинова Т. В. Ценностно-смысловая сфера женщин, зависимых от алкоголя // *Социология власти*. 2010. № 2. С. 77–86.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 790 с.

Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of life-sense strategies of a person in the armed conflict environment: Theoretical research // *Fullpapers E-Book of 6th World Congress on Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Science) (WCPBS 2016)*. Barcelona, 2016. P. 1–6.

Avanesyan G., Abakumova I., Kruchkova A., Grishina A., Ermakov P. Molecular-genetic correlates of hostile behavior in teenagers and young adults // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. T. 131, Supplement. P. S67. DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2018.07.197](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2018.07.197)

Яцышин С. М. Проявление созависимости в ценностно-смысловой сфере матерей при наркотизации ребенка: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 196 с.

Клиническая психометрика: учебное пособие / под ред. В. А. Солдаткина. Ростов-на-Дону: ГБОУ ВПО «РостГМУ» Минздрава России, 2015. 311 с.

Лановой В. Е. Метод «Напишите рассказ»: диагностика, терапия и прогноз. СПб.: Речь, 2006. 197 с.

References

Abakumova, I. V., & Ermakov, P. N. (2003). On the formation of tolerance in multicultural education. *Voprosy psikhologii*, 3, 78–82. (in Russ.).

Abakumova, I., Kruteleva, L., & Ryadinskaya, E. (2016). Transformation of life-sense strategies of a person in the armed conflict environment: Theoretical research. *WCPBS 2016. Fullpapers E-Book of 6th World Congress on Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Science)* (pp. 1–6). Barcelona.

Abakumova, I. V., Miroshnichenko, A. V., & Dmitriev, Yu. Yu. (2015). Express diagnostics of social tension, aggression, and hostility among Internet users in the context of preventing and combating terrorism. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal (Kazan Pedagogical Journal)*, 6–3(113), 167–170. (in Russ.).



- Avanesyan, G., Abakumova, I., Kruchkova, A., Grishina, A., & Ermakov, P. (2018). Molecular-genetic correlates of hostile behavior in teenagers and young adults. *International Journal of Psychophysiology*, 131, Supplement, S67. doi: [10.1016/j.ijpsycho.2018.07.197](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2018.07.197)
- Beattie, M. (1989). *Beyond codependency: And getting better all the time*. Hazelden Publ.
- Bornstein, R. F. (2006). The complex relationship between dependency and domestic violence: Converging psychological factors and social forces. *American Psychologist*, 61(6), 595–606. doi: [10.1037/0003-066X.61.6.595](https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.6.595)
- Buzina, T. S., & Podosinova, T. V. (2010). Value-meaning sphere of female alcohol users. *Sotsiologiya vlasti (Sociology of Power)*, 2, 77–86. (in Russ.).
- Denning, P. (2010). Harm reduction therapy with families and friends of people with drug problems. *Journal Clinical Psychology*, 66(2), 164–174. doi: [10.1002/jclp.20671](https://doi.org/10.1002/jclp.20671)
- Fuller, J. A., & Warner, R. M. (2000). Family stressors as predictors of codependency. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, 126(1), 5–22.
- Karpman, S. A. (2014). *Game free life*. San Francisco.
- Knudson, T. M., & Terrell, H. K. (2012). Codependency, perceived interparental conflict, and substance abuse in the family of origin. *The American Journal of Family Therapy*, 40(3), 245–257. doi: [10.1080/01926187.2011.610725](https://doi.org/10.1080/01926187.2011.610725)
- Lanovoi, V. E. (2006). *The Write-a-Story technique: Diagnosis, therapy, and prognosis*. St. Petersburg: Rech'. (in Russ.).
- Larsen, E. (2009). *Stage II recovery: Life beyond addiction*. San Francisco: Harper & Row.
- Leont'ev, D. A. (2007). *Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl. (in Russ.).
- McMillen, J. C., Zuravin, S., & Rideout, G. (1995). Perceived benefit from child sexual abuse. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 63, 1037–1043.
- Merinov, A. V., Shustov, D. I., & Fedotov, I. A. (2011). The modern views of the phenomenon of codependent behavior in alcohol addiction: A literature review. *Rossiiskii Mediko-Biologicheskii Vestnik Imeni Akademika I.P. Pavlova (I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald)*, 19(3), 136–141. doi: [10.17816/PAVLOVJ20113136-141](https://doi.org/10.17816/PAVLOVJ20113136-141) (in Russ.)
- Noriega, G., Ramos, L., Medina-Mora, M.E., & Villa, A.R. (2008). Prevalence of codependence in young women seeking primary health care and associated risk factors. *American Journal of Orthopsychiatry*, 78(2), 199–210. doi: [10.1037/0002-9432.78.2.199](https://doi.org/10.1037/0002-9432.78.2.199)
- Panaghi, L., Ahmadabadi, Z., Khosravi, N., Sadeghi, M. S., & Madanipour, A. (2016). Living with addicted men and codependency: The moderating effect of personality traits. *Addict Health*, 8(2), 98–106. Retrieved from <https://www.>



ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5115643

- Sarkar, S., Mattoo, S. K., Basu, D., & Gupta, J. (2015). Codependence in spouses of alcohol and opioid dependent men. *International Journal of Culture and Mental Health*, 8(1), 13–21. doi: [10.1080/17542863.2013.868502](https://doi.org/10.1080/17542863.2013.868502)
- Shäfer, M., Schnack, B., & Soyka, M. (2000). Sexual and physical abuse during early childhood or adolescence and later drug addiction. *Psychotherapie, Psychosomatik, Medizinische Psychologie*, 50, 38–50.
- Shamionov, R. M., & Sultaniyazova, N. Zh. (2018). Values and attitudes towards ethnic culture and traditions as predictors of subjective well-being among Russians and Kazakhs. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 15(1), 157–186. doi: [10.21702/rpj.2018.1.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.8) (in Russ.)
- Soldatkin, V. A. (Ed.). (2015). *Clinical psychometrics*. Rostov-on-Don: RostGMU Minzdrava Rossii. (in Russ.)
- Ulusoy, Y., & Guçray, S. S. (2017). Adaptation of composite codependency scale to Turkish: A validity and reliability study. *The Journal of International Social Research*, 10(49), 373–379.
- Vasilyuk, F. E. (2015). Coexperiencing psychotherapy as a psychotechnical system. *Journal of Russian & East European Psychology*, 52(1), 1–58. doi: [10.1080/10610405.2015.1064721](https://doi.org/10.1080/10610405.2015.1064721)
- Wegscheider–Cruse, S. (1986). *Choicemaking: For co-dependents, adult children and spirituality seekers*. Health Communications.
- Wells, M. C., Hill, M. B., Brack, G., Brack, C. J., & Firestone, E. E. (2006). Codependency's relationship to defining characteristics in college students. *Journal of College Student Psychotherapy*, 20(4), 71–84.
- Whitfield, C. L. (1991). *Codependence: Healing the human condition: The new paradigm for helping professionals and people in recovery*. Health Communications, Deerfield Beach, FL.
- Yatsyshin, S. M. (2003). *Manifestations of codependence in mothers' value-meaning sphere in narcotization in children* (Doctoral dissertation). St. Petersburg. (in Russ.)
- Young, E. (1987). Co-alcoholism as a disease: Implications for psychotherapy. *Journal of Psychoactive Drugs*, 19(3), 257–268. doi: [10.1080/02791072.1987.10472410](https://doi.org/10.1080/02791072.1987.10472410)
- Zetterlind, U., & Berglund, M. (1999). The rate of co-dependence in spouses and relatives of alcoholics on the basis of the Cermak co-dependence scale. *Nordic Journal of Psychiatry*, 53(2), 147–151. doi: [10.1080/080394899426864](https://doi.org/10.1080/080394899426864)



УДК 159.923.2:378:51

doi: [10.21702/rpj.2019.2.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.4)

Смыслотехники, обращенные к субъектному опыту обучающегося как основе его ценностно-смыслового выбора на примере математики

Ирина В. Абакумова¹, Наталья Н. Мироненкова^{2*}, Денис В. Пеньков³

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Российская Федерация

³ Северо-Кубанский гуманитарно-технологический колледж, ст. Кущевская, Краснодарский край, Российская Федерация

* E-mail: vin-mir@bk.ru

Аннотация

Введение. Присвоить личностную, осмысленную направленность процессу обучения возможно в случае применения различных психологических технологий в обучении, способных актуализировать неповторимый субъектный опыт личности. Именно субъектный опыт является основой ценностно-смыслового выбора, выступающего точкой соприкосновения смыслов культуры и смыслов обучающегося. Благодаря этому соприкосновению возможно трансформировать смысловое пристрастие ученика. Новизна исследования заключается в разработке классификации смыслотехник, обращенных к опыту обучающегося, и их апробацию в рамках учебного процесса с целью повышения мотивации и развития смысловой сферы студентов на занятиях по математике.

Методы. В работе использовались: авторская анкета по выявлению субъектной позиции, ценностного отношения учащимися к математике, возможности осуществления выбора в обучении; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) в русскоязычной версии Леонтьева. В исследовании приняли участие 34 обучающихся первых курсов Южно-Российского государственного политехнического университета (г. Новочеркасск).

Результаты. Результаты авторского анкетирования на начальном и конечном этапах педагогического эксперимента показали эффективность использования смыслотехник в учебном процессе. Анализ обработки результатов теста смысложизненных ориентаций у студентов говорит о выстраивании учащимся своей собственной субъектной позиции на этапе исследования.

Обсуждение результатов. Предложенная классификация психотехник представляет интеграцию современных психолого-педагогических технологий, позволяет регулировать в ситуациях выбора чувственно-эмоциональные и мотивационно-ценностные



выражения обучающихся, раскрывает личностно-смысловой потенциал личности. Внедрение и использование смысловых техник, обращенных к субъектному опыту обучающегося как основе его ценностно-смыслового выбора на примере математики, возможно в случае конструирования соответствующего содержания учебного материала на смысловой основе.

Ключевые слова

отчужденность, субъектный опыт, ценностно-смысловой выбор, психологические технологии, психотехники, ассоциативно-образные смысловые техники, творческие смысловые техники, технологии самовыражения, учебная мотивация, педагогический эксперимент

Основные положения

- ▶ снятие отчужденности в учебном процессе между его субъектами, повышение учебной мотивации, нахождение смысла учебной деятельности возможно в случае актуализации субъектного опыта учащегося или создания ситуаций выбора на основе этого опыта;
- ▶ актуализация субъектного опыта учащихся как основы ценностно-смыслового выбора происходит через эмоционально-чувственный компонент;
- ▶ включение в учебный процесс чувственно-эмоциональных механизмов открытия личностных смыслов, например, смысловых техник, создаст условия для проявления внутренних источников саморазвития и самовыражения учащихся.

Для цитирования

Абакумова И. В., Мироненкова Н. Н., Пеньков Д. В. Смысловые техники, обращенные к субъектному опыту обучающегося как основе его ценностно-смыслового выбора на примере математики // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 63–80. doi:10.21702/rpj.2019.2.4

Материалы статьи получены 11.01.2019



UDC 159.923.2:378:51

doi: [10.21702/rpj.2019.2.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.4)

Meaning Techniques Oriented Towards Students' Subjective Experience as the Basis for Their Value-meaning Choices: A Case of Studies in Mathematics

Irina V. Abakumova¹, Natal'ya N. Mironenkova^{2*}, Denis V. Pen'kov³

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation

³ North-Kuban Humanities and Technology Institute, Kushevskaya Cossack village, Krasnodar Krai, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: vin-mir@bk.ru

Abstract

Introduction. The use of various psychological techniques in learning, which are capable of actualizing students' unique subjective experience, may impart a personal and meaningful orientation to the learning process. Subjective experience is a basis for value-meaning choices, which are considered as a point of contact between students' meanings and the meanings of culture. This contact can help students transform their meaning propensities. This paper proposes a new classification for meaning techniques that are oriented towards students' experience and presents the results for their testing in order to increase students' motivation and the development of their meaning sphere in mathematics classes.

Methods. This study used (a) the questionnaire developed by the authors to identify students' value attitude towards mathematics, their subjective position, and possibility of choosing in learning and (b) the revised Life Orientation Test (LOT-R, Russian version; D. A. Leontiev). The sample was comprised of 34 first-year students of Platov South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk).

Results. The findings from a questionnaire survey at the initial and final stages of the pedagogical experiment demonstrated the effectiveness of meaning techniques for the educational process. The Life Orientation Test findings speak in favor of students' subjective position at the forming experimental stage.

Discussion. As an integration of modern psychological and pedagogical technologies, the classification of psychotechnics proposed in this study makes it possible to control students' emotions/feelings and values/motivation in choice situations and reveals individuals' personal and meaning potential. The use of meaning techniques oriented towards students' subjective experience as the basis for their value-meaning choices in mathematics classes is possible if teachers construct the educational content on a meaning basis.



Keywords

alienation, subjective experience, value-meaning choice, psychological technologies, psychotechnics, associative and image-related meaning techniques, creative meaning techniques, techniques of self-expression, academic motivation, pedagogical experiment

Highlights

- ▶ If teachers actualize students' subjective experience or create choice situations on the basis of this experience they can eliminate alienation between the subjects of educational process, increase students' academic motivation, and find the meaning of educational activity.
- ▶ The feeling- and emotion-related component actualizes students' subjective experience as the basis for their value-meaning choices.
- ▶ The use of feeling- and emotion-related mechanisms for discovering personal meanings (for example, meaning techniques) creates conditions for manifestations of intrinsic sources of self-development and self-expression among students.

For citation

Abakumova, I. V., Mironenkova, N. N., & Pen'kov, D. V. (2019). Meaning Techniques Oriented Towards Students' Subjective Experience as the Basis for Their Value-meaning Choices: A Case of Studies in Mathematics. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 63–80. (in Russ.). doi:10.21702/rpj.2019.2.4

Original manuscript received 11.01.2019

Введение

Направленность системы образования не на ученика как субъекта учебного процесса, а в большей степени на сам процесс, порождает отчужденность отношений между субъектами учебного процесса, не способствует раскрытию индивидуального и творческого потенциала учащихся, не решает проблемы целостного развития личности учащегося (Abakumova, Ermakov, & Kolesina, 2016; Fedotova, Ermakov, Abakumova, & Latun, 2017; Abakumova & Zorina, 2017). При этом не всегда обучающиеся могут ответить успехом на возрастающие образовательные требования. В результате возникает отчуждение от учебного процесса, теряется смысл деятельности, утрачивается мотивация, основанная на интересах, смыслах учащегося. Осин (2015) утверждал, что причинами отчуждения служат слабая поддержка учащихся преподавателями, недостаточная ясность требований и нехватка выбора в рамках учебной деятельности. Barnhardt & Ginns (2014) отмечали, что отчуждение в учебной деятельности проявляется в ее бессмысленности и несоответствии ее содержания собственным интересам учащегося, а причиной порождения отчуждения



является отсутствие возможностей для творчества и выбора в рамках учебы. Еще в теории марксизма первопричиной отчуждения считались объективно вынужденный характер учебной деятельности и неизбежность выполнения учащимися заданий, не связанных с творчеством, при этом результаты не становились полезными для общества (Sidorkin, 2004). Таким образом, в условиях отчужденной деятельности образующиеся смыслы наличествуют в большей степени на эгоцентричном уровне, что влечет к необратимым последствиям в обществе вплоть до утрачивания ценностей отношений.

Однако присвоить личностную, осмысленную направленность учебному процессу возможно в случае применения различных психологических методов и технологий в обучении, например, психотехник или смысловых техник (Abakumova et al., 2016; Fedotova et al., 2017; Abakumova & Zorina, 2017), а также сместить акценты на ученика как субъекта процесса, имеющего свой неповторимый субъектный опыт (Мироненкова, 2015). Именно субъектный опыт является основой ценностно-смыслового выбора (см. Мироненкова, 2015, с. 43), а ценностно-смысловой выбор выступает необходимой точкой сингулярности, точкой соприкосновения смыслов культуры и смыслов обучающегося, и только благодаря такому соприкосновению можно трансформировать смысловое пристрастие ученика и видоизменять смыслы различных уровней (Абакумова, Ермаков и Фоменко, 2013; Абакумова, 2008). В рамках психолого-педагогических исследований достаточно широко представлена проблема субъектного опыта личности как основы ее ценностно-смыслового выбора (Бондаревская, 2000; Осницкий, 1996; Якиманская, 1996; Мироненкова, 2011). По мнению Дьюи (см. Sikandar, 2015), процесс обучения должен планироваться с учетом способностей учащегося, на основе его прошлого опыта. При обучении математике субъектный опыт учащихся выступает как необходимое условие достижения личностных результатов (Далингер, 2016).

Однако до сих пор не было эмпирических данных об изменении ценностно-смысловой сферы в условиях применения в учебном процессе смысловых техник, направленных на самораскрытие субъектного опыта как основы смыслового выбора на занятиях по математике. Цель исследования – изучить смысловые техники, актуализирующие субъектный опыт учащегося и создающие условия для ценностно-смыслового выбора на основе опыта.

Актуализация субъектного опыта учащихся как основы ценностно-смыслового выбора должна происходить только через эмоционально-чувственный компонент (Мироненкова, 2011). Субъектный опыт учащегося состоит из трех компонентов: эмоционально-чувственного, мотивационно-ценностного и содержательно-процессуального. Эмоционально-чувственная сфера человека не имеет четкую структурированную форму, ей характерен смысловой хаос. Она обладает свойствами нелинейности, неустойчивости и неравновесности.



В силу этого она всегда открыта для развития, особенно в условиях совместного творчества (Кульневич, 2001). Поэтому внедрение в образовательный процесс эмоционально-чувственных технологий и механизмов открытия личностных смыслов, например, смыслотехник, создаст благоприятные условия для вывода сознания из эмоционального хаоса в логические структуры с дальнейшей возможностью развития смысловых структур учащихся.

Смыслотехника как механизм психологического воздействия берет свое начало из психотехники, которая, в свою очередь, рассматривается как система психологических действий и приемов, направленных на конкретный результат. Однако учебный процесс, вышедший за рамки когнитивной направленности и приобретенный направленность личностно-смыслового характера, требует и рассмотрение технологий обучения не только в дидактической плоскости, но и с психологических позиций. Следовательно, смыслотехника как технология обучения становится актуальным орудием, способным к самораскрытию внутреннего мира учащегося и к инициации к смысловой деятельности.

В работе Зориной и Зеленова (2016) смыслотехники представляются как современный метод в обучении. Авторы классифицируют их по различным критериям, тем самым выделяя психотехники, сгруппированные по принципу смыслообразности. Именно они в условиях смыслообразования представляют для нас интерес, т. к. способны инициировать смыслы, связанные непосредственно с эмоционально-чувственной сферой человека, взаимодействуют с его ценностями и смыслами. Следовательно, с помощью смыслотехник возможно актуализировать субъектный опыт учащегося, влиять на смысловой выбор личности. Абакумова (Abakumova & Zorina, 2017) представила следующие подгруппы смыслотехник: смыслотехники, обращенные к субъектному и субъективному опыту; смыслотехники диалога; игротехники; смыслотехники самовыражения; смыслотехники поддержки; смыслотехники творчества; смыслотехники проблемного характера.

В основе всех разновидностей стоит обращение непосредственно к обучающемуся, его жизненному опыту и внутреннему миру. Однако нас интересуют среди них смыслотехники, обладающие как смыслообразующей функцией, так и направленные именно на субъектный (субъективный) опыт учащегося либо создающие условия выбора на основе такого опыта. Следовательно, мы выделили смыслотехники из всего многообразия в соответствии с направленностью на опыт учащегося и спецификой изучения математики (таблица 1). Почти 80 % опрошенных студентов 1 курса заявили, что математика является труднодоступной дисциплиной. Такой достаточно большой процент подтолкнул нас к идее ориентации учебного процесса к смысловой направленности, в сторону психологических феноменов сознания – на самораскрытие субъектного опыта обучающегося.



Таблица 1

Классификация смысловых техник, направленных на актуализацию субъективного опыта обучающегося

Table 1

Classification of meaning techniques oriented towards students' subjective experience

<u>Вид</u> <u>смысло-</u> <u>техники</u> <u>Meaning</u> <u>techniques</u>	<u>Пример</u> <u>Examples</u>	<u>Методы и приемы в практике учебного</u> <u>процесса</u> <u>Methods and techniques in educational</u> <u>practice</u>
Ассоци- ативно- образные технологии Associ- ative/ image- related techniques	Ассоциирование, лично-стно-смысловое обобщение, работа с образами, с лично-стно- смысловым контекстом Association, personal- meaning generalization, working with images and a personal-meaning context	Метод свободных ассоциаций, перевод теоретического материала в образный, структурно-логические схемы, символическое видение, метод столкновения образов, цветообразы, смысловое погружение Free association, translation of the theoretical content into the image- related one, structural and logic schemes, symbolic viewing, the method of image collision, colour images, meaning immersion
Технологии само- выражения Techniques of self- expression	Ситуации выбора, персонализация, проживание ситуаций, саморефлексия Choice situations, personalization, experiencing situations, self-reflection	Метод вживания (эмпатии), воображение, метод проектов, метод свободного выбора, игра, разотождествление Empathy method, imagination, project method, free choice method, play, disidentification
Творческие (креа- тивные) технологии Creative techniques	Творческие задания, сочинения, арт- технологии, технологии арт-дидактики, инсталляция, инверсия Creative tasks, essays, art techniques, techniques of art didactics, installation, inversion	Метод образной картины, совместная презентация, методы арт-терапии (музыкотерапия, библиотерапия, изотерапия, игротерапия, паркотерапия, изотерапия и т. д.), фото-проекты The image-related view method, joint presentation, art therapy (music therapy, bibliotherapy isotherapy, play therapy, park therapy, etc.), photo projects



Методы

Для реализации эмпирической части исследования была сформирована практическая база: в ней приняли участие студенты 1 курса факультета инноватики и организации производства образовательного учреждения г. Новочеркаска – Южно-Российского государственного политехнического университета (всего 34 человека). По результатам опроса 27 учащихся (79,41 %) считают математику труднодоступной дисциплиной, для 5-х она вообще «непосильная наука», и только 2 человека сказали, что с математикой у них не было проблем. Данные опроса подтверждаются их отношением к дисциплине в том, что средний балл единого государственного экзамена при поступлении не превосходил 43 %.

С целью определения ценностного отношения к математике учащихся, выявления субъектной позиции, возможности осуществления ими выбора на занятиях, а также условий его самоосуществления на констатирующем этапе нами была создана анкета. Опишем некоторые ответы учащихся. Например, на вопрос «С чем, по Вашему мнению, связаны возникающие проблемы при изучении математики?» ответы показали, что наибольшие проблемы связаны с запоминанием большого количества формул (32,35 % студентов), с трудностью теоретического материала – у 17,64 % студентов, у каждого четвертого студента (20,58 %) – с построением фигур на плоскости, тел в пространстве и их представлением. Немалое количество студентов связывали проблемы с невнимательностью (14,7 %). Таким образом, непонимание является основной проблемой учащихся. Проблемы с запоминанием большого количества формул связаны с непониманием смысла большинства из них, а именно на каком основании они получены и из чего следуют. В результате учащиеся предпочитают или вынуждены их заучивать, а их количество действительно велико для бессмысленного запоминания; непонимание теоретического материала связано с его отстраненностью от реальной жизни и, как следствие, неспособностью учащихся понять и осмыслить материал.

Таким образом, возникает феномен отчуждения, который является важной психолого-педагогической проблемой в обучении. Например, Кулакова (1997) отмечает, что отчуждение усугубляет социализацию учащегося, создавая чувство оторванности от других людей, одиночества, вследствие чего обучающийся не в состоянии реализовать свой личностный потенциал. Этому мнению придерживается ряд ученых, таких как Матросова, Подходова (см. Кулакова, 1997; Матросова, 2015; Подходова, 2014). Подходова (2014) утверждает, что предупредить отчуждение в процессе обучения возможно в случае проявления субъектности ученика. «Представить свойство субъектности и сделать его доступным изучению и даже диагностике удобнее через анализ более осязательного образования – субъектного опыта» (Осницкий, 1996, с. 103).



Следовательно, подача материала должна быть ориентирована на субъектный опыт учащихся, теоретический материал и формулы должны нести смысловую нагрузку, применение максимальной наглядности и связи с реальной жизнью, опору на эмоции и чувства учащихся. Одной из задач в применении смысловых техник является компенсация дефицита «эмоциональности» в математике. Как образно выражался российский революционер Ленин (1969, с. 112), «без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины».

В работе со студентами с целью выявления их смыслообразований на констатирующем этапе исследования, общего показателя осмысленности жизни, диагностики составляющих смысла жизни был применен тест смысло-жизненных ориентации (СЖО) в русскоязычной версии Леонтьева.

С учетом специфики курса математики и результатов констатирующего эксперимента в большинстве случаев применялись ассоциативно-образные смысловые техники (Дорф и Мироненкова, 2017). Ассоциативно-образные смысловые техники основаны на установлении связей между поступающей новой информацией и существующим ценностно-смысловым полем учащегося. Характер возникновения ассоциаций спонтанен, хаотичен, не объясним с точки зрения рационального подхода, а сами ассоциации затрагивают чувства и эмоции, они очень личностны и индивидуальны. За счет этого они приближаются к личностным смыслам учащегося. Процесс возникновения ассоциаций в большинстве случаев основывается на субъективном опыте личности.

Возможности данной смысловых техник достаточно широки. В работе Алексеева (1997) продемонстрировано, что ассоциативные связи выступают эффективным средством развития самостоятельности детей и роста познавательных мотивов к предмету; при этом освоение программы курса стало более индивидуальным за счет личностного характера ассоциаций, а учебный материал стал намного доступнее. Его исследования были на примере курса физики, а физика, в свою очередь, является смежной с математикой дисциплиной и относится также к естественнонаучным дисциплинам.

Вместе с ассоциациями образы, впечатанные в структуру сознания человека, играют важную роль в раскрытии смыслов, самораскрытии субъектного опыта учащихся. Образ является неотделимым компонентом опыта человека, его сознания и отношений. Окутанный смыслами и переживаниями, образ относится к сфере чувственности, к пересечению витальных потребностей и познания (Юнг, 1991). Через образ субъект вступает на новую ступень осознанного представления перспективы своего самовыражения. Использование, например, цветообразов как интегративной, смыслообразующей категории в учебном процессе позволит дойти до самых глубинных слоев сознания,



индивидуализировать процесс обучения на уровне эмоционально-чувственной сферы. Цветообразы представляют собой «сплав» символов, эмоций, смыслов актуального и прошлого опытов обучающегося (Рудакова и Литвинов, 2015; Литвинов и Рудакова, 2016). Отметим, что применение ассоциативно-образных технологий с помощью информационно-коммуникативных средств только усиливает эффективность данной группы смыслотехник в процессе обучения математике (Кухтинова, 2016).

Однако технологии самовыражения и творческие смыслотехники не остались «за кадром». Если человек «видит смысл своей жизни в творчестве как созидании нового, уникального, то его творческая деятельность и будет стремлением к осуществлению смыслового выбора» (Белоконь, 2012, с. 60). Творческая деятельность действительно обогащает смысловую сферу человека. Например, Frankl (1967) выделял ценности, позволяющие человеку выработать жизненную позицию и сделать свою жизнь осмысленной: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения. Frankl отдает предпочтение именно ценностям творчества.

К соответствующим смыслотехникам в исследовании мы конструировали и содержание, т. к. узконаправленный, обезличенный учебный материал не будет побуждать к смыслообразованию. Осуществление смыслового развития, а вместе с тем раскрытие субъектного опыта, возможно при погружении в плотную смысловую среду, поликультурное образовательное пространство. Ингредиенты качественного содержания должны обладать способностью влиять на стержневую основу личности ребенка – систему ценностей, а качество технологии заключается в возможности или невозможности замкнуть субъектный опыт обучающегося на объективных реалиях действительности, отраженных в содержании обучения, и тем самым обогатить, изменить, обновить наличные у обучающихся ценности (Абакумова, Ермаков и Кагермазова, 2016).

Результаты

После завершения курса обучения был проведен второй этап исследования – формирующий эксперимент. Впоследствии мы обработали результаты, полученные по данным групп студентов до и после эксперимента. В исследовании использовались следующие методы: эмпирические, диагностические, методы математической и статистической обработки эмпирических данных.

Результаты анкетирования по выявлению ценностного отношения учащихся к предмету математики, возможности осуществления ими выбора на занятиях, актуализации личного опыта на начальном и конечном этапах педагогического эксперимента показали эффективность использования смыслотехник в учебном процессе. Например, количество учащихся, не имеющих проблем



при изучении математики, возросло на 52,94 %. Это, на наш взгляд, связано с тем, что теоретический материал для обучающихся в экспериментальных группах был более понятным вследствие его иного представления, ориентации на доступность и возможность практического применения; теоретический материал и формулы стали нести смысловую нагрузку, что сделало их более усваиваемыми без заучивания.

Отвечая на вопрос «Учитываются ли при обучении Ваши способности и возможности?», 65,77 % студентов ответили, что редко или никогда. Это, в свою очередь, является отрицательным моментом в осуществлении ими выбора в процессе обучения, что тормозит, а иногда вообще останавливает процесс смыслообразования. Учет способностей и возможностей учащегося будет способствовать внутренней дифференциации обучения, служащей средством развития индивидуальности. Данное положение было учтено в процессе использования смысловых техник, вследствие чего на заключительном этапе этот показатель улучшился: студентов, ответивших «редко» или «никогда», стало на 14,7 % меньше.

Формирующий этап показал, что для учащихся групп характерны более высокие баллы по большинству субшкал теста смысложизненных ориентаций, чем на констатирующем этапе (табл. 2). Это свидетельствует о наличии у них целей в будущем, о восприятии ими процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного, наполненного смыслом, о частичной удовлетворенности отрезка своего жизненного пути, о готовности взять на себя ответственность за строительство своей жизни.

Таблица 2

Результаты исследования смысложизненных ориентаций обучающихся на констатирующем и формирующем этапах эксперимента

Table 2

Students' life orientations at the ascertaining and forming experimental stages

<u>Показатели осмысленности жизни по тесту СЖО</u> <u>Meaningfulness in life (Life Orientation Test)</u>		<u>Констатирующий этап</u> <u>Ascertaining stage</u>	<u>Формирующий этап</u> <u>Forming stage</u>
		Студенты, баллы Students, scores	Студенты, баллы Students, scores
		Э. гр.	Э. гр.
1	Цели Purposes	33,21	32,04
2	Процесс Process	28,44	29,54



Таблица 2

Результаты исследования смысложизненных ориентаций обучающихся на констатирующем и формирующем этапах эксперимента

Table 2

Students' life orientations at the ascertaining and forming experimental stages

<u>Показатели осмысленности жизни по тесту СЖО</u> <u>Meaningfulness in life (Life Orientation Test)</u>		<u>Констатирующий этап</u> <u>Ascertaining stage</u>	<u>Формирующий этап</u> <u>Forming stage</u>
		Студенты, баллы Students, scores	Студенты, баллы Students, scores
		Э. гр.	Э. гр.
3	Результат Result	24,12	26,18
4	ЛК-Я Internal locus of control	22,16	26,45
5	ЛК-жизнь External locus of control	24,53	25,02
	Общий показатель ОЖ The overall score of meaningfulness in life	101,14	107,64

При этом у студентов проявились активная устремленность в будущее, направленность на осознание смысла своей жизни и обладание достаточной свободой выбора для построения своей жизни в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о смысле, при этом складывалось обобщенное отношение к жизни, что в целом говорит о наличии субъектной позиции.

В течение обучения курсу математики студенты подвергаются промежуточному компьютерному контролю в форме тестов (всего 6 модулей). Обработка академических показателей групп на формирующем этапе (6-й модуль) показала рост качества обучения дисциплине «математика» с применением смыслотехнических механизмов, направленных на актуализацию субъектного опыта как основы ценностно-смыслового выбора учащихся, по сравнению с констатирующим этапом (1-й модуль). Качественные показатели (оценки «хорошо», «отлично» при пятибалльной системе оценивания) академической успеваемости возросли примерно на 23,5 %.



Обсуждение результатов

Включение смысловых техник в обучение преобразует структурную взаимосвязь между учителем и учеником не только на познавательном уровне, но на уровне ценностей и смыслов. Если учащийся усмотрел личностный смысл в каком-то моменте учебной деятельности, то такой выбор рассматривается нами как ценностно-смысловой.

Актуализация опыта обучающегося на основе ценностно-смыслового выбора снимает барьеры отчуждения в учебном процессе между его субъектами. Таким образом, предложенная классификация психотехник демонстрирует интеграцию современных психолого-педагогических технологий, позволяет регулировать в ситуациях выбора чувственно-эмоциональные и мотивационно-ценностные выражения обучающихся, раскрывает личностно-смысловую потенциал личности. Результаты исследования, представленные как сравнительные результаты на этапах констатирующего и формирующего экспериментов, свидетельствуют об общей динамике ценностно-смыслового развития студентов, о проявлении на данном этапе субъектной позиции.

Внедрение и использование смысловых техник в образовательном процессе, обращенных к субъектному опыту обучающегося как к основанию его ценностно-смыслового выбора на примере математики возможно только при комплексном подходе на смыслообразующей основе с учетом специфики образовательного учреждения, рабочей программы и требований Федерального государственного образовательного стандарта. Использование представленных смысловых техник, ориентированных целиком на ценностно-смысловую сферу учащегося, даст возможность на максимальном уровне предоставить каждому обучающемуся свободу мыслей, чувств, действий в процессе обучения, обеспечивая при этом условия для раскрытия его личностно-смыслового потенциала.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ 18-29-22004, «Психологические и генетические исследования предикторов, определяющих поведение пользователей при восприятии Интернет-контентов различной информационной направленности».

Acknowledgments

This study received grant funding from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-29-22004, "Psychological and genetic studies of predictors that determine users' behavior when perceiving various Internet content").

Литература

Абакумова И. В. Смысловодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. М.: КРЕДО, 2008. 386 с.



- Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Казермазова Л. Ц.* Технологии направленной трансляции смыслов в практике учебного процесса: монография. М.: КРЕДО, 2016. 234 с.
- Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Книга 1. Методология и технологии обучения: в поисках развивающего ресурса. М.: КРЕДО, 2013. 162 с.
- Алексеев В. А.* Роль ассоциативных связей в школьном курсе физики: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 1997. 193 с.
- Белоконь И. А.* Акмеологические особенности смысловой дивергенции как фактора профессионального самоопределения // *Российский психологический журнал*. 2012. Т. 9, № 1. С. 55–61. DOI: [10.21702/rpj.2012.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2012.1.5)
- Бондаревская Е. В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону: Булат, 2000. 351 с.
- Далингер В. А.* Субъектный опыт учащихся как необходимое условие достижения личностных результатов при обучении математике // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 2 (часть 3) С. 369–370.
- Дорф Т. В., Мироненкова Н. Н.* Использование ассоциаций в процессе обучения математике // *Наука и инновации в XXI веке: Актуальные вопросы, достижения и тенденции развития: сб. ст. победителей II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. С. 117–120.*
- Зорина Е. С., Зеленов А. А.* Психологические основы смыслотехник как современных образовательных методов // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 1. С. 76–84. DOI: [10.21702/rpj.2016.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.1.6)
- Кулакова Т. Г.* Подготовка менеджеров образования к преодолению отчуждения подростков от семьи и школы: дисс. ... канд. пед. наук. Барнаул, 1997. 232 с.
- Кульневич С. В.* Педагогика личности от концепций до технологий: учебно-практическое пособие. Ростов-на-Дону: Учитель, 2001. 160 с.
- Кухтинова А. П.* Применение технологии развития ассоциативно-образного мышления на уроках математики с использованием ИКТ и современных гаджетов // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2016. № 3. С. 66–72.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 25. Март-июль 1914. Москва: Политиздат, 1969. 646 с.
- Литвинов К. А., Рудакова И. А.* Критерии эффективности технологий, инициирующих смыслообразование в учебном процессе средствами цветообразов // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2016. № 3. С. 34–40.
- Матросова Ю. С.* Предупреждение отчуждения учащихся от школы как проблема современной образовательной практики // *Школа будущего*. 2015. № 5. С. 162–169.



- Мироненкова Н. Н.* Многоуровневая структура опыта учащегося в контексте смыслообразования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. № 2 (159). С. 43–51.
- Мироненкова Н. Н.* Особенности дидактического моделирования ситуаций ценностно-смыслового выбора обучающихся: дисс. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 190 с.
- Осин Е. Н.* Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20, № 4. С. 57–74. DOI: [10.17759/pse.2015200406](https://doi.org/10.17759/pse.2015200406)
- Осницкий А. К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
- Осницкий А. К.* Психология самостоятельности. М.; Нальчик: Эль-Фа, 1996. 124 с.
- Подходова Н. С.* Субъектный опыт учащихся в преодолении их отчуждения от процесса обучения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14774> (дата обращения: 14.05.2019).
- Рудакова И. А., Литвинов К. А.* Специфика цветообраза как интегративной (смыслообразующей) категории в учебном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2, № 11. URL: <https://online-science.ru/m/products/Philological%20and%20Pedagogical%20sciences/gid3436/pg0/> (дата обращения: 14.05.2019).
- Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Реннесанс, 1991. 297 с.
- Якиманская И. С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. 95 с.
- Abakumova I. V., Ermakov P. N., Kolesina K. Y.* On analyzing the results of empirical research into the life-purpose orientations of adults of various ethnic identities and religious affiliations // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9, Issue 1. P. 155–163. DOI: [10.11621/pir.2016.0111](https://doi.org/10.11621/pir.2016.0111)
- Abakumova I. V., Zorina E. S.* Sense-making techniques in educational process and their impact on the personal characteristics of students // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2017. Vol. 5, № 2. P. 41–46. DOI: [10.5937/IJCRSEE1702041A](https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1702041A)
- Barnhardt B., Ginns P.* An alienation-based framework for student experience in higher education: new interpretations of past observations in student learning theory // Higher Education. 2014. Vol. 68, Issue 6. P. 789–805. DOI: [10.1007/s10734-014-9744-y](https://doi.org/10.1007/s10734-014-9744-y)
- Fedotova O., Ermakov P., Abakumova I., Latun V.* The peculiarities of updating the interconnection of neuroscience and education in the dissertation discourse // EDULEARN 17 Proceedings. Barcelona, Spain: IATED, 2017. P. 4728–4733. DOI: [10.21125/edulearn.2017.2044](https://doi.org/10.21125/edulearn.2017.2044)



- Frankl V. *Psychotherapy and existentialism*. New York: Simon and Schuster, 1967. 246 p.
- Sidorkin A. M. In the event of learning: Alienation and participative thinking in education // *Educational Theory*. 2004. Vol. 54, Issue 3. P. 251–262. DOI: [10.1111/j.0013-2004.2004.00018.x](https://doi.org/10.1111/j.0013-2004.2004.00018.x)
- Sikandar A. John Dewey and his philosophy of education // *Journal of Education and Educational Development*. 2015. Vol. 2, № 2. P. 191–201. DOI: [10.22555/joeeed.v2i2.446](https://doi.org/10.22555/joeeed.v2i2.446)

References

- Abakumova, I. V. (2008). *Meaning didactics: A textbook for master's level psychology and pedagogy students*. Moscow: Kredo. (in Russ.).
- Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., & Fomenko, V. T. (2013). Methodology and training technologies: Searching a developing resource. In *New didactics: Book I*. Moscow: Kredo. (in Russ.).
- Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., & Kagermazova, L. Ts. (2016). *Technologies of the directed translation of meanings in the educational process*. Moscow: Kredo. (in Russ.).
- Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., & Kolesina, K. Y. (2016). On analyzing the results of empirical research into the life-purpose orientations of adults of various ethnic identities and religious affiliations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 155–163. doi: [10.11621/pir.2016.0111](https://doi.org/10.11621/pir.2016.0111)
- Abakumova, I. V., & Zorina, E. S. (2017). Sense-making techniques in educational process and their impact on the personal characteristics of students. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 5(2), 41–46. doi: [10.5937/IJCRSEE1702041A](https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1702041A)
- Alekseev, V. A. (1997). *The role of associative links in the secondary school course in physics* (Doctoral dissertation). St. Petersburg. (in Russ.).
- Barnhardt, B., & Ginns, P. (2014). An alienation-based framework for student experience in higher education: new interpretations of past observations in student learning theory. *Higher Education*, 68(6), 789–805. doi: [10.1007/s10734-014-9744-y](https://doi.org/10.1007/s10734-014-9744-y)
- Belokon, I. A. (2012). Acmeological characteristics of meaning divergence as a factor for professional self-determination. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 9(1), 55–61. doi: [10.21702/rpj.2012.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2012.1.5) (in Russ.).
- Bondarevskaya, E. V. (2000). *Theory and practice of personality-focused education*. Rostov-on-Don: Bulat. (in Russ.).
- Dalinger, V. A. (2016). Students' subjective experience as a necessary condition for achieving personal results when studying mathematics. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy (International Journal of Applied and Fundamental Research)*, 2(3), 369–370. (in Russ.).
- Dorf, T. V., & Mironenkova, N. N. (2017). The use of associations in teaching mathematics. In *Science and innovation in the 21st century: Topical*



- issues, achievements, and trends in development*. Proceedings of the 2nd international theoretical and practical conference (pp. 117–120). Penza: Nauka i prosveshchenie. (in Russ.).
- Fedotova, O., Ermakov, P., Abakumova, I., & Latun, V. (2017). The peculiarities of updating the interconnection of neuroscience and education in the dissertation discourse. *EDULEARN 17 Proceedings* (pp. 4728–4733). Barcelona, Spain: IATED. doi: [10.21125/edulearn.2017.2044](https://doi.org/10.21125/edulearn.2017.2044)
- Frankl, V. (1967). *Psychotherapy and existentialism*. New York: Simon and Schuster.
- Jung, C. G. (1991). *Archetypes and symbols*. Moscow: Rennensans. (in Russ.).
- Kukhtinova, A. P. (2016). Using the technology for the development of associative and imaginative thinking at studies in mathematics with information and communication technologies and modern gadgets. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya (RUDN Journal of Informatization in Education)*, 3, 66–72. (in Russ.).
- Kulakova, T. G. (1997). *Education managers training in overcoming adolescent alienation from family and school*. (Doctoral dissertation). Barnaul. (in Russ.).
- Kul'nevich, S. V. (2001). *The pedagogy of personality: From concepts to technologies*. Rostov-on-Don: Uchitel'. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1969). 1914, March–July. In *Collected works* (Vol. 25). Moscow: Politizdat. (in Russ.).
- Litvinov, K. A., & Rudakova, I. A. (2016). Criteria for the effectiveness of the technologies initiating meaning-making in the learning process by means of colour images. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki (News-Bulletin of Southern Federal University. Pedagogical Sciences)*, 3, 34–40. (in Russ.).
- Matrosova, Yu. S. (2015). Prevention of student alienation from schools as a challenge for modern educational practice. *Shkola budushchego (The School of the Future)*, 5, 162–169. (in Russ.).
- Mironenkova, N. N. (2011). *Characteristics of the didactic modeling of meaning-value choice situations* (Doctoral dissertation). Rostov-on-Don. (in Russ.).
- Mironenkova, N. N. (2015). A multilevel structure of students' experience in the context of meaning-making. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya (The Bulletin of the Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology)*, 2(159), 43–51. (in Russ.).
- Osin, E. N. (2015). Alienation from studying as a predictor of burnout in university students: The role of characteristics of the educational environment. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 20(4), 57–74. doi: 10.17759/pse.2015200406 (in Russ.).
- Osnitskii, A. K. (1996a). Issues in studying subjective activity. *Voprosy psikhologii*, 1, 5–19. (in Russ.).



- Osnitskii, A. K. (1996b). *Psychology of independence*. Moscow; Nalchik: El'-Fa. (in Russ.).
- Podkhodova, N. S. (2014). Students' subjective experience in overcoming their alienation from the learning process. *Modern Problems of Science and Education*, 5. Retrieved from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14774> (in Russ.).
- Rudakova, I. A., & Litvinov, K. A. (2015). The specific character of the color image as an integrative (meaning-making) category in the educational process. *Humanities, Social-economic, and Social Sciences*, 2(11). Retrieved from <https://online-science.ru/m/products/Philological%20and%20Pedagogical%20sciences/gid3436/pg0/> (in Russ.).
- Sidorkin, A. M. (2004). In the event of learning: Alienation and participative thinking in education. *Educational Theory*, 54(3), 251–262. doi: [10.1111/j.0013-2004.2004.00018.x](https://doi.org/10.1111/j.0013-2004.2004.00018.x)
- Sikandar, A. (2015). John Dewey and his philosophy of education. *Journal of Education and Educational Development*, 2(2), 191–201. doi: [10.22555/joeed.v2i2.446](https://doi.org/10.22555/joeed.v2i2.446)
- Yakimanskaya, I. S. (1996). *Personality-focused teaching in modern schools*. Moscow: Sentyabr'. (in Russ.).
- Zorina, E. S., & Zelenov, A. A. (2016). Psychological bases for meaning techniques as modern educational methods. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 13(1), 76–84. doi: [10.21702/rpj.2016.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.1.6) (in Russ.).



УДК 159.9.072

doi: [10.21702/rpj.2019.2.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.5)

Взаимосвязи виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом

Виктор П. Шейнов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: sheinov1@mail.ru

Аннотация

Введение. Виктимизация – процесс и результат превращения индивида в жертву неправомерного посягательства. Необходимость изучения виктимизации объясняется ее широким распространением и отрицательными последствиями для ее жертв. Проведенные за рубежом исследования дали противоречивые результаты о связях виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом. Установить подобные связи в русскоязычном социуме – цель данного исследования.

Методы. Использованы: разработанная автором «Методика оценки степени виктимизации взрослого индивида», полоролевой опросник Сандры Бэм, личностный опросник Айзенка. Репрезентативность выборок в исследовании обеспечена включением в него большого количества (766) испытуемых – 394 женщины и 372 мужчины в возрасте от 17 до 74 лет, представляющих разные сферы жизнедеятельности и регионы.

Результаты и их обсуждение. Положительно связаны с нейротизмом агрессивное и зависимое поведение женщин и мужчин и их общая виктимизация. Положительно (отрицательно) связана с нейротизмом незащищенность женщин (мужчин) от манипуляций. Экстраверсия отрицательно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и зависимым поведением мужчин, положительно – с агрессивным и некритичным поведением женщин и отрицательно – с незащищенностью мужчин и женщин от манипуляций. Общая виктимизация, агрессивное, саморазрушающее и некритичное поведение мужчин и юношей положительно (а зависимое поведение – отрицательно) связаны с маскулинностью. Виктимизация в результате саморазрушающего поведения женщин и девушек коррелирует с маскулинностью положительно, а виктимизация вследствие зависимого поведения – отрицательно. Виктимизация в результате агрессивного поведения женщин, мужчин и юношей отрицательно связана с феминностью, которая положительно связана с незащищенностью женщин от манипуляций. С возрастом у женщин снижается общая виктимизация за счет уменьшения ее компонента «агрессивное поведение». Установленные взаимосвязи уточняют выводы зарубежных исследований, выделяя компоненты виктимизации, реализующие эти



связи. Противоречивость зарубежных результатов о связях виктимизации с экстраверсией объясняется установленным в данной работе значительным влиянием половых различий.

Ключевые слова

общая виктимизация, реализованная виктимизация, агрессивное поведение, некритичное поведение, зависимое поведение, саморазрушающее поведение, экстраверсия, нейротизм, маскулинность, феминность

Основные положения

- ▶ с нейротизмом у мужчин и женщин положительно коррелируют общая виктимизация, агрессивное и зависимое поведение и положительно (отрицательно) – незащищенность женщин (мужчин) от манипуляций;
- ▶ у мужчин экстраверсия отрицательно связана с общей виктимизацией, агрессивным и зависимым поведением, у женщин – положительно с агрессивным и некритичным поведением; у мужчин и женщин экстраверсия отрицательно коррелирует с незащищенностью от манипуляций;
- ▶ с маскулинностью мужчин и юношей общая виктимизация, агрессивное, саморазрушающее и некритичное поведение связаны положительно, а зависимое поведение – отрицательно; с маскулинностью женщин и девушек виктимизация в результате саморазрушающего поведения коррелирует положительно, а виктимизация вследствие зависимого поведения – отрицательно;
- ▶ с феминностью виктимизация женщин в результате манипулирования связана положительно, а вследствие агрессивного поведения женщин, мужчин и юношей коррелирует отрицательно; с виктимизацией девушек показатели их феминности не коррелируют; у незащищенности мужчин от манипуляций связь с феминностью отсутствует;
- ▶ общая виктимизация женщин снижается с возрастом за счет уменьшения ее виктимизации в результате агрессивного поведения.

Для цитирования

Шейнов В. П. Взаимосвязи виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 81–102. doi: 10.21702/rpj.2019.2.5

Материалы статьи получены 09.01.2019



UDC 159.9.072

doi: [10.21702/rpj.2019.2.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.5)

Interrelations of Extraversion, Neuroticism, and Psychological Gender with Victimization

Victor P. Sheinov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: sheinov1@mail.ru

Abstract

Introduction. Victimization is the process and the result of a subject's transformation into a victim of criminal assault. This widespread phenomenon entails serious negative consequences for its victims. However, scanty information is presently available on the interrelations of extraversion, neuroticism, and psychological gender with victimization. The purpose of this study is to examine these interrelations in a sample of Russian-speaking respondents.

Methods. The study used (a) the Technique for Assessing the Adult Degree of Victimization developed by the author, (b) the Bem Sex-Role Inventory, and (c) the Eysenck Personality Questionnaire. A large number of individual participants ($n = 766$, 394 women and 372 men), aged from 17 to 74 years, representing various professions and regions ensured representativeness of the study samples.

Results and Discussion. Neuroticism was found to have positive associations with aggressive and dependent behaviors in women and men and with their overall victimization. Positive associations between neuroticism and vulnerability to manipulation were seen in women while there were negative correlations in men. Extraversion correlated negatively with overall victimization, aggressive and dependent behaviors in men, and also with vulnerability to manipulation in women and men. Extraversion correlated positively with aggressive and non-critical behaviors in women. Masculinity was positively associated with aggressive, self-destructive, and non-critical behaviors in men and boys and with their overall victimization, but negatively correlated with dependent behavior. Masculinity correlated positively with victimization resulting from self-destructive behavior in women and girls, but was negatively associated with victimization resulting from dependent behavior. Femininity was negatively associated with victimization resulting from aggressive behaviour in women, men, and boys, but positively correlated with vulnerability to manipulation in women. Because of the decline in the 'aggressive behavior' component of victimization, overall victimization in women declined with increasing age. By revealing the components of victimization that implement the examined correlations, this study complements the findings of previous research. The interrelations between victimization and extraversion significantly depend on gender differences, which explains the inconsistency of findings in previous studies.



Keywords

overall victimization, implemented victimization, aggressive behavior, non-critical behavior, dependent behavior, self-destructive behavior, extraversion, neuroticism, masculinity, femininity

Highlights

- ▶ Neuroticism is positively associated with aggressive and dependent behaviors in men and women and with their overall victimization. Positive associations between neuroticism and vulnerability to manipulation are seen in women while there are negative correlations in men.
- ▶ Extraversion is negatively associated with aggressive and dependent behaviors in men and with their overall victimization, but positively correlates with aggressive and non-critical behaviors in women. For both men and women, extraversion is negatively associated with vulnerability to manipulation.
- ▶ Masculinity is positively associated with aggressive, self-destructive, and non-critical behaviors in men and boys and with their overall victimization, but negatively correlates with dependent behavior. Masculinity correlates positively with victimization resulting from self-destructive behavior in women and girls, but is negatively associated with victimization resulting from dependent behavior.
- ▶ Femininity is negatively associated with victimization resulting from aggressive behaviour in women, men, and boys, but positively correlates with vulnerability to manipulation in women. Femininity does not correlate with victimization in girls and is not associated with vulnerability to manipulation in men.
- ▶ Because of the decline in the 'aggressive behavior' component of victimization, overall victimization in women declines with increasing age.

For citation

Sheinov, V. P. (2019). Interrelations of Extraversion, Neuroticism, and Psychological Gender with Victimization. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 81–102. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.5

Original manuscript received 09.01.2019

Введение

«Виктимность (от лат. *victima* – жертва) – склонность стать жертвой преступления. Виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения человека в жертву неправомерного посягательства, а также результат этого процесса» (Шейнов, 2019, с. 94). «Виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее – в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» (Вишневецкий, 2014, с. 226).



Необходимость изучения виктимизации объясняется ее широким распространением в обществе (Beck, 2017; Menrath et al., 2015; Lanctôt & Guay, 2014; Bejerot, Plenty, Humble, & Humble, 2013; Suprina & Chang, 2005) и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв – такими, в частности, как: вред для здоровья (Шейнов, 2019; Menrath et al., 2015), депрессия (Loerbroks et al., 2015; Schacter & Juvonen, 2017), рисковость, тревожность и низкая самооценка (Андронникова, 2004), дистресс и низкая самооценка (Turner, Shattuck, Finkelhor, & Hamby, 2015), отрицательные психические состояния, гнев, грусть (Lanctôt & Guay, 2014), отрицательная аффективность (Kodellas, Fisher, & Wilcox, 2015), самообвинение (Schacter & Juvonen, 2017).

При этом недавние работы в области нейробиологии, нейроэндокринологии и генетики дают убедительные доказательства того, почему и как последствия издевательств могут длиться всю жизнь. В частности, доказано, что «(а) мозг реагирует на виктимизацию как на физическую боль, (б) виктимизация сверстников прочно связана с нарушением регуляции нейроэндокринного ответа на стресс, (в) определенные генетические профили приводят жертв издевательств к большим рискам для новых негативных последствий, и (г) опыт виктимизации сверстников становится биологически встроенным в физиологию развивающегося человека, что создает для него или ее риск для проблем психического и физического здоровья в течение всей жизни» (Vaillancourt, Hymel, & McDougall, 2013, с. 242).

Возникновение виктимизации предопределяется не только ситуационными характеристиками, но и характеристиками диспозиции человека в той или иной роли (Kodellas et al., 2015). Процессу виктимизации способствуют многие факторы, и в их числе – личностные особенности потенциальной жертвы: «индивидуальные характеристики являются лучшими предикторами, как возникновения, так и интенсивности личностной виктимизации» (Uludag, Colvin, Hussey, & Eng, 2009, с. 266).

В ряде работ изучались связи виктимизации с экстраверсией и нейротизмом. Однако полученные результаты не позволяют прийти к определенным выводам о характере этих связей.

Так, в ряде исследований установлено, что низкий уровень экстраверсии способствует виктимизации детей (Čolović, Kodžopeljić, Mitrović, Dinić, & Smederevac, 2015; Mynard & Joseph, 1997; Slee & Rigby, 1993), студентов (Lodewyk, 2018) и взрослых на их рабочих местах (Dåderman & Ragnestål-Impola, 2016).

Однако метаанализ других исследований виктимизации мальчиков и девочек разных возрастных групп (Mitsopoulou & Giovazolias, 2015) привел авторов к выводу, что, напротив, высокий уровень экстраверсии способствует виктимизации детей. И именно высокий уровень экстраверсии является



предиктором насилия над женщинами со стороны интимного партнера (Ulloa, Hammett, O'Neal, Lydston, & Leon Aramburo, 2016).

Обнаружены и половые различия. Высокий уровень экстраверсии способствует защите от виктимизации только у девочек, а не у мальчиков (Janošová, Kollerová, & Soukup, 2018).

В ряде исследований установлено, что высокий уровень нейротизма способствует виктимизации детей (Čolović et al., 2015; Hansen, Steenberg, Palic, & Elklit, 2012; Bollmer, Harris, & Milich, 2006), подростков (Janošová et al., 2018; Kulig, Cullen, Wilcox, & Chouhy, 2019; Boele, Sijtsema, Klimstra, Denissen, & Meeus, 2017), мальчиков и девочек разных возрастных групп (Mitsopoulou & Giovazolias, 2015).

В других работах высокий уровень нейротизма оказался не связанным с виктимизацией детей (Mynard & Joseph, 1997; Slee & Rigby, 1993) и подростков (Calvete, Orue, & Gamez-Guadix, 2016).

По результатам одних работ (Dåderman & Ragnestål-Impola, 2016) высокий уровень нейротизма способствует виктимизации на рабочем месте, по результатам других (Amrongsah-Tawiah & Annor, 2017) нейротизм слабо связан с виктимизацией.

Исследования возможных связей виктимизации с психологическим полом касались преимущественно тех, кто терроризировал окружающих – «хулиганов». Установлено, что стереотипно отрицательные маскулинные (инструментальные, служащие средством достижения цели) характеристики для «хулиганов» обоих полов были лучшими предикторами агрессивных действий. Напротив, традиционные феминные черты отрицательно коррелируют с издевательствами и склонностью к агрессии (Navarro, Larrañaga, & Yubero, 2011, 2016; Gini & Pozzoli, 2006; Jenkins & Aubé, 2002).

Обнаружены лишь две работы о связи психологического пола с виктимизацией жертв издевательств. В одной из них утверждается, что «феминные черты связаны с виктимизацией студентов мужского пола» (Navarro et al., 2011, с. 459). Результаты другого исследования показывают, что «маскулинность увеличивает риск насильственной виктимизации для мужчин, но не для женщин» (Daigle & Mummert, 2014, с. 256).

Ввиду разноречивости перечисленных выше результатов цель данного исследования – определить характер взаимосвязей виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом.

Обнаруженные в зарубежных исследованиях (Janošová et al., 2018; Navarro et al., 2011; Daigle & Mummert, 2014) половые различия виктимизации подтверждаются в русскоязычном социуме. Например, для такой компоненты виктимизации, как незащищенность от манипуляций, было установлено, что «женщины в целом лучше мужчин защищены от манипуляций» (Шейнов,



2012, с. 153). Показано (Sheinov, 2018), что более половины маркеров виктимизации юношей и девушек не являются маркерами виктимизации мужчин и женщин. Поэтому необходимо изучать виктимизацию независимо – для мужчин и женщин, юношей и девушек.

Указанные факторы оказали влияние на формулирование задач исследования: 1) определить характер взаимосвязей компонентов виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом для мужчин, женщин, юношей и девушек; 2) обнаружить общее и различия для указанных групп; 3) сопоставить полученные результаты с соответствующими зарубежными исследованиями.

Методы

Методики исследования

Степень виктимизации испытуемых оценивалась с помощью тестовой «Методики оценки степени виктимизации взрослого индивида» (Sheinov, 2018). В ней показано, что:

1. Тест оценки степени виктимизации для взрослых удовлетворяет стандартным критериям надежности: внутренней согласованности, надежности частей теста, ретестовой надежности.

2. Тест валиден, удовлетворяя всем критериям валидности: 1) валидации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной; 3) «очевидной»; 4) текущей (диагностической); 5) консенсусной; 6) конструктивной; 7) конвергентной; 8) контрастной; 9) гендерной.

3. Семь шкал (субтестов) теста диагностируют семь типов виктимизации: незащищенность от манипуляций, общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типам виктимизирующего поведения.

4. Тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения.

5. Виктимизация взрослых, диагностированная этим тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, с тревожностью, депрессией, с низким самоуважением, и отрицательно – с асертивностью.

Психологический пол определялся с помощью «Полоролевого опросника Сандры Бэм» («Вопросник Сандры Бэм...», 2003). Показатели маскулинности (М) и феминности (F) вычисляются следующим образом: сумма баллов по маскулинности делится на 20 – это М; сумма баллов по феминности делится на 20 – это F. Вычисляется IS (основной индекс) по формуле: $IS = (F - M) * 2,322$. Испытуемого относят к одной из 5-ти категорий: 1) IS меньше $-2,025$: ярко выраженная маскулинность; 2) IS меньше -1 : маскулинность; 3) IS от -1 до $+1$: андрогинность; 4) IS больше $+1$: феминность; 5) IS больше $+2,025$: ярко выраженная феминность.



Экстраверсия, нейротизм и социальная желательность диагностировались широко известным личностным опросником Г. Айзенка EPI (Энциклопедия психодиагностики, 2009, с. 195–200).

Участники исследования

Всего в исследовании приняли участие 766 испытуемых, в том числе 394 женщины и 372 мужчины, в возрасте от 17 до 74 лет: 1) слушатели Академии последипломного образования (г. Минск) – заместители директоров школ (N = 26), заведующие детских садов и их заместители (N = 61), психологи (N = 26); 2) слушатели повышения квалификации (N = 76) и переподготовки (N = 46) в Республиканском институте высшей школы (г. Минск); 3) преподаватели (N = 50) и студенты 1 и 3 курсов (N = 109) Гродненского государственного университета; 4) курсанты 2 и 4 курсов военно-медицинского факультета Белорусского государственного медицинского университета (N = 56); 5) преподаватели Белорусского государственного экономического университета (N = 25); 6) курсанты 4 курса Белорусской государственной академии авиации (N = 64); 7) студенты Полесского государственного университета (N = 102); 8) учителя средней школы № 81 г. Минска (N = 25); 9) специалисты МЧС (N = 100).

Процедура исследования

Тестирование взрослых испытуемых проводилось на занятиях по повышению квалификации и переподготовке (психодиагностика включалась в их программу), студентов – при коллективном тестировании учебных групп. Испытуемые получали набор тестов, а также индивидуальный «шифр» для последующей обратной связи.

Перед началом тестирования зачитывалась инструкция, мотивирующая участников на серьезное отношение к обследованию. Предлагалось анонимно ответить на вопросы тестов с целью «узнать о некоторых своих качествах, которые важны для достижения успеха в профессиональной деятельности, в семье и в отношениях с окружающими». Подобная мотивация сыграла положительную роль: это проявилось в задаваемых вопросах, попытках узнать свой результат тестирования пораньше, а в тех случаях, когда, например, кому-то из участников не хватало раздаточного материала, они спрашивали разрешение снять задания тестов на свой телефон и выполняли задания.

Статистический анализ результатов тестирования осуществлялся с помощью пакета SPSS, версия 20.00 (Наследов, 2005). Принят уровень двусторонней значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты представлены в нижеследующих таблицах 1–6.



Таблица 1

Корреляции компонентов виктимизации с маскулинностью

Table 1

Correlations between victimization components and masculinity

	<u>Агрес-</u> <u>сивное</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Aggres-</u> <u>sive</u> <u>beha-</u> <u>vi</u> <u>or</u>	<u>Само-</u> <u>разру-</u> <u>шаю-</u> <u>щее</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Self-dest-</u> <u>ructive</u> <u>behavior</u>	<u>Зави-</u> <u>симое</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Depen-</u> <u>dent</u> <u>beha-</u> <u>vi</u> <u>or</u>	<u>Некри-</u> <u>тичное</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Non-</u> <u>critical</u> <u>beha-</u> <u>vi</u> <u>or</u>	<u>Реа-</u> <u>лизован-</u> <u>ная</u> <u>викти-</u> <u>мизация</u> <u>Imple-</u> <u>mented</u> <u>victi-</u> <u>mization</u>	<u>Общая</u> <u>викти-</u> <u>мизация</u> <u>Overall</u> <u>victimiza-</u> <u>tion</u>
Юноши Boys	0,339**	0,309**	-0,239*	0,301**	0,009	0,264*
Мужчины Men	0,404**	0,386**	-0,234*	0,247*	0,199	0,337**
Женщины Women	0,070	0,247**	-0,178*	0,017	0,091	0,059
Девушки Girls	-0,085	0,352**	-0,295**	0,035	-0,116	-0,068

Примечание (здесь и в последующих таблицах): полужирным шрифтом выделены корреляции Пирсона, статистически значимые: * – при $p = 0,05$; ** – при $p = 0,01$. Остальные корреляции статистически не значимы при заданном уровне значимости $p = 0,05$.

Note (here and in following tables): boldface font indicates Pearson correlation coefficients; * a significance level of $p = 0.05$; ** a significance level of $p = 0.01$. Other correlations are not statistically significant at a significance level of $p = 0.05$.

Из таблицы 1 следует, что у мужчин и юношей показатели общей виктимизации, агрессивного, саморазрушающего и некритичного поведения положительно связаны с маскулинностью, а показатель зависимого поведения – отрицательно. У женщин и девушек маскулинность положительно



коррелирована с виктимизацией в результате саморазрушающего поведения и отрицательно – зависимого поведения.

Общими для всех рассматриваемых групп испытуемых являются: положительная связь с маскулинностью саморазрушающего поведения и отрицательная – зависимого поведения. Первую можно объяснить тем, что именно маскулинные личности (в большинстве случаев это мужчины) обладают большим числом вредных, опасных привычек, по сравнению с феминными личностями (чаще всего женщинами). Зависимое поведение, в частности, включает соблюдение правил, главное предназначение которых как раз и состоит в том, чтобы уберечь человека от нарушений, чреватых неприятностями. Это объясняет отрицательную связь виктимизации с зависимым поведением.

Компонента виктимизации «незащищенность индивида от манипуляций» оказалась не связанной с маскулинностью (для расчетов использован тест «Степень незащищенности индивида от манипуляций», надежность и валидность которого доказана (Шейнов, 2012)).

Таблица 2

Корреляции компонентов виктимизации с феминностью

Table 2

Correlations between victimization components and femininity

	<u>Агрес- сивное пове- дение</u>	<u>Само- разру- шающее пове- дение</u>	<u>Зави- симое пове- дение</u>	<u>Некри- тичное пове- дение</u>	<u>Реа- лизован- ная викти- мизация</u>	<u>Общая викти- миза- ция</u>
	<u>Aggres- sive beha- vior</u>	<u>Self-dest- ructive behavior</u>	<u>Depen- dent beha- vior</u>	<u>Non- critical beha- vior</u>	<u>Imple- mented victimiza- tion</u>	<u>Overall victi- miza- tion</u>
Юноши Boys	-0,417**	-0,324**	0,053	-0,254*	-0,194	-0,401**
Мужчины Men	-0,219*	-0,057	-0,083	0,017	0,113	-0,120
Женщины Women	-0,224**	-0,009	-0,037	-0,083	-0,089	-0,168*
Девушки Girls	-0,139	-0,136	0,138	-0,093	-0,031	-0,079



Данные таблицы 2 свидетельствует о том, что для женщин, мужчин и юношей виктимизация в результате агрессивного поведения отрицательно связана с феминностью, а у юношей еще и вследствие саморазрушающего и некритичного поведения и общей виктимизации; у женщин – в результате общей виктимизации.

Показатели феминности девушек никак не связаны с виктимизацией.

Корреляции показателя феминности с компонентами виктимизации оказались противоположными соответствующим связям маскулинности. Это неудивительно, поскольку маскулинность и феминность являются в известном смысле антагонистами.

Незащищенность женщин от манипуляций, как компонента виктимизации, положительно связана с феминностью ($r = 0,321$, $p = 0,043$); незащищенность мужчин от манипуляций не связана с феминностью.

Таблица 3

Корреляции компонентов виктимизации с нейротизмом

Table 3

Correlations between victimization components and neuroticism

	<u>Агрес- сивное пове- дение</u>	<u>Само- разру- шающее пове- дение</u>	<u>Зави- симое пове- дение</u>	<u>Некри- тичное пове- дение</u>	<u>Реа- лизован- ная викти- мизация</u>	<u>Общая викти- миза- ция</u>
	<u>Aggres- sive beha- vior</u>	<u>Self-dest- ructive behavior</u>	<u>Depen- dent beha- vior</u>	<u>Non- critical beha- vior</u>	<u>Imple- mented victimiza- tion</u>	<u>Overall victi- miza- tion</u>
Мужчины Men	0,490**	-0,027	0,353**	0,338**	0,429**	0,615**
Женщины Women	0,328**	-0,076	0,586**	0,092	0,193	0,373**

В результатах, которым посвящены таблица 3 и последующие таблицы, не обнаружено различий между юношами и мужчинами, между девушками и женщинами, поэтому они объединены в группы по признаку пола – «мужчины» и «женщины».



Из таблицы 3 следует, что у женщин и мужчин показатели общей виктимизации, агрессивного и зависимого поведения положительно связаны с показателем нейротизма, а у мужчин – еще и показатель реализованной виктимизации.

Данный результат согласуется с выводом работы (Dåderman & Ragnestål-Impola, 2016) о том, что высокий уровень нейротизма способствует виктимизации на рабочем месте, одновременно уточняя его, показывая, за счет каких компонентов виктимизации получается указанная связь.

Компонента виктимизации «незащищенность индивида от манипуляций» положительно связана с нейротизмом у женщин ($r = 0,346$, $p = 0,003$) и отрицательно – у мужчин ($r = -0,519$, $p \leq 0,001$).

Таблица 4

Корреляции компонентов виктимизации с экстраверсией

Table 4

Correlations between victimization components and extraversion

	<u>Агрес- сивное пове- дение</u>	<u>Само- разру- шающее пове- дение</u>	<u>Зави- симое пове- дение</u>	<u>Некри- тичное пове- дение</u>	<u>Реа- лизован- ная викти- мизация</u>	<u>Общая викти- миза- ция</u>
	<u>Aggres- sive beha- vior</u>	<u>Self-dest- ructive behavior</u>	<u>Depen- dent beha- vior</u>	<u>Non- critical beha- vior</u>	<u>Implemen- ted victi- mization</u>	<u>Overall victi- mization</u>
Мужчины Men	-0,297**	0,128	-0,238*	0,048	-0,147	-0,260**
Женщины Women	0,230*	0,173	-0,111	0,316**	-0,142	0,150

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что экстраверсия отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и с агрессивным и зависимым поведением у мужчин, и положительно – с агрессивным и некритичным поведением у женщин.

Альтернативой виктимизации является ассертивность. «Ассертивность – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои интересы и права, не попирая при этом прав других людей» (Большой психологический словарь, 2004, с. 40). Приведенное определение объединяет взгляды авторов,



внесших значительный вклад в изучение ассертивности (Шейнов, 2015). Естественно сопоставить полученные результаты о виктимизации с соответствующими фактами о связях ассертивности с экстраверсией и нейротизмом.

Положительная связь виктимизации с нейротизмом и отрицательная – с экстраверсией согласуются с ранее установленными отрицательной связью виктимизации с ассертивностью (Sheinov, 2018), а ассертивности – положительной связью с экстраверсией и отрицательной – с нейротизмом (Шейнов, 2018). Ассертивность измерялась тестом, надежность и валидность которого доказана (Шейнов, 2014).

Полученные здесь результаты наводят на предположение, что противоречивость приведенных во введении результатов зарубежных исследований о связях виктимизации с экстраверсией, по-видимому, объясняется большим, чем предполагалось исследователями, влиянием половых различий респондентов. Во всяком случае, таблица 4 показывает, что объединять мужчин и женщин в одну выборку неправомерно, поскольку связи виктимизации с экстраверсией у мужчин и женщин противоположно направлены.

Незащищенность мужчин и женщин от манипуляций отрицательно связана с экстраверсией: соответственно, $r = -0,373$, $p = 0,039$ и $r = -0,481$, $p \leq 0,001$.

Таблица 5

Корреляции компонентов виктимизации с социальной желательностью

Table 5

Correlations between victimization components and social desirability

	<u>Агрес-</u> <u>сивное</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Aggres-</u> <u>sive</u> <u>beha-</u> <u>vi- or</u>	<u>Само-</u> <u>разру-</u> <u>шаю-</u> <u>щее</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Self-dest-</u> <u>ructive</u> <u>behavior</u>	<u>Зави-</u> <u>симое</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Depen-</u> <u>dent</u> <u>beha-</u> <u>vi- or</u>	<u>Некри-</u> <u>тичное</u> <u>пове-</u> <u>дение</u> <u>Non-</u> <u>critical</u> <u>beha-</u> <u>vi- or</u>	<u>Реа-</u> <u>лизован-</u> <u>ная</u> <u>викти-</u> <u>мизация</u> <u>Imple-</u> <u>mented</u> <u>victimiza-</u> <u>tion</u>	<u>Общая</u> <u>викти-</u> <u>мизация</u> <u>Overall</u> <u>victimita-</u> <u>tion</u>
Мужчины Men	-0,246*	0,067	0,105	-0,267**	-0,006	-0,177
Женщины Women	-0,278**	-0,241*	0,034	-0,137	0,173	-0,160



Таблица 5 показывает, что социальная желательность (желание одобрения) отрицательно связана с агрессивным поведением у мужчин и женщин и с саморазрушающим поведением женщин и некритичным поведением мужчин. Эти корреляции вполне ожидаемы, поскольку желание одобрения со стороны окружающих является альтернативой агрессивному, некритичному и саморазрушающему поведению.

Незащищенность индивида от манипуляций положительно коррелирует с социальной желательностью у женщин ($r = 0,329, p \leq 0,001$) и отрицательно – у мужчин ($r = -0,281, p = 0,011$).

Таблица 6 Корреляции компонентов виктимизации с возрастом						
Table 6 Correlations between victimization components and age						
	<u>Агрес- сивное пове- дение</u>	<u>Само- разру- шающее пове- дение</u>	<u>Зави- симое пове- дение</u>	<u>Некри- тичное пове- дение</u>	<u>Реа- лизован- ная викти- мизация</u>	<u>Общая викти- миза- ция</u>
	<u>Aggres- sive beha- vior</u>	<u>Self-dest- ructive behavior</u>	<u>Depen- dent beha- vior</u>	<u>Non- critical beha- vior</u>	<u>Imple- mented victimiza- tion</u>	<u>Overall victi- mization</u>
Женщины Women	-0,397**	-0,163	-0,133	-0,157	0,057	-0,280**

Из таблицы 6 следует, что с возрастом у женщин снижается общая виктимизация за счет уменьшения компоненты агрессивного поведения. У других рассмотренных в исследовании групп испытуемых связи виктимизации с возрастом не обнаружены. Незащищенность индивида от манипуляций не зависит от возраста индивида (Шейнов, 2012).

Репрезентативность выборок в проведенном исследовании обеспечена включением в него большого количества испытуемых ($N = 766$), в том числе 394 – женского пола и 372 – мужского, в возрасте от 17 до 74 лет, представляющих разные сферы жизнедеятельности и регионы проживания.

Выводы:

1. Показатели общей виктимизации, агрессивного, саморазрушающего и некритичного поведения мужчин и юношей положительно связаны



с маскулинностью; их показатель зависимого поведения отрицательно связан с маскулинностью. Маскулинность женщин и девушек положительно коррелирует с виктимизацией в результате саморазрушающего поведения, и отрицательно – с виктимизацией вследствие зависимого поведения. Компонента виктимизации «незащищенность индивида от манипуляций» не связана с маскулинностью.

2. Виктимизация женщин, мужчин и юношей в результате агрессивного поведения отрицательно связана с феминностью и, кроме того, у юношей подобная связь имеет место еще и вследствие саморазрушающего и некритичного поведения и общей виктимизации, а у женщин – в результате общей виктимизации. Показатели феминности девушек никак не связаны с виктимизацией. Незащищенность женщин от манипуляций, как компонента виктимизации, положительно связана с феминностью; незащищенность мужчин от манипуляций не связана с феминностью.

3. Общая виктимизация, агрессивное и зависимое поведение женщин и мужчин положительно связаны с нейротизмом, а у мужчин подобная связь существует еще и для реализованной виктимизации. Данный результат уточняет соответствующие зарубежные выводы, показывая, за счет каких компонентов виктимизации реализуется выявленная связь. Незащищенность женщин (мужчин) от манипуляций положительно (отрицательно) связана с нейротизмом.

4. Экстраверсия отрицательно коррелирует с незащищенностью мужчин и женщин от манипуляций, с общей виктимизацией, с агрессивным и зависимым поведением у мужчин, и положительно – с агрессивным и некритичным поведением у женщин. Противоречивость результатов зарубежных исследований о связях виктимизации с экстраверсией, по-видимому, объясняется установленным в данном исследовании значительным влиянием пола.

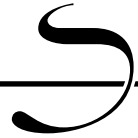
5. Социальная желательность отрицательно связана с агрессивным поведением мужчин и женщин и с саморазрушающим поведением женщин и некритичным поведением мужчин. Незащищенность женщин (мужчин) от манипуляций положительно (отрицательно) коррелирует с социальной желательностью.

6. С возрастом у женщин снижается общая виктимизация за счет уменьшения компоненты «агрессивное поведение». У мужчин, юношей и девушек связей виктимизации с возрастом не обнаружено.

Литература

Андронникова О. О. Тест склонности к виктимному поведению // Развитие гуманитарного образования в Сибири: Сб. науч. тр.: В 2 ч. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2004. Вып. 9, Ч. 1. С. 11–25.

Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.



- Вишневецкий К. В.* Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226–227.
- Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности // Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003. С. 277–280.
- Наследов А. Д.* SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. 416 с.
- Шейнов В. П.* Взаимосвязи ассертивности с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 2. С. 147–161. DOI: [10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161)
- Шейнов В. П.* Детерминанты ассертивного поведения // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 3. С. 28–37.
- Шейнов В. П.* Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 1 (13). С. 94–123.
- Шейнов В. П.* Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 147–154.
- Шейнов В. П.* Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 107–116.
- Энциклопедия психодиагностики / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Т. 2. Психодиагностика взрослых. Самара: Бахрах-М, 2009. 704 с.
- Amponsah-Tawiah K., Annor F.* Do personality and organizational politics predict workplace victimization? A study among Ghanaian employees // Safety and Health at Work. 2017. Vol. 8, Issue 1. P. 72–76. DOI: [10.1016/j.shaw.2016.08.003](https://doi.org/10.1016/j.shaw.2016.08.003)
- Beck V.* An exploratory look at locus of control, bullying, and self-efficacy. Honors Theses. University of North Georgia, 2017. Available at: https://digitalcommons.northgeorgia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=honors_theses (Accessed 14.05.2019).
- Bejerot S., Plenty S., Humble A., Humble M. B.* Poor motor skills: A risk marker for bully victimization // Aggressive Behavior. 2013. Vol. 39, Issue 6. P. 453–461. DOI: [10.1002/ab.21489](https://doi.org/10.1002/ab.21489)
- Boele S., Sijtsema J. J., Klimstra T. A., Denissen J. J. A., Meeus W. H. J.* Person–group dissimilarity in personality and peer victimization // European Journal of Personality. 2017. Vol. 31, Issue 3. P. 220–233. DOI: [10.1002/per.2105](https://doi.org/10.1002/per.2105)
- Bollmer J. M., Harris M. J., Milich R.* Reactions to bullying and peer victimization: Narratives, physiological arousal, and personality // Journal of Research in Personality. 2006. Vol. 40, Issue 5. P. 803–828. DOI: [10.1016/j.jrp.2005.09.003](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2005.09.003)



- Calvete E., Orue I., Gamez-Guadix M.* Do extraversion and neuroticism moderate the association between bullying victimization and internalizing symptoms? A three-wave longitudinal study // *Journal of School Psychology*. 2016. Vol. 56. P. 1–11. DOI: [10.1016/j.jsp.2016.02.003](https://doi.org/10.1016/j.jsp.2016.02.003)
- Čolović P., Kodžopeljić J., Mitrović D., Dinić B., Smederevac S.* Roles in violent interactions in early adolescence: Relations with personality traits, friendship and gender // *Psihologija*. 2015. Vol. 48, Issue 2. P. 119–133. DOI: [10.2298/PSI1502119C](https://doi.org/10.2298/PSI1502119C)
- Dåderman A. M., Ragnestål-Impola C.* Workplace bullies, not their victims, score high in dark triad, but both tend toward introvert neuroticism // *2nd World Conference on Personality Psychology*. Búzios, Brazil, 2016.
- Daigle L. E., Mummert S. J.* Sex-role identification and violent victimization: Gender differences in the role of masculinity // *Journal of Interpersonal Violence*. 2014. Vol. 29, Issue 2. P. 255–278. DOI: [10.1177/0886260513505148](https://doi.org/10.1177/0886260513505148)
- Gini G., Pozzoli T.* The role of masculinity in children's bullying // *Sex Roles*. 2006. Vol. 54, Issue 7–8. P. 585–588. DOI: [10.1007/s11199-006-9015-1](https://doi.org/10.1007/s11199-006-9015-1)
- Hansen T. B., Steenberg L. M., Palic S., Elklit A.* A review of psychological factors related to bullying victimization in schools // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. Vol. 17, Issue 4. P. 383–387. DOI: [10.1016/j.avb.2012.03.008](https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.03.008)
- Janošová P., Kollerová L., Soukup P.* Personality traits and defending victims of bullying: agreeableness, neuroticism and extraversion matter // *Československá Psychologie*. 2018. Vol. 62, Issue 5. P. 432–446.
- Jenkins S. S., Aubé J.* Gender differences and gender-related constructs in dating aggression // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28, Issue 8. P. 1106–1118. DOI: [10.1177/01461672022811009](https://doi.org/10.1177/01461672022811009)
- Kodellas S., Fisher B. S., Wilcox P.* Situational and dispositional determinants of workplace victimization: The effects of routine activities, negative affectivity, and low self-control // *International Review of Victimology*. 2015. Vol. 21, Issue 3. P. 321–342. DOI: [10.1177/0269758015591930](https://doi.org/10.1177/0269758015591930)
- Kulig T. C., Cullen F. T., Wilcox P., Chouhy C.* Personality and adolescent school-based victimization: Do the big five matter? // *Journal of School Violence*. 2019. Vol. 18, Issue 2. P. 176–199. DOI: [10.1080/15388220.2018.1444495](https://doi.org/10.1080/15388220.2018.1444495)
- Lanctôt N., Guay S.* The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences // *Aggression and Violent Behavior*. 2014. Vol. 19, Issue 5. P. 492–501. DOI: [10.1016/j.avb.2014.07.010](https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.010)
- Lodewyk K. R.* Associations between university students' personality traits and victimization and its negative affect in school physical education // *Journal of Physical Education and Sport*. 2018. 18 (2), Art 139. P. 937–943. DOI: [10.7752/jpes.2018.02139](https://doi.org/10.7752/jpes.2018.02139)
- Loerbroks A., Weigl M., Li J., Glaser J., Degen C., Angerer P.* Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians



- in Germany // *Journal of Psychosomatic Research*. 2015. Vol. 78, Issue 2. P. 168–172. DOI: [10.1016/j.jpsychores.2014.10.008](https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2014.10.008)
- Menrath I., Prüssmann M., Müller-Godeffroy E., Prüssmann C., Ravens-Sieberer U., Ottova-Jordan V., Thyen U.* Subjective health, school victimization, and protective factors in a high-risk school sample // *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*. 2015. Vol. 36, Issue 5. P. 305–312. DOI: [10.1097/DBP.000000000000168](https://doi.org/10.1097/DBP.000000000000168)
- Mitsopoulou E., Giovazolias T.* Personality traits, empathy and bullying behavior: A meta-analytic approach // *Aggression and Violent Behavior*. 2015. Vol. 21. P. 61–72. DOI: [10.1016/j.avb.2015.01.007](https://doi.org/10.1016/j.avb.2015.01.007)
- Mynard H., Joseph S.* Bully/victim problems and their association with Eysenck's personality dimensions in 8 to 13 year-olds // *British Journal of Educational Psychology*. 1997. Vol. 67, Issue 1. P. 51–54. DOI: [10.1111/j.2044-8279.1997.tb01226.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.1997.tb01226.x)
- Navarro R., Larrañaga E., Yubero S.* Bullying-victimization problems and aggressive tendencies in Spanish secondary schools students: the role of gender stereotypical traits // *Social Psychology of Education*. 2011. Vol. 14, Issue 4. P. 457–473. DOI: [10.1007/s11218-011-9163-1](https://doi.org/10.1007/s11218-011-9163-1)
- Navarro R., Larrañaga E., Yubero S.* Gender identity, gender-typed personality traits and school bullying: Victims, bullies and bully-victims // *Child Indicators Research*. 2016. Vol. 9, Issue 1. P. 1–20. DOI: [10.1007/s12187-015-9300-z](https://doi.org/10.1007/s12187-015-9300-z)
- Schacter H. L., Juvonen J.* Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2017. Vol. 51. P. 35–43. DOI: [10.1016/j.appdev.2017.02.005](https://doi.org/10.1016/j.appdev.2017.02.005)
- Sheinov V. P.* Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15, № 2/1. С. 69–85. DOI: [10.21702/rpj.2018.2.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5)
- Slee P. T., Rigby K.* The relationship of Eysenck's personality factors and self-esteem to bully-victim behaviour in Australian schoolboys // *Personality and Individual Differences*. 1993. Vol. 14, Issue 2. P. 371–373. DOI: [10.1016/0191-8869\(93\)90136-Q](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90136-Q)
- Suprina J. S., Chang C. Y.* Child abuse, society, and individual psychology: What's power got to do with it? // *Journal of Individual Psychology*. 2005. Vol. 61, Issue 3. P. 250–268.
- Turner H. A., Shattuck A., Finkelhor D., Hamby S.* Effects of poly-victimization on adolescent social support, self-concept, and psychological distress // *Journal of Interpersonal Violence*. 2015. Vol. 32, Issue 5. P. 755–780. DOI: [10.1177/0886260515586376](https://doi.org/10.1177/0886260515586376)
- Ulloa E. C., Hammett J. F., O'Neal D. N., Lydston E. E., Leon Aramburo L. F.* The big five personality traits and intimate partner violence: Findings from a large,



- nationally representative sample // *Violence and Victims*. 2016. Vol. 31, Issue 6. P. 1100–1115. DOI: [10.1891/0886-6708.VV-D-15-00055](https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00055)
- Uludag S., Colvin M., Hussey D., Eng A. L. Democracy, inequality, modernization, routine activities, and international variations in personal crime victimization // *International Criminal Justice Review*. 2009. Vol. 19, Issue 3. P. 265–286. DOI: [10.1177/1057567709334955](https://doi.org/10.1177/1057567709334955)
- Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. The biological underpinnings of peer victimization: Understanding why and how the effects of bullying can last a lifetime // *Theory Into Practice*. 2013. Vol. 52, Issue 4. P. 241–248. DOI: [10.1080/00405841.2013.829726](https://doi.org/10.1080/00405841.2013.829726)

References

- Amponsah-Tawiah, K., & Annor, F. (2017). Do personality and organizational politics predict workplace victimization? A study among Ghanaian employees. *Safety and Health at Work*, 8(1), 72–76. doi: [10.1016/j.shaw.2016.08.003](https://doi.org/10.1016/j.shaw.2016.08.003)
- Andronnikova, O. O. (2004). Predisposition Towards Victim Behavior test. In *Development of humanitarian education in Siberia* (Vol. 1, Issue 9, pp. 11–25). Novosibirsk: NGPI. (in Russ.).
- Beck, V. (2017). An exploratory look at locus of control, bullying, and self-efficacy. *Honors Theses*. University of North Georgia. Retrieved from https://digitalcommons.northgeorgia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=honors_theses
- Bejerot, S., Plenty, S., Humble, A., & Humble, M. B. (2013). Poor motor skills: A risk marker for bully victimization. *Aggressive Behavior*, 39(6), 453–461. doi: [10.1002/ab.21489](https://doi.org/10.1002/ab.21489)
- Boele, S., Sijtsema, J. J., Klimstra, T. A., Denissen, J. J. A., & Meeus, W. H. J. (2017). Person–group dissimilarity in personality and peer victimization. *European Journal of Personality*, 31(3), 220–233. doi: [10.1002/per.2105](https://doi.org/10.1002/per.2105)
- Bollmer, J. M., Harris, M. J., & Milich, R. (2006). Reactions to bullying and peer victimization: Narratives, physiological arousal, and personality. *Journal of Research in Personality*, 40(5), 803–828. doi: [10.1016/j.jrp.2005.09.003](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2005.09.003)
- Calvete, E., Orue, I., & Gamez-Guadix, M. (2016). Do extraversion and neuroticism moderate the association between bullying victimization and internalizing symptoms? A three-wave longitudinal study. *Journal of School Psychology*, 56(1–11). doi: [10.1016/j.jsp.2016.02.003](https://doi.org/10.1016/j.jsp.2016.02.003)
- Čolović, P., Kodžopeljić, J., Mitrović, D., Dinić, B., & Smederevac, S. (2015). Roles in violent interactions in early adolescence: Relations with personality traits, friendship and gender. *Psihologija*, 48(2), 119–133. doi: [10.2298/PSI1502119C](https://doi.org/10.2298/PSI1502119C)
- Dåderman, A. M., & Ragnestål-Impola, C. (2016). Workplace bullies, not their victims, score high in dark triad, but both tend toward introvert neuroticism. *The 2nd world conference on personality psychology*, Búzios, Brazil.



- Daigle, L. E., & Mummert, S. J. (2014). Sex-role identification and violent victimization: Gender differences in the role of masculinity. *Journal of Interpersonal Violence, 29*(2), 255–278. doi: [10.1177/0886260513505148](https://doi.org/10.1177/0886260513505148)
- Gini, G., & Pozzoli, T. (2006). The role of masculinity in children's bullying. *Sex Roles, 54*(7–8), 585–588. doi: [10.1007/s11199-006-9015-1](https://doi.org/10.1007/s11199-006-9015-1)
- Hansen, T. B., Steenberg, L. M., Palic, S., & Elklit, A. (2012). A review of psychological factors related to bullying victimization in schools. *Aggression and Violent Behavior, 17*(4), 383–387. doi: [10.1016/j.avb.2012.03.008](https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.03.008)
- Janošová, P., Kollerová, L., & Soukup, P. (2018). Personality traits and defending victims of bullying: Agreeableness, neuroticism, and extraversion matter. *Ceskoslovenská Psychologie, 62*(5), 432–446.
- Jenkins, S. S., & Aubé, J. (2002). Gender differences and gender-related constructs in dating aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 28*(8), 1106–1118. doi: [10.1177/01461672022811009](https://doi.org/10.1177/01461672022811009)
- Kodellas, S., Fisher, B. S., & Wilcox, P. (2015). Situational and dispositional determinants of workplace victimization: The effects of routine activities, negative affectivity, and low self-control. *International Review of Victimology, 21*(3), 321–342. doi: [10.1177/0269758015591930](https://doi.org/10.1177/0269758015591930)
- Kulig, T. C., Cullen, F. T., Wilcox, P., & Chouhy, C. (2019). Personality and adolescent school-based victimization: Do the big five matter? *Journal of School Violence, 18*(2), 176–199. doi: [10.1080/15388220.2018.1444495](https://doi.org/10.1080/15388220.2018.1444495)
- Lancôt, N., & Guay, S. (2014). The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences. *Aggression and Violent Behavior, 19*(5), 492–501. doi: [10.1016/j.avb.2014.07.010](https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.010)
- Lodewyk, K. R. (2018). Associations between university students' personality traits and victimization and its negative affect in school physical education. *Journal of Physical Education and Sport, 18*(2), Art 139, 937–943. doi: [10.7752/jpes.2018.02139](https://doi.org/10.7752/jpes.2018.02139)
- Loerbroks, A., Weigl, M., Li, J., Glaser, J., Degen, C., & Angerer, P. (2015). Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians in Germany. *Journal of Psychosomatic Research, 78*(2), 168–172. doi: [10.1016/j.jpsychores.2014.10.008](https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2014.10.008)
- Menrath, I., Prüssmann, M., Müller-Godeffroy, E., Prüssmann, C., Ravens-Sieberer, U., Ottova-Jordan, V., & Thyen, U. (2015). Subjective health, school victimization, and protective factors in a high-risk school sample. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics, 36*(5), 305–312. doi: [10.1097/DBP.0000000000000168](https://doi.org/10.1097/DBP.0000000000000168)
- Meshcheryakov, B., & Zinchenko, V. (2004). *Great psychological dictionary*. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK. (in Russ.).
- Mitsopoulou, E., & Giovazolias, T. (2015). Personality traits, empathy and bullying behavior: A meta-analytic approach. *Aggression and Violent Behavior, 21*, 61–72. doi: [10.1016/j.avb.2015.01.007](https://doi.org/10.1016/j.avb.2015.01.007)



- Mynard, H., & Joseph, S. (1997). Bully/victim problems and their association with Eysenck's personality dimensions in 8 to 13 year-olds. *British Journal of Educational Psychology*, 67(1), 51–54. doi: [10.1111/j.2044-8279.1997.tb01226.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.1997.tb01226.x)
- Nasledov, A. D. (2005). *SPSS: Computer data analysis in psychology and social sciences*. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Navarro, R., Larrañaga, E., & Yubero, S. (2011). Bullying-victimization problems and aggressive tendencies in Spanish secondary schools students: The role of gender stereotypical traits. *Social Psychology of Education*, 14(4), 457–473. doi: [10.1007/s11218-011-9163-1](https://doi.org/10.1007/s11218-011-9163-1)
- Navarro, R., Larrañaga, E., & Yubero, S. (2016). Gender identity, gender-typed personality traits and school bullying: Victims, bullies and bully-victims. *Child Indicators Research*, 9(1), 1–20. doi: [10.1007/s12187-015-9300-z](https://doi.org/10.1007/s12187-015-9300-z)
- Raigorodskii, D. Ya. (Ed.). (2009). Psychodiagnostics of adults. In *Encyclopedia of Psychodiagnostics: Vol. 5*. Samara: Bakhrakh-M. (in Russ.).
- Schacter, H. L., & Juvonen, J. (2017). Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 51, 35–43. doi: [10.1016/j.appdev.2017.02.005](https://doi.org/10.1016/j.appdev.2017.02.005)
- Sheinov, V. P. (2012). Developing an inventory for assessing the degree of a subject's vulnerability to manipulation. *Voprosy psikhologii*, 4, 147–154. (in Russ.).
- Sheinov, V. P. (2014). Development of the assertiveness test meeting the requirements of reliability and validity. *Voprosy psikhologii*, 2, 107–116. (in Russ.).
- Sheinov, V. P. (2015). Determinants of assertive behavior. *Psikhologicheskii zhurnal*, 36(3), 28–37. (in Russ.).
- Sheinov, V. P. (2018a). Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 15(2/1), 69–85. doi: [10.21702/rpj.2018.2.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5)
- Sheinov, V. P. (2018b). Interrelations between personal assertiveness and psychological and socio-psychological characteristics. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika (RUDN Journal of Psychology and Pedagogics)*, 15(2), 147–161. doi: [10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161) (in Russ.).
- Sheinov, V. P. (2019). Psychological victimization of bullying victims as a source of their negative emotional states. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences: Social and Economic Psychology)*, 4(1), 94–123. (in Russ.).
- Slee, P. T., & Rigby, K. (1993). The relationship of Eysenck's personality factors and self-esteem to bully-victim behaviour in Australian schoolboys. *Personality and Individual Differences*, 14(2), 371–373. doi: [10.1016/0191-8869\(93\)90136-Q](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90136-Q)
- Suprina, J. S., & Chang, C. Y. (2005). Child abuse, society, and individual psychology: What's power got to do with it? *Journal of Individual Psychology*, 61(3), 250–268.



- The Bem Sex-Role Inventory. (2003). In I. S. Kletsina (Ed.), *A tutorial on gender psychology*. St. Petersburg. (in Russ.).
- Turner, H. A, Shattuck, A., Finkelhor, D., & Hamby, S. (2015). Effects of poly-victimization on adolescent social support, self-concept, and psychological distress. *Journal of Interpersonal Violence*, 32(5), 755–780. doi: [10.1177/0886260515586376](https://doi.org/10.1177/0886260515586376)
- Ulloa, E. C., Hammett, J. F., O’Neal, D. N., Lydston, E. E., & Leon Aramburo, L. F. (2016). The big five personality traits and intimate partner violence: Findings from a large, nationally representative sample. *Violence and Victims*, 31(6), 1100–1115. doi: [10.1891/0886-6708.VV-D-15-00055](https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00055)
- Uludag, S., Colvin, M., Hussey, D., & Eng, A. L. (2009). Democracy, inequality, modernization, routine activities, and international variations in personal crime victimization. *International Criminal Justice Review*, 19(3), 265–286. doi: [10.1177/1057567709334955](https://doi.org/10.1177/1057567709334955)
- Vaillancourt, T., Hymel, S., & McDougall, P. (2013). The biological underpinnings of peer victimization: Understanding why and how the effects of bullying can last a lifetime. *Theory Into Practice*, 52(4), 241–248. doi: [10.1080/00405841.2013.829726](https://doi.org/10.1080/00405841.2013.829726)
- Vishnevetskii, K. V. (2014). Victimization: Factors, conditions, and levels. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya (Theory and Practice of Social Development)*, 4, 226–227. (in Russ.).



УДК 159.9.072.432

doi: [10.21702/rpj.2019.2.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.6)

Представления о будущем родителстве в подростковом и юношеском возрасте

Елена И. Захарова*, Ольга А. Карабанова, Юлия А. Старостина,
Александра Г. Долгих

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация

* E-mail: e-i-z@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье обосновывается актуальность исследования представлений о будущем родителстве. Новизна исследования заключается в выявлении сенситивного периода спонтанного становления представлений о родителстве; показано, что при переходе от подросткового возраста к юношескому происходит существенный сдвиг в сторону их гармонизации.

Методы. Описываются методики исследования: 1) авторский опросник «Гармоничность представлений о родителстве», направленный на определение содержания и степени адекватности представлений о будущем родителстве; 2) методика «Неоконченные предложения», выявляющая представления респондентов о родителстве, отношении к родителству в целом и себе как к будущему родителю; 3) методика «Материнские роли», выявляющая наиболее предпочитаемые материнские роли.

Результаты. Раздел включает описание и сравнение содержания представлений о родителстве у подростков и юношей. В целом по выборке зафиксированы низкие значения гармоничности представлений. Также наблюдаются значимые различия по всем параметрам гармоничности между двумя сравниваемыми группами: представления школьников о родителской позиции, средствах воспитания менее адекватны и приближены к реальности, чем у молодых людей. Для подростков характерно амбивалентное отношение к родителству в целом, четверть всей выборки негативно относится к перспективе собственного родителства. Наиболее предпочитаемыми для подростков стратегиями реализации материнских ролей стали те, в которых принимается приоритет потребностей ребенка, гармоничное сочетание материнской роли и супружеской.

Обсуждение результатов. Авторы рассматривают полученные результаты с точки зрения эффективности использованных средств, сравнивают их с данными, полученными в других исследованиях. Делаются выводы: о низкой гармоничности представлений о родителстве у подростков и молодых людей; о наличии значимых различий в представлениях о родителстве при переходе от подросткового



к юношескому возрасту; о наличии гендерных различий в представлениях о родителстве; о наиболее привлекательном образе будущей матери и связи ценностных ориентаций с представлениями.

Ключевые слова

представления о родителстве, подростковый возраст, юношеский возраст, гармоничность представлений, адекватность представлений, полнота представлений, родительские функции, средства воспитания, отношение к родителству, материнские роли

Основные положения

- ▶ представления о будущем родителстве и у подростков, и у студенческой молодежи отличаются низкой гармоничностью;
- ▶ наблюдаются возрастные различия: представления о будущем родителстве в юношеском возрасте приобретают большую определенность и адекватность; зафиксирована гендерная специфика представлений;
- ▶ подростковый возраст может быть определен как сенситивный для гармонизирующего воздействия, проведения профилактической работы по усилению привлекательности будущего родителства;
- ▶ в качестве идеального образа женщины-матери для всей выборки выступает та, что в наибольшей степени реализует функцию заботы и поддержки ребенка.

Для цитирования

Захарова Е. И., Карбанова О. А., Старостина Ю. А., Долгих А. Г. Представления о будущем родителстве в подростковом и юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 103–122. doi: 10.21702/rpj.2019.2.6

Материалы статьи получены 01.09.2018

UDC 159.9.072.432

doi: [10.21702/rpj.2019.2.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.6)

Ideas on Future Parenthood in Adolescents and Young Adults

Elena I. Zakharova*, Olga A. Karabanova, Yuliya A. Starostina, Aleksandra G. Dolgikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: e-i-z@yandex.ru



Abstract

Introduction. Studying ideas about future parenthood has been gaining importance in recent years. This study focuses on the sensitive period of the spontaneous formation of ideas about parenthood and explains a fundamental shift towards their harmonization during the transition from adolescence to young adulthood.

Methods. The study used the following techniques: (a) the Consistency of Ideas About Parenthood questionnaire developed by the authors to reveal the content and the degree of adequacy of ideas about future parenthood; (b) the Unfinished Sentences technique to reveal respondents' ideas about parenthood, their attitudes towards parenthood, and self-attitudes as future parents; and (c) the Maternal Roles technique to identify the most preferred maternal roles.

Results. This section describes and compares the content of ideas about parenthood in adolescents and young adults. The values of the consistency of ideas were low in the whole sample. Besides, there were significant differences between the two compared groups regarding all the parameters of consistency. Compared to young adults, schoolchildren had more adequate and realistic ideas about parental positions and means of parenting. Ambivalent attitudes towards parenthood as a whole were characteristic of adolescents. About 25 percent of all the respondents had negative attitudes towards their future parenthood. Orientation towards children's needs and harmonious combination of maternal and spousal roles underlay the strategies of the realization of maternal roles that were mostly preferred by adolescents.

Discussion. The authors interpreted the findings in terms of the effectiveness of the used means and compared them to data from previous studies. The authors draw conclusions about (a) low consistency of ideas about parenthood among adolescents and young adults, (b) significant differences in ideas about parenthood during the transition from adolescence to young adulthood, (c) gender differences in ideas about parenthood, (d) the most attractive image of future motherhood, and (e) correlations between value orientations and ideas about parenthood.

Keywords

ideas about parenthood, adolescence, young adulthood, consistency of ideas, adequacy of ideas, completeness of representations, parent functions, means of parenting, attitudes towards parenthood, maternal roles

Highlights

- ▶ Adolescents and young adults' ideas about future parenthood exhibit low consistency. Age-related differences in ideas about future parenthood are found; more clear and adequate ideas about future parenthood are characteristic of young adults.
- ▶ Gender characteristics of ideas about parenthood are described.
- ▶ Adolescence can be defined as a sensitive period for harmonizing influences and



the implementation of preventive measures for increasing the attractiveness of future parenthood.

► The image of the mother that cares and supports her child is the ideal mother image for all the respondents.

For citation

Zakharova, E. I., Karabanova, O. A., Starostina, Yu. A., & Dolgikh, A. G. (2019). Ideas on Future Parenthood in Adolescents and Young Adults. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 103–122. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.6

Original manuscript received 01.09.2018

Введение

На современном этапе развития российского общества наблюдается рост неблагоприятных тенденций, связанных с отношением к родительству. В работах Васягиной (2011), Филипповой (2005), Захаровой (2015), Мухиной, Белогай (2007) отмечается неготовность молодых женщин к материнству, к выполнению родительских обязанностей, к принятию материнской роли. В ряде исследований описывается несовпадение ожиданий молодых родителей и реальной практики отцовства и материнства (Delmore-Ko, Pancer, Hunsberger, & Pratt, 2000; Левченко, 2009), поднимаются проблемы современного родительства, в том числе и этического характера, свидетельствующие об изменении института семьи (приемное родительство, суррогатное материнство и т. д.) (Richards, 2010; Salmela-Aro, Nurmi, Saisto, & Halmesmäki, 2000; "Modern Parenthood..."; 2013). Поливанова указывает на снижение привлекательности родительской деятельности (2015), Долгих и Захарова описывают неполноту и дисгармоничность представлений о родительстве у молодежи (2018). Даже состоявшиеся родители испытывают трудности в принятии родительской роли (Захарова, 2014), во взаимодействии с детьми (Cudmore, 2012; Arendell, 2000), ощущают тревожность и неуверенность относительно своего родительского поведения («Психология родительства: подходы, проблемы, методы...», 2006). Если же такие тревожные переживания и неуверенность присутствуют в период личностного самоопределения молодого человека, это существенно влияет на его репродуктивное поведение.

Родительство имеет свою историю становления, освоение родительской роли начинается задолго до появления собственных детей. Филиппова (2002, 2005) предлагает оригинальную концепцию онтогенеза материнства и отцовства. В условиях традиционного общества существовала преемственность между поколениями, к взрослости у девушек и юношей уже был необходимый опыт нянченья, ухода и воспитания. Сегодня же зачастую родительские



роли и родительская деятельность осваиваются спонтанно, без специальной подготовки. Нередко случается, что первый младенец, которого держат на руках молодые родители – это их собственный ребенок. Это порождает неуверенность в себе как в родителе (Захарова, 2014; Hakim, 2003), а также существенную неполноту и дисгармоничность представлений о собственном ребенке (Oechsle & Zoll, 1991) и родительстве (Долгих и Захарова, 2018; Langdridge, Sheeran, & Connolly, 2005). В работе Абдуллиной (2018) было показано, что подростки с тревогой относятся к своему будущему родительству, даже несмотря на желание иметь детей в будущем. В то же время в современном обществе ценность родительства самого по себе снижается, вступая в противоречие с самореализацией в карьере, успешностью, стремлением к гедонизму и т. д. Девятых (2006) пишет, что родительство представляется юношам и девушкам препятствием на пути самореализации, создающим необходимость жертвы и самоотречения.

Данная ситуация определяет актуальность изучения условий становления отношения к родительству у современной молодежи, поиск путей его гармонизации. Одним из таких условий является содержание представлений о родительстве. Именно представление о будущей родительской роли становится отправной точкой для формирования внутренней позиции в отношении будущего материнства, отцовства. Представления о родительстве формируются на основе имеющегося у человека жизненного опыта (прежде всего в родительской семье) (Мерзлякова, 2014; Манёров, 2013) путем его воспроизведения в воображении (Овчарова, 2005) и могут включать в себя установки, ценности, представления и ожидания, связанные как с ребенком, так и с собой как будущим родителем («Родители и дети: психология взаимоотношений...», 2003). Мы рассматриваем родительские представления как ориентиры, с опорой на которые человек будет строить свое родительское поведение в будущем. Опираясь на идеи Гальперина о том, что психический образ выполняет важную функцию в процессе ориентировочной деятельности субъекта, мы предполагаем, что представления о родительстве становятся средством ориентирования в реальной деятельности материнства или отцовства в период ее освоения. Соответственно, и родительство понимается нами как особый вид человеческой деятельности, имеющий органические предпосылки и культурную природу (Захарова, 2012; Карабанова, 2005).

Большинство исследователей справедливо обращается к подростковому и юношескому возрасту, как возрастным периодам, в которых происходит развитие самосознания, появляется способность к самопознанию и рефлексии, происходят становление идентичности и выработка собственной позиции по всем жизненно важным вопросам, в том числе и относительно собственного будущего материнства или отцовства (Мерзлякова, 2014; Крысько



и Ланцбург, 2014; Павлова, 2011). Эти представления будут дополнены и реализованы на следующих возрастных этапах, но их становление и осознание происходят именно в подростковом возрасте (Филиппова, 2002).

В исследовании Пальцевой (2006) о формировании репродуктивных установок у детей было показано, что репродуктивные установки к концу подросткового возраста (18 лет) уже являются сформированными, и их содержание начинает определять репродуктивные намерения человека.

В исследовании Абдуллиной (2018) было показано, что подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования когнитивного компонента представлений о родительстве, а ранняя юность – для поведенческого компонента. Когнитивный компонент – это образ ребенка, образ себя как родителя, представления и ожидания относительно родительства, представление о родительских функциях и особенностях ребенка разного возраста; поведенческий компонент – это способы реализации родительских функций, умения и навыки по уходу, общению с ребенком, воспитанию и обучению ребенка. То, что описывается выше как «когнитивный компонент» представлений о родительстве, отражает структуру родительской деятельности, выступает ее ориентировочной частью.

Представления о будущем материнстве и отцовстве в подростковом возрасте изучены не достаточно полно, гораздо больше исследований аналогичной тематики относительно юношеского возраста. В нашей работе мы обратились к истокам представлений, к тому моменту, когда впервые на основании личностной рефлексии эти представления начинают осознаваться, что создает условия для становления отношения к родительству. Нам представляется перспективным изучение представлений о родительстве у современных подростков, выявление их возрастной специфики в связи с возможностью оказания гармонизирующего психологического воздействия. Практическая значимость данной работы заключается в поиске сенситивного момента для такого воздействия, благоприятного периода для формирования адекватных и гармоничных представлений о родительстве у современной молодежи.

Целью нашего исследования является изучение возрастной специфики представлений о родительстве в подростковом и юношеском возрасте в условиях их спонтанного становления.

Методы

1. *Авторская методика «Гармоничность представлений о родительстве»* – опросник из 40 утверждений, составляющих 5 шкал. Все утверждения касаются будущего родительства респондента. Предполагаемый возраст ребенка, на который предложено ориентироваться респондентам, не превышает 9 лет.



Шкалы опросника:

- адекватность позиции родителя (шкала направлена на определение степени адекватности представлений о себе как родителя, родительской позиции, предполагающей руководящую роль взрослого человека);
- адекватность средств воспитания (шкала направлена на определение степени адекватности выбираемых для достижения целей воспитания средств);
- реалистичность представлений (шкала фиксирует степень реалистичности представлений о себе в роли родителя, выявление возможной идеализации образа ребенка и своего родительства);
- учет возрастных особенностей ребенка (шкала направлена на установление степени адекватности представлений о возрастных особенностях ребенка);
- сбалансированность родительских функций (шкала фиксирует наличие баланса между эмоциональным принятием («любовь к ребенку») и основными родительскими функциями (уход, обеспечение развития, воспитание ребенка)).

2. *Неоконченные предложения*, авторский набор из 16 предложений, описывающий 4 шкалы:

- отношение к родительству (мы выделили 4 типа отношения к родительству: нейтральное, негативное, амбивалентное и позитивное);
- отношение к себе как к родителю (также были выделены 4 типа отношения: нейтральное, негативное, амбивалентное, позитивное);
- ценностная направленность (мы выделили 3 типа ценностной направленности респондентов: превалирование ценности родительства, сочетание ценности родительства с другими сферами жизни, отчетливое превалирование другой ценности);
- представления о родительстве (были выделены 3 типа представлений: гармоничные, отличающиеся неполнотой и дисгармоничные).

На основе соотнесения оценок по 4 предложениям внутри каждой шкалы делался вывод о превалировании того или иного типа отношения или представлений.

3. Методика «*Материнские роли*», позволяющая выявить место материнства в ролевой структуре женщины-матери. Респонденту предлагается серия из 5 картинок, на которых изображены матери, различающиеся по характеру реализации материнской роли:

- «мама заботливая» (обеспечение функции заботы о ребенке становится центральным в период материнства);
- «мама деловая, занятая» (материнская роль сочетается с профессиональной позицией женщины);



- «мама хозяйственная» (материнство дополняется осуществлением хозяйственных функций);
- «мама общительная» (реализация материнской роли встраивается в сферу межличностного общения женщины вне семьи);
- «мама-жена» (сочетает в себе сферы родительских и супружеских отношений).

Респондентам было предложено выбрать и проранжировать изображения по степени их привлекательности.

Выборка исследования

В нашем исследовании приняли участие 68 респондентов (29 старшеклассников – девочек и мальчиков от 15 до 17 лет, и 39 молодых людей – девушек и юношей от 19 до 30 лет). Принявшие участие в исследовании подростки были учениками 9-го и 11-го классов МОУ СОШ № 29 им. П. И. Забродина (г. Подольск, Московская область). Молодежная выборка состояла из студентов МГУ имени М. В. Ломоносова и МГТУ имени Н. Э. Баумана, обследование которых проводилось в рамках учебного процесса.

Результаты

Проведенный в ходе исследования анализ представлений о родительстве у подростков и молодых людей в период вхождения во взрослость позволил выделить ряд особенностей, характерных для каждого возрастного периода. Так, по результатам методики «Гармоничность представлений о родительстве», были зафиксированы значимые различия ($p < 0,01$ по Т-критерию для 2-х независимых выборок: по шкале «адекватность родительской позиции» $T = -2,349$; по шкале «адекватность средств» $T = -11,987$; по шкале «реалистичность представлений» $T = -3,038$; по шкале «учет возраста ребенка» $T = -2,354$; по шкале «сбалансированность родительских функций» $T = -8,270$) по всем показателям между опрашиваемыми группами респондентов (рис. 1).

Максимум, который может набрать респондент по каждой из шкал, – 24 балла (абсолютная гармоничность представлений), минимум – 8 баллов (абсолютная дисгармоничность представлений). На рисунке видно, что представления школьников о родительской позиции, средствах воспитания менее адекватны и приближены к реальности, чем у молодых людей. Так, оценивая справедливость утверждений относительно специфики социальной позиции родителя, они часто соглашались с тем, что «ребенок в семье имеет точно такие же права, что и родители» или «родитель и ребенок – в первую очередь друзья». В то же время они склонны не соглашаться с тем, что «родитель имеет право ограничивать поведение ребенка». Подростки более склонны идеализировать картину родительства, предпочитают «не видеть» трудностей.



Выстраивая картину своего будущего родительства, они отдают предпочтение утверждениям: «мой ребенок никогда не будет капризничать», «у нас с супругом (супругой) не будет разногласий относительно воспитания ребенка», «все знают, как быть родителем, к этому не надо специально готовиться».

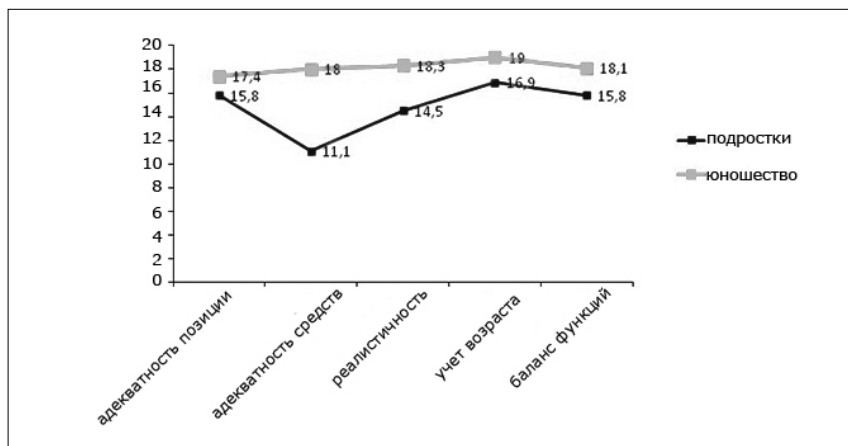


Рисунок 1. Средние значения шкал «Гармоничности представлений о родительстве» в подростковой и юношеской выборке

Figure 1. Average values by the scales of the Consistency of Ideas About Parenthood questionnaire for the groups of adolescents and young adults

Результаты исследования позволяют говорить о недостаточной компетентности подростков относительно возрастных особенностей ребенка. Неучет ограничений возможностей ребенка, связанных с его возрастным развитием, позволяет подросткам соглашаться с утверждением о том, что «достаточно даже самому маленькому ребенку объяснить причину запретов, и он будет их соблюдать» или «я никогда не буду принимать решения за ребенка». Создается впечатление, что подростку представляется человек, соизмеримый по своим возможностям с собой. Непростым для подростков оказался вопрос о балансе родительских функций. Признавая абсолютный приоритет эмоционального принятия, родительской любви, они недооценивают функции ухода, воспитания и обучения. Так, подростки отстаивают мнение о всесиили родительской любви. Соглашаясь с тем, что «в воспитании ребенка главное – это любовь, а требования, запреты, контроль – второстепенны», они обнаруживают недостаточное знакомство с содержанием этой важнейшей родительской функции. Согласие с тем, что «интересное занятие с родителями для ребенка важнее, чем еда и сон», свидетельствует, на наш взгляд, о недооценке важности ухода



за маленьким ребенком. Менее всего школьники оказались знакомы со средствами реализации родительских функций. Рисуя достаточно благополучную картину своего будущего с ребенком, подростки полагают, что «чтобы сделать ребенка счастливым, надо позволять ему делать то, что он хочет» или «ребенок вырастет добрым, если ему не отказывать во всех его желаниях». В то же время они сомневаются в том, что «чтобы ребенок выполнял требования родителей, необходим контроль» и «большое количество запретов мешает вырасти ребенку инициативным». Приведенные примеры свидетельствуют о наличии существенного количества искажений в представлениях подростков о родительстве.

Для молодых людей в целом характерны более адекватные, гармоничные представления о родительстве, его функциях и ролевой структуре. Особенно яркое отличие их от подростков лежит в сфере представлений о средствах воспитания: студенческая молодежь более компетентна в оценке средств воспитания и воздействия на ребенка ($T = -11,987, p < 0,001$).

По результатам методики «Незаконченные предложения» (рис. 2) можно увидеть, что довольно большой процент как подростков (21%), так и молодых людей (25%, четверть выборки), относится негативно к перспективе родительства: опрошенные не хотят иметь детей вообще никогда или собираются стать родителями не ранее, чем через 15–20 лет.

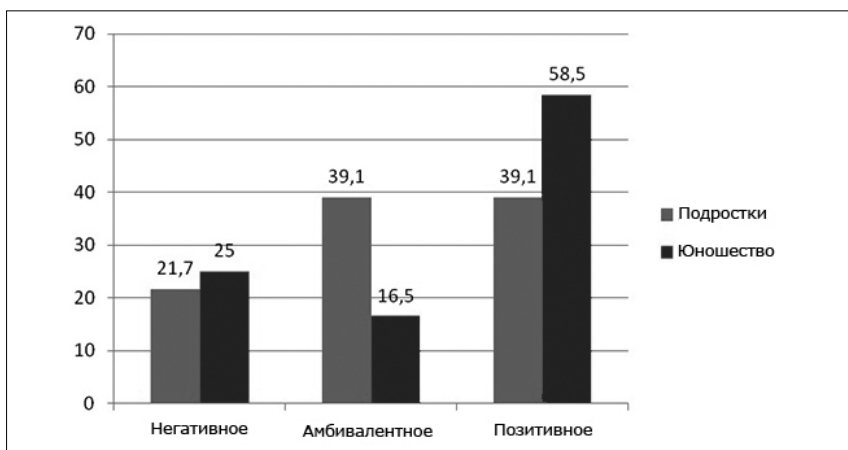


Рисунок 2. Отношение к родительству в целом в подростковом и юношеском возрасте

Figure 2. Attitudes towards parenthood in adolescence and young adulthood



В то же время важно, что среди студентов наблюдается снижение доли амбивалентного отношения к материнству и отцовству в пользу положительного. Для подростков характерно именно амбивалентное отношение к родительству, что может свидетельствовать о том, что процесс самоопределения еще не завершен, и подросток рассматривает все «за» и «против», не придя еще к определенной позиции. На фоне признания значимости материнской роли в целом, они часто описывают его наступление как одновременно желанное и сложное, радостное и ущемляющее событие. Это согласуется с полученными в исследовании Абдуллиной (2018) свидетельствами повышенной тревожности подростков относительно родительства, даже в тех случаях, когда они выражают желание иметь ребенка в будущем.

К себе как к будущему родителю подростки относятся несколько хуже, чем к родительству вообще: 37,5 % опрошенных оценивают себя как будущего родителя негативно и 29,2 % – амбивалентно. Методика «Неоконченные предложения» проявила себя как достаточно чувствительная к системе отношений подростка. Продолжая неоконченное предложение «Сравнивая себя с идеалом матери/отца, могу сказать, что я...», некоторые подростки писали *«на данный момент мои представления о материнстве и о способах общения с ребенком кажутся мне достойными того, чтобы стать хорошим родителем»*, *«приближен к нему»* (позитивное отношение), или *«я не дотягиваю»* (амбивалентное отношение). Предложение *«Мне кажется, я буду...»* подростки могли завершить как: *«требовательной, но любящей матью»*, *«хорошим отцом»* (позитивное отношение), так и *«плохим отцом»*, *«ужасной матью»* (негативное отношение). Завершая предложение *«Представляя себя матью (отцом)...»*, они писали *«мне кажется, я буду понимать своего ребенка так же, как мои родители понимают меня»*, *«я толстый, бородатый, веселый, надежный»* (позитивное отношение), *«становится страшно от груза ответственности»* (амбивалентное отношение) или *«у меня болит голова»*, *«не хочу даже представлять»* (отрицательное отношение). Высказывания в отношении нескольких предложений, составляющих единую шкалу, оказались согласованными, что облегчало диагностическую задачу и позволяло получить более достоверный результат.

Отношение подростков к будущему родительству согласуется с распределением приоритетных ценностей: только у 20 % ценности родительства в приоритете, у 48 % школьников отчетливо преобладают совершенно другие ценности. Полученный результат закономерен и вполне нормативен для выборки школьников, учитывая их актуальные задачи развития. Для старшеклассников сегодня на высоких местах в рейтинге расположены такие ценности, как обучение, аттестация, поступление в вуз, интимно-личностное общение со сверстниками. С ценностной направленностью значимо связано



отношение подростков к родительству ($p = 0,019$ по критерию Хи-квадрат Пирсона = 11,756) и отношение к себе как к родителю ($p = 0,006$ по критерию Хи-квадрат Пирсона = 14,413). Мы видим, что высокая значимость ценности родительства становится условием становления позитивного отношения как к самому родительству, так и к себе как будущему родителю.

Представления о родительстве по методике «Незаконченные предложения» у 26 % школьников можно описать как гармоничные, у 44 % отличаются неполнотой, и 30 % подростков демонстрируют дисгармоничные представления о родительстве («Хороший отец должен... *не заводить детей*»; «Самый лучший способ воспитания... *бить и оскорблять ребенка*»; «Хорошая мать должна... *уметь стирать, убирать, готовить*»; «Главная задача матери... *воспитание культурного ребенка*»; «Самое трудное в отцовстве... *выжить*»; «Самое трудное в отцовстве... *всё*»).

Зафиксированы гендерные различия старшеклассников по степени гармоничности представлений о родительстве: у мальчиков они более дисгармоничны и отличаются большей неполнотой. Схожие результаты были получены в современных российских исследованиях: на основании анализа сочинений старшеклассников было зафиксировано, что представления о содержании родительской сферы у девочек отличаются большей наполненностью и насыщенностью, как образа ребенка, так и образа родителя; психологический комфорт в позиции родителя у девочек выражен выше, чем у мальчиков (Абдуллина, 2018). В юношеском возрасте также существуют гендерные различия в представлениях о будущем родительстве: так, девушки показывают более высокую степень рефлексивности, чем юноши (Васильева, 2013).

Обратимся к наиболее предпочтительным типам реализации материнской роли, которые выбирают подростки (табл. 1). «Мама заботливая» – это тот образ, который большая часть выборки ставит на первые места. Это образ матери, для которой забота, внимание и уход за ребенком становятся центральной частью родительских функций. Но в то же время необходимо отметить, что для 10 % старшеклассников этот образ оказался самым отвергаемым.

Женщина-мать, для которой материнская роль встраивается в сферу межличностного общения женщины вне семьи («мама общительная»), для которой социальное признание является наиболее значимым, оказалась наименее привлекательной: 72 % опрошенных при ранжировании поставили данный способ реализации материнской роли на самое последнее место, и нет ни одного респондента, кто бы выбрал его в качестве предпочтительного. Важно отметить, что и абсолютно все подростки, не рассматривающие себя в качестве будущего родителя («отказывающиеся стать родителем» – 21 % выборки), выбрали это изображение последним, т. е. совершенно неприглядным. Можно отметить, что изображение женщины, сочетающей



материнскую роль с супружеской («мама-жена»), ни один подросток не поставил на последнее место. Таким образом, самыми предпочитаемыми для подростков, т. е. отражающими их представления о том, какой же должна быть мать, являются изображения «мама заботливая», «мама-жена» и «мама хозяйственная». Эти результаты полностью согласуются с данными, полученными Долгих и Захаровой (2018) на выборке девушек-студенток. В данном случае не приходится говорить о возрастной специфике.

Таблица 1

Результаты ранжирования подростками предпочитаемых типов реализации материнской роли

Table 1

The results of ranking the preferred types of the implementation of maternal roles among adolescents

	<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>
<u>Образ матери</u>	<u>место</u>	<u>место</u>	<u>место</u>	<u>место</u>	<u>место</u>
<u>Mother's image</u>	<u>1st</u>	<u>2nd</u>	<u>3rd</u>	<u>4th</u>	<u>5th</u>
	<u>place</u>	<u>place</u>	<u>place</u>	<u>place</u>	<u>place</u>
«Мама заботливая» "Caring mother"	48 %	31 %	3,5 %	3,5 %	10 %
«Мама деловая» "Mother/employee"	17 %	3,5 %	34 %	31,5 %	10 %
«Мама хозяйственная» "Mother/homemaker"	7 %	28 %	45 %	13,5 %	3,5 %
«Мама общительная» "Sociable mother"	–	13,5 %	3,5 %	7 %	72 %
«Мама-жена» "Mother/wife"	25 %	21,5 %	10 %	42 %	–

Обсуждение результатов

В целях анализа содержания представлений о родительской деятельности нами была разработана методика «Гармоничность представлений». Разработка была вызвана поиском компактных и достоверных средств выявления содержания представлений о родителстве. Эффективным средством для реализации указанной задачи является проективное сочинение. Однако в работе с подростками, для которых написание сочинения является достаточно сложной задачей, необходимо использовать средства, помогающие респондентам наиболее точно выразить свою позицию. Разработанная нами методика была позитивно воспринята старшеклассниками, оказалась понятной и достаточно удобной в использовании.



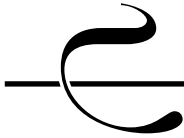
В проведенном эмпирическом исследовании нам удалось зафиксировать и проанализировать имеющиеся у подростков и молодых людей представления о родительстве. Полученные результаты свидетельствуют о низкой гармоничности представлений в обеих возрастных группах. Кроме того, пятая часть обследуемых подростков и четверть молодых людей негативно относятся к перспективе своего будущего родительства. Наименее адекватные представления у подростков касаются средств воспитания ребенка, у юношей – адекватности родительской позиции.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что подростковый возраст действительно является сенситивным для формирования представлений о будущем родительстве: нами были зафиксированы значимые различия по всем параметрам гармоничности представлений между обследуемыми возрастными группами. Несмотря на довольно низкие общие результаты, молодые люди более адекватно и реалистично оценивают себя как будущего родителя, больше учитывают возраст ребенка, более нормативны в выборе средств воспитания и имеют более адекватные представления о ролевой структуре родительства, чем подростки. Это согласуется с данными исследований о том, что именно юношеский возраст является сенситивным периодом для освоения поведенческого компонента представлений о родительстве (Абдуллина, 2018), а именно расширения представлений о средствах воспитания, обучения, ухода за детьми разного возраста.

Также среди студенческой молодежи растет определенность в отношении к родительству. Подростки демонстрируют большую долю амбивалентности в отношении к нему. Мы полагаем, что обследование было проведено в тот период, когда самоопределение в отношении родительства находится в начальной точке своего становления.

Выводы:

1. Опросник «Гармоничность представлений о родительстве» обнаружил высокую валидность, показав согласованные с полученными посредством проективной методики данными.
2. Представления о будущем родительстве, как у подростков, так и у студенческой молодежи, отличаются низкой гармоничностью. Подростки наименее ориентированы в средствах достижения целей родительской деятельности, молодые люди обнаружили искаженное представление о родительской позиции, недостаточно дифференцируя ее от равноправной, дружеской. Полученные результаты позволяют определить направление гармонизирующего воздействия.
3. При переходе от подросткового возраста к юношескому происходит существенный сдвиг в содержании представлений о будущем родительстве. Последние приобретают большую определенность



и адекватность. Это позволяет определить подростковый возраст в качестве сенситивного для гармонизирующего воздействия.

4. Спонтанное становление представлений о будущем родительстве у девушек опережает этот процесс у юношей.
5. В отношении к будущему родительству подростки обнаруживают большую долю амбивалентности, что свидетельствует о недостаточной определенности их жизненной позиции. Может быть рекомендовано усилить работу, направленную на повышение привлекательности родительства именно в этот возрастной период.
6. Наиболее привлекательным, как в выборке подростков, так и в юношеской выборке, является образ матери, олицетворяющей заботу о благополучии ребенка. Несмотря на то, что собственная перспектива родительства остается в большой степени неопределенной, в качестве идеального образа женщины-матери выступает та, что в наибольшей степени реализует функцию заботы и поддержки. Родительская роль в представлениях как подростков, так и молодых людей гармонично сочетается с супружеской.
7. Важнейшим условием становления отношения к родительству является формирование системы ценностных ориентаций. Высокая значимость ценности родительства согласуется у наших респондентов с позитивным отношением к материнству и отцовству и себе в качестве родителя.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01213 «Роль художественной кинематографии в формировании установки на реализацию родительской деятельности и образа эффективного родительства у современной молодежи»).

Acknowledgments

This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-013-01213, "The role of cinematography in forming attitudes towards the implementation of parental activities and the image of effective parenthood in modern youths").

Литература

- Абдуллина С. А. Представления о родительстве у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018. 280 с.
- Васильева Е. Н. Гендерные различия в структурных компонентах психологической готовности к родительству // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: www.science-education.ru/113-11341 (дата обращения: 29.08.2018).



- Васягина Н. Н.* Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России: дисс. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2011. 464 с.
- Девярых С. Ю.* Особенности представлений о родительстве в юношеском возрасте (анализ гендерных различий): дисс. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2006. 231 с.
- Долгих А. Г., Захарова Е. И.* Психологические особенности образа материнства у девушек в период вхождения во взрослость // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 155–163.
- Долгих А. Г., Захарова Е. И.* Содержание и степень гармоничности представлений о материнстве и отцовстве в юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 2. С. 89–99. DOI: [10.11621/vsp.2018.02.89](https://doi.org/10.11621/vsp.2018.02.89)
- Захарова Е. И.* Представление о характере социальной роли, как средство ориентировки в ее исполнении // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 38–41.
- Захарова Е. И.* Психология освоения родительства: научная монография. М.: Изд-во ИИУ МГОУ, 2014. 258 с.
- Захарова Е. И.* Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 1. С. 44–49.
- Карабанова О. А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
- Крысько А. А., Ланцбург М. Е.* Представления о материнстве и возрастных особенностях детей у девушек старшего подросткового возраста // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 2. С. 129–138. DOI: [10.17759/psyedu.2014060211](https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060211)
- Левченко А. В.* Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009. 194 с.
- Манёров Р. В.* Образ себя как отца в структуре Я-концепции мужчин: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 213 с.
- Мерзлякова С. В.* Родительская семья как ориентирующий образ семейного самоопределения молодежи // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 114–119.
- Мухина Н. В., Белогай К. Н.* Уровень психологической готовности к материнству в период ранней взрослости // Перинатальная психология и психология родительства. 2007. № 4. С. 98–100.
- Овчарова Р. В.* Психология родительства. М.: Академия, 2005. 368 с.
- Павлова Т. В.* Психологические механизмы формирования зрелых представлений о родительстве // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 16. С. 77–78.



- Пальцева Т. В.* Психологические условия становления и развития репродуктивных установок в детско-юношеском возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 156 с.
- Поливанова К. Н.* Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7, № 3. С. 1–11. DOI: [10.17759/psyedu.2015070301](https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301)
- Психология родительства: подходы, проблемы, методы исследования / под ред. Е. В. Куфтяк. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. 142 с.
- Родители и дети: психология взаимоотношений / под ред. Е. А. Савиной, Е. О. Смирновой. М.: Когито-Центр, 2003. 228 с.
- Филиппова Г. Г.* Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.
- Филиппова Г. Г.* Развитие родительской сферы в онтогенезе и готовность к материнству // Психология беременности, родов и послеродового периода: хрестоматия по перинатальной психологии / сост. А. Н. Васина. М.: Университет Российского инновационного образования, 2005. С. 62–65.
- Arendell T.* Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62, Issue 4. P. 1192–1207. DOI: [10.1111/j.1741-3737.2000.01192.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2000.01192.x)
- Cudmore L.* Finding a place for the baby: complexity and congestion in the transition to parenthood // *International Journal of Infant Observation and Its Applications*. 2012. Vol. 15, Issue 1. P. 77–90. DOI: [10.1080/13698036.2012.654657](https://doi.org/10.1080/13698036.2012.654657)
- Delmore-Ko P., Pancer S. M., Hunsberger B., Pratt M.* Becoming a parent: The relation between prenatal expectations and postnatal experience // *Journal of Family Psychology*. 2000. № 14. P. 625–640.
- Hakim C.* Models of the Family in Modern Societies: Ideals and Realities. Ashgate Pub Ltd, 2003. 282 p.
- Langdridge D., Sheeran P., Connolly K.* Understanding the reasons for parenthood // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2005. Vol. 23, Issue 2. P. 121–133. DOI: [10.1080/02646830500129438](https://doi.org/10.1080/02646830500129438)
- Modern Parenthood. Roles of Moms and Dads Converge as They Balance Work and Family // Pew Research Center: Social & Demographic Trends. 2013. Available at: <https://www.pewsocialtrends.org/2013/03/14/modern-parenthood-roles-of-moms-and-dads-converge-as-they-balance-work-and-family/> (Accessed 26.05.2019).
- Oechsle M., Zoll R.* Young people and their ideas on parenthood // *European Parents in the 1990s: Contradictions and Comparisons*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1991. P. 45–58.
- Richards N.* The Ethics of Parenthood. New York: Oxford University Press, 2010. 304 p.
- Salmela-Aro K., Nurmi J. E., Saisto T., Halmesmäki E.* Women's and men's personal



goals during the transition to parenthood // *Journal of Family Psychology*. 2000. Vol. 14 (2). P. 171–186.

References

- Abdullina, S. A. (2018). *Concept of parenthood in preschool-age children, primary school-aged children and adolescents* (Doctoral dissertation). Moscow. (in Russ.).
- Arendell, T. (2000). Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship. *Journal of Marriage and Family*, 62(4), 1192–1207. doi: [10.1111/j.1741-3737.2000.01192.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2000.01192.x)
- Cudmore, L. (2012). Finding a place for the baby: Complexity and congestion in the transition to parenthood. *International Journal of Infant Observation and Its Applications*, 15(1), 77–90. doi: [10.1080/13698036.2012.654657](https://doi.org/10.1080/13698036.2012.654657)
- Delmore-Ko, P., Pancer, S. M., Hunsberger, B., & Pratt, M. (2000). Becoming a parent: The relation between prenatal expectations and postnatal experience. *Journal of Family Psychology*, 14, 625–640.
- Devyatykh, S. Yu. (2006). *Specific aspects of perceptions of parenthood in adolescence: Analysis of gender differences* (Doctoral dissertation). Smolensk. (in Russ.).
- Dolgikh, A. G., & Zakharova, E. I. (2018). Psychological features of the image of motherhood in girls in the period of entering into adulthood. *Mir psikhologii (World of Psychology)*, 93(1), 155–163. (in Russ.).
- Dolgikh, A. G., & Zakharova, E. I. (2018). The content and degree of harmony of ideas about motherhood and fatherhood in youth. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 89–99. doi: [10.11621/vsp.2018.02.89](https://doi.org/10.11621/vsp.2018.02.89) (in Russ.).
- Filippova, G. G. (2002). *Psychology of motherhood*. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii. (in Russ.).
- Filippova, G. G. (2005). The development of the parent sphere in ontogenesis and willingness to motherhood. In A. N. Vasina (Ed.), *The psychology of pregnancy, childbirth and the postpartum period: Readings in perinatal psychology* (pp. 62–65). Moscow: Russian Innovation University of Education.
- Hakim, C. (2003). *Models of the family in modern societies: Ideals and realities*. Aldershot: Ashgate.
- Karabanova, O. A. (2005). *Psychology of family relations and the basics of family counseling*. Moscow: Gardariki.
- Krys'ko, A. A., & Lantsburg, M. E. (2014). Representation of motherhood and age characteristics of infants in girls in their late teens. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education psyedu.ru)*, 6(2), 129–138. doi: [10.17759/psyedu.2014060211](https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060211) (in Russ.).
- Kuflyak, E. V. (Ed). (2006). *Psychology of parenthood: Approaches, issues, and research methods*. Kostroma: Izd-vo KGU im. N. A. Nekrasova. (in Russ.).



- Langdridge, D., Sheeran, P., & Connolly, K. (2005). Understanding the reasons for parenthood. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 23(2) 121–133. doi: [10.1080/02646830500129438](https://doi.org/10.1080/02646830500129438)
- Levchenko, A. V. (2009). *Men's ideas about their fatherhood and their underlying factors* (Doctoral dissertation). Krasnodar. (in Russ.).
- Manerov, R. V. (2013). *Self-image as a father in the structure of the self-concept of men* (Doctoral dissertation). St. Petersburg. (in Russ.).
- Merzlyakova, S. V. (2014). Parental family as a guideline image of youth's family identity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya (Theory and Practice of Social Development)*, 2, 114–119. (in Russ.).
- Mukhina, N. V., & Belogai, K. N. (2007). The level of psychological readiness to mothering in early adulthood. *Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva (Perinatal Psychology and Psychology of Parenthood)*, 4, 98–100. (in Russ.).
- Oechsle, M., & Zoll, R. (1991). Young people and their ideas on parenthood. In U. Björnberg (Ed.), *European Parents in the 1990s: Contradictions and Comparisons* (pp. 45–58). New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers.
- Ovcharova, R. V. (2005). *Psychology of parenthood*. Moscow: Akademiya. (in Russ.).
- Pal'tseva, T. V. (2006). *Psychological conditions of the formation and development of reproductive attitudes in childhood and adolescence* (Doctoral dissertation). Moscow. (in Russ.).
- Pavlova, T. V. (2011). Psychological mechanisms of the formation of mature ideas about parenthood. *Vestnik universiteta*, 16, 77–78. (in Russ.).
- Pew Research Center: Social & Demographic Trends. (2013). *Modern parenthood. Roles of moms and dads converge as they balance work and family*. Retrieved from <https://www.pewsocialtrends.org/2013/03/14/modern-parenthood-roles-of-moms-and-dads-converge-as-they-balance-work-and-family/>
- Polivanova, K. N. (2015). Modern parenthood as a subject of research. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education psyedu.ru)*, 7(3), 1–11. doi: [10.17759/psyedu.2015070301](https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301) (in Russ.).
- Richards, N. (2010). *The ethics of parenthood*. New York: Oxford University Press.
- Salmela-Aro, K., Nurmi, J. E., Saisto, T., & Halmesmäki, E. (2000). Women's and men's personal goals during the transition to parenthood. *Journal of Family Psychology*, 14(2), 171–186.
- Savina, E. A., & Smirnova, E. O. (Eds.). (2003). *Parents and children: Psychology of relationships*. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.).
- Vasil'eva, E. N. (2013). Gender differences in structural components of psychological readiness for parenthood. *Modern Problems of Science and Education*, 6. Retrieved from www.science-education.ru/113-11341 (in Russ.).
- Vasyagina, N. N. (2011). *Subjective becoming a mother in today's socio-cultural space of Russia* (Doctoral dissertation). Ekaterinburg. (in Russ.).



- Zakharova, E. I. (2012). Ideas about social role characteristics as means of orientation in its performance. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. (Cultural-Historical Psychology)*, 4, 38–41. (in Russ.).
- Zakharova, E. I. (2014). *Psychology of mastering parenthood*. Moscow: Izd-vo IIU MGOU. (in Russ.).
- Zakharova, E. I. (2015). Conditions for formation of modern women's negative attitudes towards a maternal role. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 11(1), 44–49 (in Russ.).



УДК 159.99:165

doi: [10.21702/rpj.2019.2.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.7)

Когнитивные факторы моделирования в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации

Елена В. Соболева*, Никита Л. Караваев

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

* E-mail: sobolevaelv@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются условия включения в познавательный процесс цифровых ресурсов с возможностью нелинейного представления информации для моделирования персональной образовательной среды как основы карты возможностей при получении профессий будущего. Новизна исследования заключается в том, что в работе предлагаются инструменты применения когнитивных технологий для построения картины мира, которые создадут дополнительные факторы развития теоретического и творческого мышления, что позволит оказать непосредственное влияние на познавательное развитие человека.

Методы. Методология исследования базируется на принципах системно-деятельностного и лично-ориентированного подходов, технологии Rapid Foresight, методах наблюдения, анализа и эксперимента.

Результаты. В работе научно обосновывается возможность применения новых когнитивных технологий средствами информатики, позволяющих не только моделировать процесс познания, но и формировать картину мира, адекватную требованиям общества и трендам профессий будущего. На примере проектирования персональной траектории развития в цифровой среде с возможностью нелинейного представления информации описаны факторы развития мышления, формирования умений поиска информации и т. д. Выделены знания 3-х типов, которые субъект конструирует в ходе соответствующего познавательного процесса: приобретаемое в результате восприятия и обработки информации; полученное из эксперимента; метазнание (рефлексивное, ориентировочное знание). Представлен эксперимент, подтверждающий эффективность включения новых когнитивных технологий в моделирование нелинейной траектории индивидуального развития и познания.

Обсуждение результатов. Обобщение результатов когнитивной деятельности при моделировании процесса познания в цифровой среде позволило не только описать типы знания, но и предложить наиболее эффективные в отношении интеллектуального развития виды работ. В заключение делается вывод, что представленные виды познавательной деятельности обуславливают дополнительные условия для внедрения новых вариантов применения когнитивных технологий при построении



картины мира. Кроме того, предлагается реализация общего алгоритма карты возможностей, включающего соотнесение психологических особенностей и требований профессий будущего.

Ключевые слова

когнитология, информационная модель, интеллектуальное развитие, мышление, форсайт-мышление, нелинейная траектория, познание, информация, знание, профессии будущего

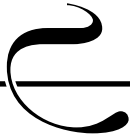
Основные положения

- ▶ для построения картины мира человек активно применяет информационные и когнитивные технологии, которые претерпевают качественное изменение в условиях повышения неопределенностей будущего;
- ▶ технология карты возможностей для проектирования персональной среды развития в рамках получения профессий будущего обладает когнитивным потенциалом для развития системного, аналитического и алгоритмического мышления (т. е. мышления теоретического), формирования умений межотраслевой коммуникации и т. д.;
- ▶ когнитивное моделирование в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации является для субъекта познания источником знания различных типов, из которых наиболее ценными для интеллектуального развития являются: знание, получение при работе с информацией исследовательского (познавательного) характера, и знание человека о самом себе (знание рефлексивного характера);
- ▶ технологию на основе карты возможностей для практического применения нелинейной траектории развития в когнитивной психологии следует реализовать в форме конкретного алгоритма.

Для цитирования

Соболева Е. В., Караваев Н. Л. Когнитивные факторы моделирования в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 123–141. doi: 10.21702/rpj.2019.2.7

Материалы статьи получены 04.09.2018



UDC 159.99:165

doi: [10.21702/rpj.2019.2.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.7)

Cognitive Factors for Modeling in Digital Environments Characterized by a Nonlinear Presentation of Information

Elena V. Soboleva*, Nikita L. Karavaev

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: sobolevaelv@yandex.ru

Abstract

Introduction. This paper focuses on the conditions for using digital resources characterized by a nonlinear presentation of information in the cognitive process with a view of modelling personal educational environments as the basis for the map of opportunities in getting specialties of the future. The authors offer tools for the use of cognitive technologies for the construction of individuals' worldviews which should create additional factors for the development of their theoretical and creative thinking and influence their cognitive development.

Methods. The study used the personality-oriented and the activity-based and system approaches to analyze and interpret the findings. The Rapid Foresight technique and the observation, experiment, and analysis methods were employed in the study.

Results. The authors justify the use of new cognitive technologies that allow individuals to model the process of cognition and help them create worldviews adequate to the demands of society and the trends of specialties of the future. The example of modelling a personal trajectory of the development in digital environments characterized by a nonlinear presentation of information describes the factors of the development of thinking and information searching skills. In accordance with corresponding cognitive processes individuals construct the following three types of knowledge: (a) knowledge acquired through perceiving and processing information; (b) knowledge acquired through experiment; and (c) meta-knowledge (reflexive and orientation knowledge). This paper presents an experiment confirming the effectiveness of new cognitive technologies in modeling a non-linear trajectory of individual development and cognition.

Discussion. On the basis of the generalization of the results of cognitive activity during modelling the process of cognition in digital environments the authors described the types of knowledge and offered the types of work considered to be the most effective in terms of intellectual development. The presented types of cognitive activity help to create additional conditions for new applications of cognitive technologies when constructing worldviews. A general algorithm of the map of opportunities implies a correlation between psychological characteristics and demands of specialties of the future.



Keywords

cognitology, information model, intellectual development, thinking, foresight thinking, nonlinear trajectory, cognition, information, knowledge, specialties of the future

Highlights

- ▶ When constructing worldviews individuals actively use information and cognitive technologies that undergo qualitative changes under increasing uncertainty of the future.
- ▶ When getting specialties of the future the technology of the map of opportunities, which constructs the personal environment of development, has a cognitive potential for the development of system, analytical, and algorithmic thinking (i. e., theoretical thinking), the formation of skills of intersectorial communication, etc.
- ▶ Cognitive modeling in digital environments characterized by a nonlinear presentation of information is a source of knowledge of various types. Here, knowledge acquired through working with research information (cognitive knowledge) and individuals' knowledge about themselves (reflective knowledge) appear to be the most valuable types of knowledge for intellectual development.
- ▶ For practical application of a nonlinear trajectory of development in cognitive psychology the technology of the map of opportunities should be implemented in the form of a specific algorithm.

For citation

Soboleva E. V. & Karavaev N. L. (2019). Cognitive Factors for Modeling in Digital Environments Characterized by a Nonlinear Presentation of Information. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 123–141. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.7

Original manuscript received 04.09.2018

Введение

Актуальность представленного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Современное информационное общество, как убедительно показано в работах Ненашева, Окулова и Юлова (2012), Холодной (Kholodnaya & Emelin, 2015), характеризуется значительным повышением роли и степени воздействия интеллектуальных видов деятельности на все стороны жизни социума. Следовательно, объективной необходимостью является предъявление новых требований к уровню подготовки молодых людей как в отношении владения инструментарием интеллектуального труда (применение методов, средств, технологий работы с информацией, получение доступа к информационным ресурсам), так и в отношении достижения определенного уровня интеллектуальных способностей, позволяющих воспользоваться данным



инструментарием и эффективно распорядиться полученным информационным ресурсом (Asmolov, 2015).

2. Современное развитие общества, по мнению Асмолова (Asmolov, 2015), Цветкова (Tsvetkov, 2014), характеризуется: все возрастающей сложностью происходящих в нем процессов, возрастающей конкуренцией за различные виды ресурсов, высокой неопределенностью будущих результатов, возможностью появления событий «джокеров» и ограниченностью существующих трендов, большим количеством заинтересованных участников, возрастающим влиянием науки и технологий на другие сферы и др. Эти факторы повышают значимость форсайт-исследований как систематического рассмотрения будущего и овладения инструментарием для его достижения, что находит свое отражение в фундаментальных работах по изучению аппарата форсайт-философии (Тимченко, 2010).

3. Возникает новое направление в когнитивистике, которое изучает особый многоэтапный процесс мышления, направленный на определение возможных вариантов развития будущего. Это мышление, форсайт-мышление, включает в себя пять этапов: а) формирование объекта исследования; б) формирование значимых условий, влияющих на исследуемую область; в) анализ существующей ситуации, выбор методов исследования, проведение опросов; г) формирование альтернатив будущего, возможных сценариев развития с вероятными последствиями; д) выработка предложений по каждому сценарию при участии всех заинтересованных сторон (Bishop & Hines, 2006).

4. Для подготовки человека к жизни и успешной профессиональной деятельности в «вариативном» будущем, как справедливо отмечают Crosslin (2018), Sgouroroulou et al. (2017), необходимо на стадии обучения осуществлять проектирование индивидуальной среды, траектории развития, предполагающей когнитивное моделирование и работу с нелинейным представлением информации. Такое когнитивное моделирование наиболее эффективно реализовывать в цифровых средах, обладающих потенциалом для развития логико-алгоритмического и системно-комбинаторного стилей мышления, формирования умений формализации и структурирования информации. Именно эти умения составляют основу надпрофессиональных компетенций (crossprofessional skills, soft skills), которые рассматриваются Асмоловым (Asmolov, 2015) в контексте атласа будущих профессий как комплекс неспециализированных метапредметных навыков, отвечающих за успешное участие в рабочем процессе и высококую производительность.

Методы

Методология исследования:

1. Для выделения условий личностного роста человека, в частности, формирования способностей к познавательной деятельности, т. е. для



познавательного развития в его ценностном, мировоззренческом, интеллектуальном и деятельностно-методологическом аспектах, применялся метод анализа психолого-педагогической, методической и технической литературы зарубежных и отечественных авторов, авторитет и научная репутация которых признаны научным сообществом. Как убедительно доказано в работах выдающихся педагогов и психологов Выготского (см. Леонтьев, Лебедева и Костенко, 2017), Гальперина (2015), Границкой (Границкая, Унт и Шадриков, 2005), Рубинштейна (2012), Холодной (Kholodnaya & Emelin, 2015), освоение цифровых образовательных технологий и получение навыков моделирования способствуют формированию информационной картины мира (мировоззренческий аспект) и открывают перед субъектами познания новую ценность знания в обществе, где интеллектуальные виды деятельности играют ключевую роль (ценностный аспект).

Интеллектуальный аспект предполагает развитие когнитивных способностей, продуктивного воображения, мышления в различных формах и проявлениях. Деятельностно-методологический аспект поддерживает развитие познавательной деятельности, включающее в себя овладение методологией познавательной деятельности (Akcaoglu & Green, 2019), рационализацию и совершенствование путей и способов осуществления познавательной деятельности (Dhukaram, Sgourououlou, Feldman, & Amini, 2018), развитие способности управлять своей познавательной деятельностью (Paterson, 2017).

2. Исследование возможностей цифровых сред с функциями нелинейного представления информации для качественного анализа информации, искусственного интеллекта и принятия решений проводилось при помощи метода анализа конкретных практических исследований по когнитологии (Соловьёв, 2016; Tsvetkov, 2014) и интеллектуальному развитию средствами информатики (Gogoll & Uhl, 2018; Reynolds, 2016; Fengfeng Ke, 2016). Анализ этих работ позволяет утверждать, что значение цифровых ресурсов в контексте когнитивизма заключается не только в обработке информации, а в том, насколько развивается при этом модель мира человека и общества. В то же время инструменты информатики и когнитологии, что подтверждают и практические исследования Kartono, Suryadi, & Herman (2018), позволяют оценить адекватность применяемых моделей к реальной среде. Также выделим в качестве фундаментальных понятий когнитологии мышление, интеллектуальное развитие, психологию, коммуникацию, информационное моделирование и манипулирование, и интуитивное познание.

Таким образом, методы когнитологии обеспечивают возможность использования когнитивных технологий для активного построения картины мира. Наиболее эффективными в плане формирования форсайт-мышления



являются когнитивные модели, основу которых составляют: информационные модели, экспериментальная и практико-преобразовательская деятельность над информационными объектами (в ходе которой субъекты познают, осваивают методы информационного поиска и упорядочения информации), компьютерное моделирование и вычислительный эксперимент.

3. Проектирование персональной образовательной среды для интеллектуального развития проводилось на основе методологии Rapid Foresight, основные категории которой представлены в работе Smirnova (2016), и состояло из семи этапов:

- 1) подготовка моделирования: все действия, которые должны быть выполнены до начала когнитивной деятельности;
- 2) анализ: действия, которые используются для определения необходимых знаний пользователей, процессов и образа мира;
- 3) идея: действия, чтобы придумать идеи для когнитивных моделей и образа мира;
- 4) дизайн: проектирование подходов к когнитивным образам и создание прототипов;
- 5) реализация: внедрение технологии карты возможностей, основанной на нелинейном представлении информации для когнитивного моделирования;
- 6) оценка: оценка и тестирование технологии карты возможностей в перспективе на когнитивный образ будущего;
- 7) мониторинг: мониторинг познавательных способностей после внедрения когнитивной модели.

4. Выборка: экспериментальная оценка эффективности применения цифровых средств с возможностью нелинейного представления информации для когнитивного развития, формирования системного мышления и моделирования ответа вызовам и возможностям будущего, применения когнитивных инструментов для эффективного управления ими реализовывалась в рамках организации научно-исследовательской деятельности учащихся специальностей по психолого-педагогическим направлениям подготовки. В ходе эксперимента был проведен статистический анализ результатов применения когнитивной технологии и выполнена оценка целесообразности включения цифровых средств с возможностью нелинейного представления информации для подготовки специалистов таких профессий будущего, как «разработчик образовательных траекторий», «тренер по майнд-фитнесу», «разработчик инструментов обучения новым состояниям сознания». За проведение экспериментальной деятельности отвечал игропедагог как другой специалист профессий будущего.



Результаты

Проектирование персональной траектории интеллектуального развития человека эффективно реализуется инструментами когнитивных технологий и форсайт-методами. В цифровой среде при построении возможной картины мира результат проектирования представляется как когнитивная модель, основу которой составляют информационные модели, экспериментальная и практико-преобразовательская деятельность над информационными объектами (в ходе которой субъекты познают, осваивают методы информационного поиска и упорядочения информации), компьютерное моделирование и вычислительный эксперимент. Достижение этой цели, как обосновано в работах Reynolds (2018), Plack et al. (2018), позволяет адаптировать среду познания, наделить ее гибкостью и обеспечить трансформацию ее компонентов в соответствии с целями, содержанием и запланированными результатами развития, потребностями и способностями человека, формировать при этом индивидуальные траектории для формирования возможного будущего.

Задача создания индивидуальных траекторий познания и развития, что всё чаще и активнее реализуется в современных зарубежных исследованиях (Jorge & Paredes, 2018; Randle, Stroink, 2018; Spanoudis, Demetriou, Kazi, Giorgala, & Zenonos, 2015), может быть решена за счет использования электронных ресурсов и инструментов для их разработки, обладающих необходимым для этого потенциалом, а именно возможностью нелинейного представления информации. Как показал анализ соответствующих программных инструментов, выполненный Соболевой и Караваевым (2017), такой возможностью обладает целый ряд средств обучения с применением цифровых технологий: текстовые лабиринты, образовательные квесты, ментальные карты, диалоговые тренажеры, разветвленные тесты и др.

Для того чтобы максимально полно охватить весь спектр когнитивных процессов и описать различные типы знания, которые формирует человек в процессе познания и прохождения траектории развития внутри такой среды, выбрана фантазийно-ролевая игра World of Classcraft (далее Classcraft). Согласно правилам Classcraft, подробно на дидактическом уровне описанным в работах Соболевой, Караваева и Перевозчиковой (2017), Seaborn & Fels (2015), субъекты игры должны выбрать тип персонажа и разделиться на команды. Всего доступно три типа объектов: воин, маг и целитель. У каждого типа есть свои способности и особенности. Каждый персонаж имеет очки опыта, количество жизней и маны, а также различные специальные приемы, которые выдаются ему с повышением уровня. Участники могут повышать свой уровень и зарабатывать новые способности за счет различных достижений (например, при выполнении удачного опыта, победе в научном турнире или творческом конкурсе). Полученные ими способности позволяют, например, воспользоваться



дополнительным источником информации, узнать часть входных данных для эксперимента и др. Замечания по научно-исследовательской деятельности, наоборот, приведут персонажа к негативным для него событиям (например, сокращение времени для анализа). Кроме того, в среде предусмотрены и случайные события, которые не зависят от участников игры. В процессе когнитивной деятельности игропедагог раздает очки опыта за активную познавательную деятельность, междотраслевую коммуникацию, успешное управление проектом или же единицы урона тем, кто недостаточно клиентоориентирован или не оптимально отбирает инструменты и методы.

Функциональные возможности цифровой среды, обладающие потенциалом в плане формирования форсайт-мышления:

- колесо судьбы – случайный участник (команда) может получить награду за успешную познавательную деятельность;
- случайное событие – в начале каждого цикла познания игропедагог генерирует случайное событие, которое отразится на всей команде (можно добавлять случайные события в настройках);
- битва боссов – опрос для участников в формате битвы, в ходе которой, отвечая правильно, команды набирают баллы, а босс их теряет;
- перевал белой горы – таймер для ограничения когнитивной деятельности, при этом игропедагог может задать любой временной интервал;
- лесная тропа – это секундомер, который можно применять при выполнении работ на скорость (например, придумать решение/идею в какой-либо ситуации).
- квесты – последовательное выполнение заданий при прохождении траектории;
- сообщения – есть возможность отправлять сообщения всей команде либо индивидуально (например, выслать индивидуальное задание);
- аналитика – анализ когнитивной деятельности участника как одна из функций контроля, просмотр статистики, отслеживание прогресса для каждого субъекта познания.

В представленном исследовании когнитивное моделирование в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации является для субъекта познания источником знания трех типов:

1. Знание 1-го типа – это знание, конструируемое в результате восприятия и обработки информации содержательного (знаниевого) характера; это фактический материал, сведения, которые необходимо усвоить (декларативные знания), а также инструктивный материал, описание методов и приемов деятельности, которую требуется освоить (процедурные знания). Знание этого типа не является простым усвоением и запоминанием информации – субъект конструирует собственную, личную систему знаний. Это не пассивное хранение



информации в памяти, а активный, перманентный преобразовательный процесс, в ходе которого накопленные знания непрерывно проверяются и изменяются под влиянием внешних и внутренних обстоятельств.

2. Знание 2-го типа – это знание, полученное из эксперимента, т. е. при работе с информацией исследовательского (познавательного) характера. Источником такого знания является экспериментальная работа при изучении естественных наук – как демонстрационный эксперимент (как правило), так и самостоятельно выполняемый опыт (значительно реже). При использовании цифровых ресурсов получение знания 2-го типа наиболее характерно для моделирования и манипулирования информационными объектами, хотя возможно и в ходе работы в виртуальных лабораториях.

3. Знание 3-го типа – это метазнание, или рефлексивное, ориентировочное знание, т. е. знание человека о самом себе, о собственном знании, знание о правильности выбранного пути деятельности, выполняемых действий и т. д.

Таким образом, в ходе информационной коммуникации и командной когнитивной деятельности между участниками игры происходит живое сотрудничество и понимание технологий, процессов в разных смежных и несмежных отраслях. Такая технология моделирования траектории познания, и это подтверждают результаты Семёнова (2015), Холодной (Kholodnaya & Emelin, 2015), Филевой (2016), стимулирует когнитивный процесс, потому что участники осознают, благодаря каким своим действиям они приближаются к запланированной цели или почему выполняют дополнительный анализ, реализуют новый комплекс мер по решению проблемы.

Для оценки эффективности технологии построения персональной образовательной среды как основы карты возможностей при получении профессий будущего был проведен статистический анализ результатов когнитивной деятельности и выполнена оценка повышения качества познавательного процесса в отношении развития логико-алгоритмического и системно-комбинаторного стилей мышления, формирования умений формализации и структурирования информации. Были сформулированы следующие показатели: количество обращений за помощью к игропедагогу в процессе выполнения когнитивной деятельности; верная интерпретация сообщений программной среды (сообщений об ошибках); успешное самостоятельное решение проблемных ситуаций (5 задач); умение сделать верные выводы по результатам выполнения научно-исследовательской работы.

В эксперименте были задействованы 210 учащихся специальностей по психолого-педагогическим направлениям подготовки с ориентацией на над-профессиональные компетенции специалистов профессий будущего. Были определены контрольная (107 учащихся) и экспериментальная (103 учащихся) группы. В составе экспериментальной группы 76,8 % девушек и 23,2 % юношей,



средний возраст составляет 20 лет. Анализ результатов познавательной деятельности и уровня форсайт-исследований представлен в таблице 1.

Таблица 1 Результаты экспериментальной оценки				
Table 1 Experimental assessment				
<u>Уровень</u> <u>когнитивного</u> <u>развития</u> <u>Level of cognitive</u> <u>development</u>	<u>Количество испытуемых</u> <u>Participants</u>			
	Экспериментальная группа (103 учащихя) Experimental group (103 students)		Контрольная группа (107 учащихя) Control group (107 students)	
Очень низкий Extremely low	4 (4%)	0	0	0
Низкий Low	16 (16%)	0	11 (12%)	3 (3%)
Средний Average	63 (63%)	45 (45%)	65 (64,5%)	71 (71%)
Высокий High	17 (17%)	44 (44%)	24 (23,5%)	26 (26%)
Очень высокий Extremely high	0	11 (11%)	0	0

Эксперимент убедительно показал, что визуальное цифровое представление траектории развития в виде модели-маршрута, последовательно приводящего к выбранной цели с акцентом на согласовании временных координат событий и действий, способствует реализации субъектом познания



собственной, соответствующей его типу мышления, образовательной траектории, что является одним из приоритетов современного образования (Исупова и Суворова, 2018).

Обсуждение результатов

Важно, что с каждым описанным в результатах типом знания субъект получает возможность работать по-разному.

Основные виды деятельности (действия), которые выполняет человек при формировании знания 1-го типа, – восприятие (выслушать, увидеть, прочитать), первичное осмысление, запоминание, встраивание в тезаурус, применение для объяснения явлений окружающего мира или для выполнения практической работы.

С применением цифровых сред добавляется новый тип источника знания – электронные ресурсы самых различных видов. Также добавляется новый вид деятельности – информационный поиск, сопряженный с оценкой найденной информации, ее отбором, структурированием и формулированием. Конструирование знания 1-го типа и связанные с этим виды деятельности реализуются в изучении различных когнитивных процессов.

Моделирование в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации обеспечивает возможность для самостоятельного экспериментирования и получения навыков теоретического и творческого мышления. При этом объекты компьютерного эксперимента те же, с которыми в реальности работают ИТ-специалисты: текст (гипертекст), изображение, электронная (динамическая) таблица, база данных, web-страница, компьютерная программа, инструментальная среда, операционная среда и т. д. Знания об их назначении, структуре, характере поведения, технике взаимодействия с ними субъект познания получает как при восприятии информации в готовом виде (при формировании знания 1-го типа), так и в результате собственной практико-преобразовательской и экспериментальной работы с ними (при выработке знания 2-го типа).

В качестве основных видов деятельности, выполняемых при моделировании в цифровых средах с возможностью нелинейного представления информации в контексте методологии форсайт-исследований, отметим практико-преобразовательскую и экспериментальную работу.

Когнитивная деятельность в ходе преобразования информационных объектов – выполнить рекомендуемые действия (указания, предписания, взятые из инструктивного или справочного материала); наблюдать поведение исследуемого информационного объекта; сопоставить воздействия на объект и условия, в которых они выполнялись, с реакцией объекта на воздействие; выбрать и запомнить наиболее успешные воздействия на объект.



Когнитивная деятельность в ходе эксперимента – поставить цель (определить желаемый результат деятельности); найти (прочитать, услышать, увидеть, придумать) способ получения желаемого результата; реализовать найденный способ (выполнить действия); оценить полученный результат и степень его соответствия желаемому; выявить причину несоответствия; найти способ ее устранения; повторять весь цикл до получения нужного результата.

Перечисленные виды когнитивной деятельности позволяют активизировать процесс познания, побуждают к самостоятельному поиску способов получения результата, способствуют сознательному усвоению нового знания и запоминанию его на длительный срок. Именно они представляются наиболее ценными для получения профессии будущего и соответствующего стиля мышления.

Получение знания 2-го типа также тесно связано с экспериментальной и практико-преобразовательской работой, работает на реализацию многоэтапного процесса формирования форсайт-мышления. Эксперимент показал, что воздействие на объект манипулирования порождает реакцию цифровой среды с возможностью нелинейного представления информации, которая, с одной стороны, несет информацию о поведении и характеристиках изучаемого объекта, а с другой стороны, сообщает человеку информацию о нем самом – достигнутом уровне знания и компетентности, правильности выбранного пути решения проблемы, правильности выполнения действий и т. д.

При этом основные виды когнитивной деятельности при конструировании знания 3-го типа – это критическое осмысление, анализ и оценка своей деятельности, корректировка ее выполнения, как на уровне отдельных действий, так и на уровне общего плана деятельности, отбор и запоминание способов действий, имеющих положительный результат, оценка условий и границ их применимости. Каждый из перечисленных видов деятельности также поддерживает многоэтапный процесс формирования форсайт-мышления.

Обобщая полученные результаты, заключаем, что обогащение информационных потоков и активизация познавательной деятельности участников процесса познания обуславливают дополнительные условия для внедрения новых инструментов применения когнитивных технологий при построении картины мира.

В представленной работе выделены только некоторые психологические факторы и условия, способствующие построению персональной траектории развития и формированию когнитивной картины мира, адекватной вызовам общества и образования.

Далее планируется реализовать обобщенный алгоритм проектирования карты возможностей, который позволит сравнивать сильные стороны субъекта познания (качества, компетенции) с востребованными компетенциями профессии будущего (специальности), а слабые стороны – с невостребованными.



Как следствие, траектория прохождения карты автоматически будет разветвляться, индивидуализироваться для каждого обучающегося. Отдельным этапом проектирования персональной среды будет выделен выбор профессий будущего по совпадению психологических особенностей и требований профессий (интроверт/экстраверт; процессник/результативник; одиночка или командный игрок; внешняя или внутренняя референция).

Таким образом, карта возможностей будет мощным фактором когнитивного развития, одной из основных структурных единиц индивидуальной траектории познания и обучения человека для подготовки к вызовам будущего.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10053) «Научное обоснование алгоритма применения технологии карты возможностей в обучении робототехнике для подготовки специалистов профессий будущего» (руководитель – Н. Л. Караваев).

Acknowledgments

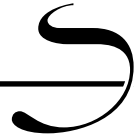
Supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-78-10053, “Theoretical justification of the algorithm for use of the technique of the map of opportunities in robotics classes with a view of training professionals of specialties of the future”).

Литература

- Гальперин П. Я.* Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет», 2015. 400 с.
- Границкая А. С., Унт И., Шадриков В. Д.* Технологии индивидуализации обучения // Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. М.: Народное образование, 2005. С. 224–240.
- Исупова Н. И., Суворова Т. Н.* Создание системы учебных ситуаций с использованием текстового лабиринта // Информатика и образование. 2018. № 4. С. 37–41.
- Караваев Н. Л., Соболева Е. В.* Анализ программных сервисов и платформ, обладающих потенциалом для геймификации обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 8. С. 14–25. DOI: [10.24422/mcito.2017.8.6960](https://doi.org/10.24422/mcito.2017.8.6960)
- Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Костенко В. Ю.* Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112. DOI: [10.17323/1814-9545-2017-2-98-112](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112)
- Ненашев М. И., Окулов С. М., Юлов В. Ф.* О развитии интеллекта школьника в процессе изучения информатики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 3, № 3. С. 64–68.



- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
- Семёнов Д. С. Психологические предикторы прогнозирования профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 19). С. 4333–4335.
- Соболева Е. В., Караваев Н. Л., Перевозчикова М. С. Совершенствование содержания подготовки учителей к разработке и применению компьютерных игр в обучении // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 6. С. 54–70. DOI: [10.15293/2226-3365.1706.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.04)
- Соловьёв И. В. Картина мира как когнитивная парадигма // Образовательные ресурсы и технологии. 2016. № 1 (13). С. 96–102. DOI: [10.21777/2500-2112-2016-1-96-102](https://doi.org/10.21777/2500-2112-2016-1-96-102)
- Тимченко В. В. Форсайт-философия: основные категории // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 6. С. 209–212.
- Филева А. А. Формирование карты образовательных возможностей при работе с различными категориями детей // Молодой ученый. 2016. № 19.1. С. 35–38.
- Akcaoglu M., Green L. S. Teaching systems thinking through game design // Educational Technology Research and Development. 2019. Vol. 67, Issue 1. P. 1–19. DOI: [10.1007/s11423-018-9596-8](https://doi.org/10.1007/s11423-018-9596-8)
- Asmolov A. G. Activity as reality in defining people and activity as a cognitive construct. Activity and the activity approach to understanding people: The historical meaning of the crisis of cultural-activity psychology // Russian Education & Society. 2015. Vol. 57, Issue 9. P. 731–756. DOI: [10.1080/10609393.2015.1125706](https://doi.org/10.1080/10609393.2015.1125706)
- Bishop P., Hines A. Thinking about the future: Guidelines for strategic foresight. Washington: Social Technologies, 2006. 242 p.
- Crosslin M. Exploring self-regulated learning choices in a customisable learning pathway MOOC // Australasian Journal of Educational Technology. 2018. Vol. 34, № 1. P. 131–144. DOI: [10.14742/ajet.3758](https://doi.org/10.14742/ajet.3758)
- Dhukaram A. V., Sgouropoulou C., Feldman G., Amini A. Higher education provision using systems thinking approach – case studies // European Journal of Engineering Education. 2018. Vol. 43, Issue 1. P. 3–25. DOI: [10.1080/03043797.2016.1210569](https://doi.org/10.1080/03043797.2016.1210569)
- Fengfeng Ke. Designing and integrating purposeful learning in game play: a systematic review // Educational Technology Research and Development. 2016. Vol. 64, Issue 2. P. 219–244. DOI: [10.1007/s11423-015-9418-1](https://doi.org/10.1007/s11423-015-9418-1)
- Gogoll J., Uhl M. Rage against the machine: Automaton in the moral domain // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2018. Vol. 74. P. 97–103. DOI: [10.1016/j.socec.2018.04.003](https://doi.org/10.1016/j.socec.2018.04.003)
- Jorge J., Paredes R. Passive-Aggressive online learning with nonlinear embeddings // Pattern Recognition. 2018. Vol. 79. P. 162–171. DOI: [10.1016/j.patcog.2018.01.019](https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.01.019)



- Kartono, Suryadi D., Herman T.* Non-linear learning in online tutorial to enhance students' knowledge on normal distribution application topic // *Journal of Physics: Conference Series*. 2018. Vol. 948. DOI: [10.1088/1742-6596/948/1/012003](https://doi.org/10.1088/1742-6596/948/1/012003)
- Kholodnaya M. A., Emelin A.* Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. Vol. 8 (4). P. 101–113. DOI: [10.11621/pir.2015.0409](https://doi.org/10.11621/pir.2015.0409)
- Paterson R. E.* Intuitive cognition and models of human–automaton interaction // *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. 2017. Vol. 59, Issue 1. P. 101–115. DOI: [10.1177/0018720816659796](https://doi.org/10.1177/0018720816659796)
- Plack M. M., Goldman E. F., Scott A. R., Pintz C., Herrmann D., Kline K., Thompson T., Brundage S. B.* Systems thinking and systems-based practice across the health professions: An inquiry into definitions, teaching practices, and assessment // *Teaching and Learning in Medicine*. 2018. Vol. 30, Issue 3. P. 242–254. DOI: [10.1080/10401334.2017.1398654](https://doi.org/10.1080/10401334.2017.1398654)
- Randle J. M., Stroink M. L.* The development and initial validation of the paradigm of systems thinking // *Systems Research and Behavioral Science*. 2018. Vol. 35, Issue 6. P. 645–657. DOI: [10.1002/sres.2508](https://doi.org/10.1002/sres.2508)
- Reynolds R.* Defining, designing for, and measuring “social constructivist digital literacy” development in learners: a proposed framework // *Educational Technology Research and Development*. 2016. Vol. 64, Issue 4. P. 735–762. DOI: [10.1007/s11423-015-9423-4](https://doi.org/10.1007/s11423-015-9423-4)
- Seaborn K., Fels D. I.* Gamification in theory and action: A survey // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2015. Vol. 74. P. 14–31. DOI: [10.1016/j.ijhcs.2014.09.006](https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2014.09.006)
- Sgouropoulou C., Voyiatzis I., Koutoumanos A., Hamdioui S., Pouyan P., Comte M., Prinetto P., Airò Farulla G., Ellervee P., Delgado Kloos C., Crespo Garcia R.* Standards-based tools and services for building lifelong learning pathways // *IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)*. Athens: IEEE, 2017. P. 1619–1621. DOI: [10.1109/EDUCON.2017.7943065](https://doi.org/10.1109/EDUCON.2017.7943065)
- Smirnova O. O.* Methodology of foresight studies of the socio-economic system of rural areas as a problem of social philosophy // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Vol. 5. № 6В. P. 300–307.
- Spanoudis G., Demetriou A., Kazi S., Giorgala K., Zenonos V.* Embedding cognizance in intellectual development // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2015. Vol. 132. P. 32–50. DOI: [10.1016/j.jecp.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.jecp.2014.12.003)
- Tsvetkov V. Ya.* Dichotomic assessment of information situations and information superiority // *European Researcher*. 2014. Vol. 86, № 11-1. P. 1901–1909. DOI: [10.13187/er.2014.86.1901](https://doi.org/10.13187/er.2014.86.1901)



References

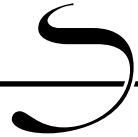
- Akcaoglu, M., & Green, L. S. (2019). Teaching systems thinking through game design. *Educational Technology Research and Development*, 67(1), 1–19. doi: [10.1007/s11423-018-9596-8](https://doi.org/10.1007/s11423-018-9596-8)
- Asmolov, A. G. (2015). Activity as reality in defining people and activity as a cognitive construct. Activity and the activity approach to understanding people: The historical meaning of the crisis of cultural-activity psychology. *Russian Education & Society*, 57(9), 731–756. doi: [10.1080/10609393.2015.1125706](https://doi.org/10.1080/10609393.2015.1125706)
- Bishop, P., & Hines, A. (2006). *Thinking about the future: Guidelines for strategic foresight*. Washington: Social Technologies.
- Crosslin, M. (2018). Exploring self-regulated learning choices in a customisable learning pathway MOOC. *Australasian Journal of Educational Technology*, 34(1), 131–144. doi: [10.14742/ajet.3758](https://doi.org/10.14742/ajet.3758)
- Dhukaram, A. V., Sgouropoulou, C., Feldman, G., Amini, A. (2018). Higher education provision using systems thinking approach – case studies. *European Journal of Engineering Education*, 43(1), 3–25. doi: [10.1080/03043797.2016.1210569](https://doi.org/10.1080/03043797.2016.1210569)
- Fengfeng, Ke. (2016). Designing and integrating purposeful learning in game play: A systematic review. *Educational Technology Research and Development*, 64(2), 219–244. doi: [10.1007/s11423-015-9418-1](https://doi.org/10.1007/s11423-015-9418-1)
- Fileva, A. A. (2016). Forming a map of educational opportunities when working with various categories of children. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*, 19(1), 35–38. (in Russ.).
- Gal'perin, P. Ya. (2015). *Lectures on psychology*. Moscow: Knizhnyi dom "Universitet". (in Russ.).
- Gogoll, J., & Uhl, M. (2018). Rage against the machine: Automaton in the moral domain. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 74, 97–103. doi: [10.1016/j.socec.2018.04.003](https://doi.org/10.1016/j.socec.2018.04.003)
- Granitskaya, A. S., Unt, I., & Shadrnikov, V. D. (2005). Technologies for individualizing learning. In G. K. Selevko *Encyclopedia of educational technologies*: Vol. 1 (pp. 224–240). Moscow: Narodnoe obrazovanie. (in Russ.).
- Isupova, N. I., & Suvorova, T. N. (2018). Creating the system of learning situations with the use of text labyrinth. *Informatika i obrazovanie (Informatics and Education)*, 4, 37–41. (in Russ.).
- Jorge, J., & Paredes, R. (2018). Passive-Aggressive online learning with non-linear embeddings. *Pattern Recognition*, 79, 162–171. doi: [10.1016/j.patcog.2018.01.019](https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.01.019)
- Karavaev, N. L., & Soboleva, E. V. (2017). Analysis of software services and platforms that have the potential for gamification of the educational process. *Koncept: Scientific and Methodological e-magazine*, 8, 14–25. doi: [10.24422/mcito.2017.8.6960](https://doi.org/10.24422/mcito.2017.8.6960) (in Russ.).



- Kartono, Suryadi, D., & Herman, T. (2018). Non-linear learning in online tutorial to enhance students' knowledge on normal distribution application topic. *Journal of Physics: Conference Series*, 948. doi: [10.1088/1742-6596/948/1/012003](https://doi.org/10.1088/1742-6596/948/1/012003)
- Kholodnaya, M. A., & Emelin, A. (2015). Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8 (4), 101–113. doi: [10.11621/pir.2015.0409](https://doi.org/10.11621/pir.2015.0409)
- Leont'ev, D. A., Lebedeva, A. A., & Kostenko, V. Yu. (2017). Trajectories of personal development: Reconstruction of L. S. Vygotsky's views. *Voprosy obrazovaniya (Educational Studies Moscow)*, 2, 98–112. doi: [10.17323/1814-9545-2017-2-98-112](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112) (in Russ.)
- Nenashev, M. I., Okulov, S. M., & Yulov, V. F. (2012). Development of secondary school students' intellect in the process of studying informatics. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta (Herald of Vyatka State University of Humanities)*, 3(3), 64–68. (in Russ.)
- Paterson, R. E. (2017). Intuitive cognition and models of human–automaton interaction. *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 59(1), 101–115. doi: [10.1177/0018720816659796](https://doi.org/10.1177/0018720816659796)
- Plack, M. M., Goldman, E. F., Scott, A. R., Pintz, C., Herrmann, D., Kline, K., Thompson, T., & Brundage, S. B. (2018). Systems thinking and systems-based practice across the health professions: An inquiry into definitions, teaching practices, and assessment. *Teaching and Learning in Medicine*, 30(3), 242–254. doi: [10.1080/10401334.2017.1398654](https://doi.org/10.1080/10401334.2017.1398654)
- Randle, J. M., & Stroink, M. L. (2018). The development and initial validation of the paradigm of systems thinking. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 645–657. doi: [10.1002/sres.2508](https://doi.org/10.1002/sres.2508)
- Reynolds, R. (2016). Defining, designing for, and measuring “social constructivist digital literacy” development in learners: A proposed framework. *Educational Technology Research and Development*, 64(4), 735–762. doi: [10.1007/s11423-015-9423-4](https://doi.org/10.1007/s11423-015-9423-4)
- Rubinshtein, S. L. (2012). *Being and consciousness*. St. Petersburg: Piter. (in Russ.)
- Seaborn, K., & Fels, D. I. (2015). Gamification in theory and action: A survey. *International Journal of Human-Computer Studies*, 74, 14–31. doi: [10.1016/j.ijhcs.2014.09.006](https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2014.09.006)
- Semenov, D. S. (2015). Psychological predictors for prediction of professional activity. *Fundamental'nye issledovaniya (Fundamental Research)*, 2(19), 4333–4335. (in Russ.)
- Sgouropoulou, C., Voyiatzis, I., Koutoumanos, A., Hamdioui, S., Pouyan, P., Comte, M., Prinetto, P., Airò Farulla, G., Ellervee, P., Delgado Kloos, C., & Crespo Garcia, R. (2017). Standards-based tools and services for building lifelong learning pathways. *IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)*, 1619–1621. Athens: IEEE. doi: [10.1109/EDUCON.2017.7943065](https://doi.org/10.1109/EDUCON.2017.7943065)



- Smirnova, O. O. (2016). Methodology of foresight studies of the socio-economic system of rural areas as a problem of social philosophy. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 5(6B), 300–307.
- Soboleva, E. V., Karavaev, N. L., Perevozchikova, M. S. (2017). Improving the content of teacher training for the development and use of computer games in the learning process. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin)*, 7(6), 54–70. doi: [10.15293/2226-3365.1706.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.04) (in Russ.).
- Solov'ev, I. V. (2016). Picture of the world as the cognitive paradigm. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii (Education Resources and Technologies)*, 1(13), 96–102. doi: [10.21777/2500-2112-2016-1-96-102](https://doi.org/10.21777/2500-2112-2016-1-96-102) (in Russ.).
- Spanoudis, G., Demetriou, A., Kazi, S., Giorgala, K., & Zenonos, V. (2015). Embedding cognizance in intellectual development. *Journal of Experimental Child Psychology*, 132, 32–50. doi: [10.1016/j.jecp.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.jecp.2014.12.003)
- Timchenko, V. V. (2010). Foresight philosophy: The main categories. *Vestnik Universiteta*, 6, 209–212. (in Russ.).
- Tsvetkov, V. Ya. (2014). Dichotomic assessment of information situations and information superiority. *European Researcher*, 86(11-1), 1901–1909. doi: [10.13187/er.2014.86.1901](https://doi.org/10.13187/er.2014.86.1901)



УДК 159.9.072

doi: [10.21702/rpj.2019.2.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.8)

Связь внутригрупповых идентичностей работников с их вкладом в деятельность малой группы: роль включенности – не включенности в подгруппы

Андрей В. Сидоренков^{1*}, Екатерина С. Сальникова¹, Евгений Ф. Бороховский²

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Университет Конкордия, г. Монреаль, Канада

* E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Проведено относительно большое количество исследований связи организационной идентификации работников с разными формами их организационного поведения, которые непосредственно не связаны с их трудовыми обязанностями. Исследования незначительно затрагивают или вовсе не учитывают некоторые аспекты идентификации работников и их поведение в контексте группы. Целью данного исследования является изучение связи групповой, микрогрупповой и межличностной идентичностей по трем компонентам (когнитивному, аффективному и поведенческому) с вкладом работников в деятельность производственных групп в зависимости от их включенности и не включенности в неформальные подгруппы.

Методы. Формализованный алгоритм выделения неформальных подгрупп в группе, опросник межличностной идентичности и опросник микрогрупповой и групповой идентичности, шкала вклада в групповую деятельность – эти методы включены в компьютерную технологию «Групповой профиль – Универсал», и обследование участников с последующей первичной обработкой данных осуществлялось посредством этой технологии.

Результаты. Микрогрупповая аффективная идентичность членов подгрупп положительно связана с их вкладом в групповую деятельность, а групповая когнитивная и аффективная идентичность и межличностная аффективная идентичность не включенных в подгруппы членов – с их вкладом в группу. Дополнительно выявлены две нелинейные (квадратичные) связи межличностной и групповой поведенческой идентичностей членов подгрупп с их вкладом в групповую деятельность. Такая связь является более значимой для межличностной, чем групповой идентичности.

Обсуждение результатов. Проинтерпретированы обнаруженные связи между идентичностью и вкладом работников, включенных и не включенных в неформальные подгруппы.

Заключение. Сделаны выводы об особенностях выявленных связей, а также указана перспектива дальнейших исследований: выявление промежуточных переменных



в связи между уровнями и компонентами идентичности, с одной стороны, и вкладом в группу/подгруппу, с другой.

Ключевые слова

малая группа, неформальная подгруппа, идентификация, уровни идентичности, компоненты идентичности, групповая идентичность, микрогрупповая идентичность, межличностная идентичность, организационное поведение, вклад в деятельность

Основные положения

- ▶ в исследовании связи между идентичностью и вкладом работников в групповую деятельность необходимо принимать во внимание, во-первых, разные уровни и компоненты их идентичности в группе; во-вторых, их позицию в структуре группы, т. е. включенность – не включенность в подгруппу;
- ▶ вклад членов неформальных подгрупп в деятельность группы линейно связан с микрогрупповой идентичностью (т. е. идентификацией с подгруппой и нелинейно – с межличностной и групповой идентичностью);
- ▶ вклад «самостоятельных» членов имеет линейную связь с межличностной и групповой идентичностями;
- ▶ аффективный компонент идентичности играет более весомую роль (особенно по сравнению с поведенческим компонентом) в связи уровней идентичности с вкладом работников в жизнедеятельность группы.

Для цитирования

Сидоренков А. В., Сальникова Е. С., Бороховский Е. Ф. Связь внутригрупповых идентичностей работников с их вкладом в деятельность малой группы: роль включенности – не включенности в подгруппы // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 142–163. doi: 10.21702/rpj.2019.2.8

Материалы статьи получены 25.02.2019

UDC 159.9.072

doi: [10.21702/rpj.2019.2.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.8)

The Relationship Between Employees' Intra-group Identities and Their Contribution to Small Group Activities: The Role of Subgroup Membership/ Non-membership

Andrei V. Sidorenkov^{1*}, Ekaterina S. Sal'nikova¹, Eugene F. Borokhovski²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Concordia University, Montreal, Canada

* Corresponding author. E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru



Abstract

Introduction. Much research is focused on the relationship between employees' organizational identifications and various forms of their organizational behavior that are not directly related to their work responsibilities. However, previous research efforts have not taken into account certain aspects of employees' identifications and their behaviour in the context of groups. The present study addresses the relationship between employees' group, microgroup, and interpersonal identities by three components (cognitive, affective, and behavioral) and their contribution to production group activities depending on their membership/non-membership in informal subgroups.

Methods. The study employed (a) the formalized algorithm for identifying informal subgroups in groups, (b) the interpersonal identity questionnaire, (c) the microgroup and group identity questionnaire, and (d) the contribution to group activities scale. All these techniques were embodied in the Group Profile–Universal computer program. The authors used this computer technique to conduct a survey of study participants and to carry out the primary data processing.

Results. Microgroup affective identities of subgroup members correlate positively with their contribution to group activities. Group cognitive and affective identities and interpersonal affective identities of subgroup non-members are positively related to their contribution to group activities. Additionally, the study demonstrated two nonlinear (quadratic) relationships between interpersonal and group behavioural identities of subgroup members and their contribution to group activities; this relationship was more significant for group identities, than for interpersonal ones.

Discussion. The authors interpret the relationship between employees' identities and their contribution to group activities depending on their membership/non-membership in informal subgroups.

Conclusion. The authors draw conclusions about the characteristics of the relationship examined in the present study. Further research will be required to investigate intermediate variables in the relationship between the levels and components of identities on the one hand, and the contribution to group/subgroup activities on the other.

Keywords

small group, informal subgroup, identification, identity levels, identity components, group identity, microgroup identity, interpersonal identity, organizational behavior, contribution to activities

Highlights

► When studying the relationship between employees' identities and their contribution to group activities, one should consider (a) different levels and components of their identities in groups and (b) their position in a group structure (i. e. whether they are subgroup members/non-members).



- ▶ The contribution of the members of informal subgroups to group activities has a linear relationship with microgroup identities (i. e., identification with a subgroup) and a nonlinear one with interpersonal and group identities.
- ▶ The contribution of 'independent' members has a linear relationship with interpersonal and group identities.
- ▶ In the relationship between identity levels and employees' contribution to group activities an affective component of identity is more important than a behavioral one.

For citation

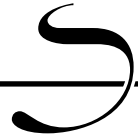
Sidorenkov, A. V., Sal'nikova, E. S., Borokhovski, E. F. (2019). The Relationship Between Employees' Intra-group Identities and Their Contribution to Small Group Activities: The Role of Subgroup Membership/Non-membership. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 142–163. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.8

Original manuscript received 25.02.2019

Введение

Организационное поведение работников является важным фактором эффективности и конкурентоспособности организаций (предприятий, учреждений) и их структурных подразделений (N. P. Podsakoff, Whiting, P. M. Podsakoff, & Blume, 2009). Отдельное внимание уделяют формам поведения, которые непосредственно не связаны с должностными обязанностями и выполнением профессиональной роли, таким как организационное гражданское поведение (в некоторых схожих формулировках) (Organ, 1988, 1990), экстра-ролевое поведение (Van Dyne, Cummings, & Parks, 1995), контекстное выполнение (Borman & Motowidlo, 1993) и организационная спонтанность (George & Brief, 1992).

Конструкты, отображающие эти формы поведения, пересекаются между собой, и актуальной остается проблема их сравнительного анализа, который позволил бы четко выделить сходства и различия между ними (P. M. Podsakoff, MacKenzie, Paine, & Bachrach, 2000). Более того, выделен ряд конкретных аспектов (измерений) той или иной формы организационного поведения. Так, Орган (1988) первоначально предложил пятифакторную модель организационного гражданского поведения (ОГП), включающую такие аспекты, как альтруизм, предупредительность, добросовестность, гражданскую активность и спортивный дух, а позже расширил эту модель, добавив еще два измерения: миротворчество и поддержка (достижений и профессионального развития) коллег (Organ, 1990). Борман выделил трехфакторную модель контекстного выполнения, состоящую из «персональной поддержки, организационной поддержки и добросовестной инициативы» (Borman et al., 2001, с. 967).



Впоследствии не все модели нашли эмпирически убедительную поддержку. Например, пятифакторная модель ОГП была либо полностью (Moorman, 1991) или частично (Neves, Paixão, Alarcão, & Gomes, 2014) подтверждена, либо расширена по количеству и трансформирована по содержанию одних переменных (Farh, Zhong, & Organ, 2004), и опровергнута *по содержанию* других (LePine, Erez, & D. E. Johnson, 2002). В последнем случае было обнаружено, что пять измерений тесно коррелируют друг с другом, из чего был сделан вывод, что ОГП лучше рассматривать как одномерный, а не многомерный конструкт. Надо отметить, что количество аспектов ОГП постоянно возрастает, и еще к началу 2000-х гг. их насчитывалось около 30 (P. M. Podsakoff et al., 2000). (Учитывая то обстоятельство, что в литературе чаще используется термин ОГП, в данной статье он будет применяться в широком значении, охватывая иные указанные формы организационного поведения, тем более что между ними нет четкого различия.) ОГП может быть направлено на других людей или организацию в целом. К первому относятся альтуризм, предупредительность, миротворчество, межличностная помощь и др., а ко второму – добросовестность, гражданская активность, спортивный дух, лояльность организации, высказывание предложений и др. (N. P. Podsakoff et al., 2009).

Выделяют разные предикторы ОГП (Гулевич, 2013; Jahangir, Akbar, & Naq, 2004), среди которых внимание обращают на идентификацию работников. При этом большая часть исследований направлена на изучение связи организационной идентификации сотрудников с их поведением на уровне организации. Как обнаружено в метааналитических исследованиях, такая связь является значимой и положительной, и более высокой, чем связь идентификации с ролевым поведением (P. M. Podsakoff et al., 2000; Lee, Park, & Koo, 2015). В самых последних эмпирических исследованиях также была показана роль организационной идентификации в экстраролевом (Wilkins, Butt, & Annabi, 2018) и организационном гражданском (Matherne, Ring, & S. Farmer, 2018; Nguyen, Chang, Rowley, & Japutra, 2016; Uzun, 2018) поведении.

Вместе с тем, надо принимать во внимание ОГП, не только адресованное всей организации или отдельным работникам (без четкого разделения их принадлежности к определенным организационным структурам), но и в контексте интруппы. В последнем случае ОГП будет обусловлено не столько идентификацией работников с организацией в целом, сколько их идентификацией со своей рабочей группой (групповая идентификация), неформальными подгруппами (микрорупповая идентификация) и другими членами (межличностная идентификация) в группе. Это тем более обосновано, что люди склонны сильнее идентифицировать себя со своим малым трудовым коллективом (например, отделом или бригадой), чем со всей организацией (Ellemer, De Gilder, & Haslam, 2004; Riketta & Van Dick, 2005). Исследования в этих ракурсах встречаются заметно

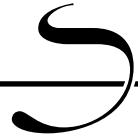


реже. Установлено, что командная (групповая) идентификация государственных служащих и сотрудников университета положительно коррелировала с вовлеченностью в работу (Van Knippenberg & Van Schie, 2000), бухгалтеров банка – со спортивным духом и предупредительностью (Van Dick, Wagner, Stellmacher, & Christ, 2004), учителей школ – с помогающим поведением (Christ, Van Dick, Wagner, & Stellmacher, 2003), работников промышленных предприятий и учителей школ – с взаимопомощью и сверхурочной работой (Климов, 2015).

К сожалению, этим исследованиям свойственен ряд ограничений. Во-первых, групповая идентификация представляет собой многомерный феномен, включающий некоторые компоненты, например, когнитивный, аффективный и поведенческий источники (Henry, Arrow, & Carini, 1999), аффективный, когнитивный и взаимозависимость «индивид – группа» аспекты (Hinkle, Taylor, Fox-Cardamone, & Crook, 1989), когнитивный, аффективный, оценочный и поведенческий компоненты (Jackson, 2002). Однако в исследованиях фактически не принимается во внимание связь отдельных компонентов идентификации с ОГП. Вместе с тем есть подобные исследования на уровне организации, в которых выявлена положительная связь когнитивной и эмоциональной организационной идентификации с межличностной помощью и продвижением интересов организации (M. D. Johnson, Morgeson, & Nekman, 2012) и спортивным духом (Van Dick et al., 2004). Во-вторых, ОГП оценивается преимущественно посредством самоотчетов работников, многие из которых склонны презентировать себя в социально одобряемом свете. Неудивительно, что когда работники одновременно оценивают свою идентичность и организационное поведение, то результаты показывают их значимую корреляцию. Поэтому целесообразно измерять ОГП на основе экспертных оценок коллег или руководителей. В-третьих, в одних исследованиях непонятно, на каком уровне – групповом или организационном – измеряется ОГП, а в других используется инструментарий, в котором смешано ОГП в контексте группы и организации.

Еще реже изучается эффект межличностной идентификации работников относительно их ОГП в группе. Например, обнаружено, что идентификация с коллегами положительно связана с помогающим поведением в команде (S. M. Farmer, Van Dyne, & Kamdar, 2015). Фактически отсутствуют исследования связи между микрогрупповой идентификацией сотрудников и их ОГП. Однако такой уровень идентичности существует, и он более сильно выражен, по сравнению с межличностной и групповой идентичностями, у членов неформальных подгрупп (Сидоренков, Сидоренкова и Ульянова, 2014).

Таким образом, групповая, микрогрупповая и межличностная идентичности работников могут быть позитивно связаны с их поведением в группе. Однако эти связи могут быть обусловлены их включенностью или не включенностью



в неформальную подгруппу. Организационное поведение членов подгрупп в групповом контексте будет сильнее зависеть от их микрогрупповой идентичности, а ОГП «самостоятельных» (т. е., не включенных в подгруппы) членов – от их групповой и межличностной идентичностей. Причем, связь этих трех уровней идентичностей с ОГП будет, прежде всего, по когнитивному и аффективному компонентам.

В настоящем исследовании была использована многомерная модель проявления идентичности индивида в малой группе, которая включает два измерения: уровни и компоненты идентичности. К уровням, в зависимости от объекта идентификации индивида, относятся групповая, микрогрупповая и межличностная идентичности, каждый из которых содержит три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий (Сидоренков и Тришкина, 2010). Под идентичностью понимается «некоторый этап идентификации, предполагающий ощущение и переживание субъектом аутентичности или принадлежности к другому (индивиду, подгруппе, группе), более или менее устойчивое воспроизведение характеристик другого» (Сидоренков, 2012, с. 260).

Также использовалось представление о таком конструкте, как вклад в деятельность, который можно рассматривать как аспект ОГП. Вклад – это профессиональные, социально-психологические и иные усилия, которые прикладывает работник для обеспечения более эффективной жизнедеятельности группы (подразделения, организации) (Сидоренков, 2012). Вклад работника может выражаться в компетентных идеях и предложениях по разным вопросам (например, производственным проблемам, межличностным конфликтам), проявлении активности и инициативы в интересах коллектива, а также оказании поддержки коллегам. Конструкт «вклад в деятельность» пересекается с такими понятиями, относящимися к ОГП, как гражданская активность (Organ, 1988), высказывание предложения (LePine & Van Dyne, 1998) и готовность принять ответственность (Morrison & Phelps, 1999), но шире каждого из них по своему содержанию.

Цель исследования – изучить связь групповой, микрогрупповой и межличностной идентичностей по трем компонентам – когнитивному, аффективному и поведенческому – с вкладом работников в деятельность групп, в том числе в зависимости от их включенности и не включенности в неформальные подгруппы.

Гипотезы исследования:

1. Связь между идентичностью и вкладом работников в деятельность группы опосредована их включенностью или не включенностью в подгруппы, т. е. для членов подгрупп и «самостоятельных» членов характерны разные связи.
2. Микрогрупповая идентичность является предиктором, прежде всего, вклада членов подгрупп в деятельность группы, а групповая и межличностная



идентичности – вклада «самостоятельных» членов в групповую деятельность.

3. Наиболее весомую роль в связи уровней идентичности работников с их вкладом в деятельность играют когнитивный и аффективный компоненты идентичности.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 302 сотрудника из 35 производственных групп (отделов, смен, бригад и т. п.), размер которых варьировался от 5 до 17 человек ($M = 9.5$), с разным содержанием деятельности: продажа и оказание услуг (в экономике и государственных учреждениях), проектирование и производство продукции. Выборка состояла из 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 67 лет ($M = 34.7$, $Med = 30$). Продолжительность работы сотрудников в организации составляла от 6 до 248 мес.

Методики исследования. Использовался «метод численной таксономии “без учителя” специально для выделения подгрупп в группе» (Горбатенко и Горбатенко, 1984, с. 113).

Для изучения идентичности работников применялись два инструментария: «опросник межличностной идентичности и опросник микрогрупповой и групповой идентичности, каждый из которых включает три субшкалы для измерения трех компонентов (когнитивного, аффективного и поведенческого) соответствующих уровней идентичности» (Sidorenkov & Pavlenko, 2015, с. 10). Оба опросника включают 12 пунктов (по четыре в каждой субшкале) в форме утверждений с обратной формулировкой и состоят из двух частей. В первом опроснике одна часть предназначена для измерения межличностной идентичности внутри подгрупп, а другая – в группе в целом. Во втором один раздел направлен на оценку микрогрупповой идентичности, а другой – групповой идентичности. Оценка пунктов в двух опросниках осуществляется по 7-балльной шкале.

Субшкала вклада в деятельность группы из опросника лидерства, вклада и стиля межличностного поведения (Sidorenkov & Pavlenko, 2015). Опросник создан на основе номинативной шкалы, а указанная субшкала включает 12 пунктов в виде личностных характеристик, одни из которых имеют положительное значение с точки зрения группы (например, «Много знает, умеет и применяет эти знания и умения на пользу коллектива»), а другие – отрицательное («Не способен(–на) жертвовать своими интересами ради группы»). Этот опросник основан на методе экспертных оценок, а именно: члены группы оценивали друг друга.

Процедура исследования. Алгоритм выделения неформальных подгрупп и три опросника, интегрированные с этим алгоритмом, входят



в состав компьютерной технологии «*Групповой профиль*», ГП (Sidorenkov & Pavlenko, 2015). Посредством нее проводилось обследование работников в компьютерном режиме, и затем осуществлялась первичная обработка результатов.

Статистическая обработка данных осуществлялась по всей выборке и отдельно среди включенных и не включенных в подгруппы членов. Были использованы линейная и нелинейная регрессия. Для выбора вида функциональной связи и параметров регрессионной модели применялся тест различий R-квадратов аппроксимации кривой. Обработка данных производилась посредством программного пакета SPSS17.0.

Результаты

Использование формализованного метода определения неформальных подгрупп позволило выделить две категории членов обследованных групп: включенных ($N = 163$) и не включенных ($N = 139$) в подгруппы. На основе однофакторного регрессионного анализа обнаружено (табл. 1), что у членов неформальных подгрупп наблюдается единственная линейная положительная связь; а именно: между микрогрупповой аффективной идентичностью и вкладом в деятельность группы. Это значит, что усиление выраженности данной идентичности работников приводит к повышению их вклада в групповую деятельность. Множественный регрессионный анализ не выявил интерактивных эффектов уровней и компонентов идентичностей относительно вклада сотрудников данной категории. Также была произведена оценка нелинейности связи между переменными идентичности и вкладом работников в группу графическим способом (рис. 1) и на основе теста различий R-квадратов аппроксимации кривой. Обнаружены (табл. 2) нелинейные (квадратичные) связи межличностной (рис. 1а) и групповой (рис. 1б) поведенческих идентичностей сотрудников (независимая переменная) с их вкладом в групповую деятельность (зависимая переменная). Причем такая связь оказалась более значимой для межличностной, чем групповой идентичности.

В свою очередь, у «самостоятельных» членов групповая когнитивная и аффективная идентичность и межличностная аффективная идентичность позитивно связаны с их вкладом в деятельность группы. Множественный регрессионный анализ не выявил эффектов взаимодействия переменных (уровней и компонентов) идентичности по отношению к вкладу работников. Также не обнаружено нелинейных связей между идентичностью и вкладом этой категории членов группы.

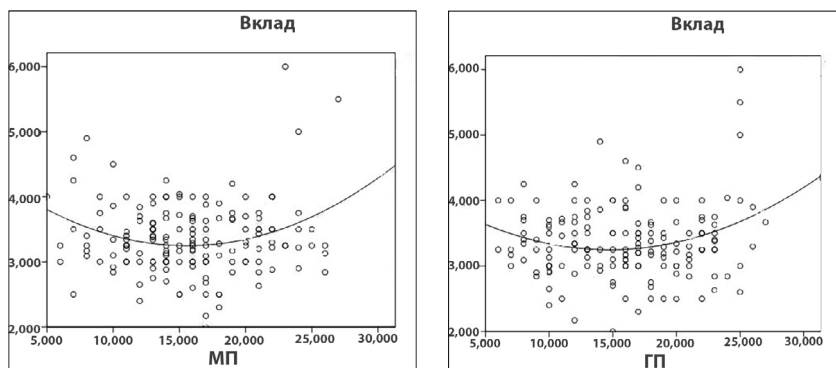
Таблица 1 Результаты однофакторного регрессионного анализа связи уровней и компонентов идентичности (независимые переменные) и вклада в деятельность (зависимая переменная) Table 1 Univariate regression analysis of the relationship between identity levels and components (independent variables) and contribution to activities (dependent variable)											
Параметры модели Model parameters	Компоненты уровней идентичности Components of identity levels										
	M-K I-C	M-A I-A	M-П I-B	MГ-K MГ-A	MГ-П MГ-B	Г-K Г-C	Г-А Г-A	Г-П Г-B			
Выборка в целом The whole sample											
Вклад. в деятельность. Группы Contribution to group activities	R^2	0,00	0,02**	0,01	0,01	0,02*	0,00	0,02**	0,02**	0,02*	0,02*
Включенные в подгруппы члены Subgroup members											
В	R^2	0,00	0,01	0,00	0,01	0,02*	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01
Не включенные в подгруппы члены Subgroup non-members											
В	R^2	0,01	0,02*	0,01	0,01	0,01	0,00	0,02*	0,02*	0,02*	0,02

Примечание: 1. M-K, M-A и M-П – межличностная идентичность по когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам соответственно; MГ-K, MГ-A и MГ-П – микрогрупповая идентичность по когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам соответственно; Г-K, Г-A и Г-П – групповая идентичность по когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам соответственно.
2. ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

Note: 1. I-C, I-A, and I-B – interpersonal identity by cognitive, affective, and behavioral components, respectively; MГ-C, MГ-A, and MГ-B – microgroup identity by cognitive, affective, and behavioral components, respectively; G-C, G-A, and G-B – group identity by cognitive, affective, and behavioral components, respectively.
2. ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.



Таблица 2 Результаты тестирования нелинейной связи между переменными (уровнями и компонентами) идентичности и вкладом работников в деятельность группы Table 2 Nonlinear relationship between variables (levels and components) of employees' identities and their contribution to group activities		Сводка для модели Summary for a model		Оценки параметра Parameter estimation					
		Число степеней свободы для факторной СКО Number of degrees of freedom for factor standard deviation		Константа Constant					
		Число степеней свободы для остаточной СКО Number of degrees of freedom for residual standard deviation		Уровень значимости Significance level					
Уравнение Equation		F		В1					
		R – квадрат R-square		В2					
				В3					
Квадратичная Quadratic		0,06	5,51	2	160	0,005	4,46	-0,16	0,005
Квадратичная Quadratic		0,05	4,36	2	160	0,014	4,14	-0,12	0,004



а) М-П → Вклад (члены подгрупп)
I-B → Contribution (subgroup members)

б) Г-П → Вклад (члены подгрупп)
G-B → Contribution (subgroup members)

Рисунок 1. Графики моделей (члены подгрупп)

Figure 1. Graphs of models (subgroup members)

Сравнение результатов двух категорий работников с данными по всей выборке подчеркивает различие по выявленным связям между включенными и не включенными в подгруппы членами. Однако надо обратить внимание на уровень значимости связей. Межличностная аффективная и групповая когнитивная и аффективная идентичности имеют связи более высокого уровня значимости ($p < 0,01$) по общей выборке, чем у «самостоятельных» членов ($p < 0,05$), а в категории «включенные в подгруппы члены» таких связей не обнаружено.

Кроме того, по всей выборке выявлена значимая связь между групповой поведенческой идентичностью и вкладом работников, которая не обнаружена ни в одной из двух категорий членов групп. Вероятно, для какой-то части представителей и одной и другой категории сотрудников такая связь характерна. Что касается связи микрогрупповой аффективной идентичности с вкладом сотрудников ($p < 0,05$ по выборке в целом и среди членов подгрупп), то отличие между включенными и не включенными в подгруппы членами по данной связи наиболее отчетливо.

Таким образом, первая гипотеза подтвердилась, а именно: включенность или не включенность членов в неформальные подгруппы опосредует связь между идентичностью и вкладом работников в групповую деятельность. Вторая гипотеза подтверждена относительно линейной связи с вкладом работников только одного компонента микрогрупповой идентичности членов подгрупп, одного компонента межличностной и двух компонентов групповой



идентичностей «самостоятельных» членов. Однако у членов подгрупп обнаружены две нелинейные связи, которые не предусматривались этой гипотезой. Третья гипотеза подтверждена, прежде всего, относительно аффективного компонента. То есть, результаты двух категорий членов групп показали, что из четырех выявленных связей между рассматриваемыми переменными в трех представлен аффективный компонент, а в одной – когнитивный.

Обсуждение результатов

Линейную положительную связь микрогрупповой идентичности (только по одному компоненту – аффективному) членов подгрупп с их вкладом в жизнедеятельность группы можно объяснить следующим образом. У членов подгрупп, как показало предыдущее исследование (Сидоренков и др., 2014), значительно сильнее выражена микрогрупповая идентичность (по всем компонентам, в том числе аффективному) по сравнению с межличностной и групповой идентичностями. Это значит, что их восприятие, переживание и действия в актуальных для своей подгруппы и группы ситуациях предопределяется, прежде всего, их привязанностью к подгруппе. Кроме того, неформальные подгруппы являются неотъемлемой частью группы, а потому идентификация (по крайней мере, в ее аффективной составляющей) членов со своими подгруппами отражается на их вкладе в деятельность всей группы.

Неожиданной оказалась нелинейная (квадратичная) связь межличностной и групповой идентичностей с вкладом членов подгрупп. Такая связь показывает, что по мере возрастания одного или другого уровня идентичности незначительно снижается вклад работников в групповую деятельность, но до определенной точки. После точки перегиба дальнейший рост идентичности сопровождается, наоборот, повышением вклада. Чтобы это объяснить, надо отметить соотношение меры выраженности трех уровней идентичности у данной категории членов и различие межличностной идентичности внутри подгрупп и таковой идентичности в группе в целом (которая измерялась в нашем исследовании). А именно: а) межличностная идентичность в подгруппе выше, чем такая же идентичность членов в общегрупповом контексте; б) межличностная идентичность внутри подгруппы преобладает над групповой идентичностью; в) микрогрупповая идентичность членов подгрупп сильнее проявляется по сравнению с их межличностной и групповой идентичностями (Сидоренков и др., 2014). Эти особенности соотношения идентичностей проявляются в обычных условиях групповой деятельности. Если же группа сталкивается с общими для всех членов проблемами, решение которых зависит от совместных усилий (в том числе, когда группа вступает в конкуренцию или конфликт с другой группой), то начинает преобладать групповая и межличностная (в группе в целом) идентичности.



Коль скоро мы рассматриваем идентичность как предиктор вклада работников, то указанные выше особенности соотношения уровней идентичности в обычных условиях функционирования должны предопределять более высокий вклад членов в свою подгруппу, чем в группу. Из сказанного вытекает следующее. По мере усиления групповой и/или межличностной (в группе в целом) идентичностей от низких значений к средним падает вклад работников в деятельность группы, что обусловлено противодействием высокой микрогрупповой и межличностной (среди членов подгруппы) идентичностей и более существенным вкладом в свою подгруппу. Более высокие значения выраженности групповой и межличностной (в группе в целом) идентичностей членов подгрупп возможны тогда, когда возникают ситуации, актуальные для группы в целом и всех ее членов. Поэтому усиление указанных уровней идентичностей от средних значений к высоким сопровождается возрастанием вклада этой категории работников в деятельность всей группы. Важно отметить, что это касается только поведенческого компонента идентичностей, т. е. их внешнего проявления, но не внутренней связи в виде ощущения принадлежности к группе (когнитивный компонент) и переживание единства с ней (аффективный компонент).

Позитивный эффект групповой идентичности (по когнитивному и аффективному компонентам) относительно вклада не включенных в подгруппы членов в деятельность группы согласуется с данными других исследований (Van Knippenberg & Van Schie, 2000; Van Dick et al., 2004; Климов, 2015). (Такое соответствие обнаружено, несмотря на то, что в указанных исследованиях не было деления испытуемых на категории, использовался иной инструментарий измерения групповой идентификации, и фиксировались несколько иные переменные ОГП на основе самоотчетов работников.) Полученный результат подкрепляется идеями теорий социальной идентичности и самокатегоризации. В частности, когда групповая идентичность становится отличительной особенностью, индивидуальное восприятие деперсонифицируется (Turner, Hogg, Oakes, Reicher, & Wetherell, 1987). То есть, человек склонен воспринимать себя и других преимущественно с позиции прототипов, которые определяют его принадлежность к данной группе. Это приводит к тому, что индивид воспринимает, переживает и проявляет свое поведение в соответствии с интересами, ценностями и нормами группы в актуальных для нее ситуациях. В литературе отмечается, что усиление идентификации работников со своей группой ведет к более высокой активности групповой работы (Ellemers et al., 2004), возникновение у членов групповой идентичности и определение ими общих целей, отличных от целей аутгрупп, повышает их усилия по достижению интрагрупповых целей (Wegge & Haslam, 2003).



Ожидаемой оказалась связь межличностной идентичности (только по одному компоненту – аффективному) с вкладом «самостоятельных» членов в жизнедеятельность группы. Это значит, что переживание индивидом связей с другими членами и событий, происходящих с ними, а также оценка позитивности этих связей является важным фактором, наряду с групповой идентичностью, их вклада в групповую жизнедеятельность. Этот результат созвучен обнаруженной связи внутригрупповой межличностной идентификации с помогающим поведением ОПП работников (S. M. Farmer et al., 2015).

Из четырех обнаруженных связей между изучаемыми переменными в совокупности включенных и не включенных в подгруппы членов в трех связях представлен аффективный компонент идентичности. Это наводит на мысль, что данный компонент является более весомым, по сравнению с когнитивным и поведенческим компонентами, в детерминации вклада работников в группу.

Заключение

1. Изучение роли идентичности работников в их организационном поведении (на примере вклада в деятельность группы) должно принимать во внимание, во-первых, разные уровни и компоненты идентичности, во-вторых, статус членов в социально-психологической структуре группы – включенность или не включенность в неформальную подгруппу.

2. С теоретической точки зрения предложенный комплексный подход и полученные в исследовании результаты дают более полное представление о связях между рассмотренными переменными. В практическом плане этот подход позволяет прогнозировать меру вклада включенных и не включенных в подгруппу работников в групповую деятельность в зависимости от выраженности у них уровней и компонентов идентичности. Такое знание позволяет более целенаправленно проводить работу соответствующими службами управления персоналом в организациях, направленную на формирование определенных переменных идентичности сотрудников.

3. Перспектива дальнейших исследований заключается в выявлении промежуточных переменных (например, демографических характеристик и стажа работы в группе/организации) в связи «идентичность – вклад», а также в сравнительном изучении связи уровней и компонентов идентичностей членов подгрупп в деятельность своей подгруппы и группы в целом.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00393 «Идентичность и организационное поведение сотрудников: многоуровневый анализ»).



Acknowledgments

This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-013-00393, "Employees' identities and organizational behaviors: A multi-level analysis").

Литература

- Горбатенко А. С., Горбатенко Т. М.* Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 112–118.
- Гулевич О. А.* Гражданское поведение в организации: условия и последствия // Организационная психология. 2013. Т. 3, № 3. С. 78–96.
- Климов А. А.* Идентификация с организацией и рабочей группой как фактор экстра-ролевого поведения работника: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015. 159 с.
- Сидоренков А. В.* Социальная психология малых групп. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 381 с.
- Сидоренков А. В., Сидоренкова И. И., Ульянова Н. Ю.* Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации: монография. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2014. 248 с.
- Сидоренков А. В., Тришкина Н. С.* Эмпирическое обоснование модели проявления идентичности индивидов в малой группе // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 17–29.
- Borman W. C., Buck D. E., Hanson M. A., Motowidlo S. J., Stark S., Drasgow F.* An examination of the comparative reliability, validity, and accuracy of performance ratings made using computerized adaptive rating scales // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86, Issue 5. P. 965–973. DOI: [10.1037/0021-9010.86.5.965](https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.5.965)
- Borman W. C., Motowidlo S. J.* Expanding the criterion domain to include elements of contextual performance // Personnel selection in organizations / N. Schmitt, W. C. Borman (Eds.). San Francisco: Jossey-Bass, 1993. P. 71–98.
- Christ O., Van Dick R., Wagner U., Stellmacher J.* When teachers go the extra mile: Foci of organizational identification as determinants of different forms of organisational citizenship behavior among schoolteachers // British Journal of Educational Psychology. 2003. Vol. 73, Issue 3. P. 329–341. DOI: [10.1348/000709903322275867](https://doi.org/10.1348/000709903322275867)
- Ellemers N., De Gilder T. C., Haslam S. A.* Motivating individuals and groups at work: A social identity perspective on leadership and group performance // Academy of Management Review. 2004. Vol. 29, № 3. P. 459–478. DOI: [10.5465/AMR.2004.13670967](https://doi.org/10.5465/AMR.2004.13670967)
- Farh J.-L., Zhong C.-B., Organ D. W.* Organizational citizenship behavior in the People's Republic of China // Organization Science. 2004. Vol. 15, Issue 2, P. 133–257. DOI: [10.1287/orsc.1030.0051](https://doi.org/10.1287/orsc.1030.0051)



- Farmer S. M., Van Dyne L., Kamdar D.* The contextualized self: How team-member exchange leads to coworker identification and helping OCB // *Journal of Applied Psychology*. 2015. Vol. 100, Issue 2. P. 583–595. DOI: [10.1037/a0037660](https://doi.org/10.1037/a0037660)
- George J. M., Brief A. P.* Feeling good-doing good: A conceptual analysis of the mood at work-organizational spontaneity relationship // *Psychological Bulletin*. 1992. Vol. 112, Issue 2. P. 310–329. DOI: [10.1037/0033-2909.112.2.310](https://doi.org/10.1037/0033-2909.112.2.310)
- Henry K. B., Arrow H., Carini B.* A tripartite model of group identification: Theory and measurement // *Small Group Research*. 1999. Vol. 30, Issue 5. P. 558–581. DOI: [10.1177/104649649903000504](https://doi.org/10.1177/104649649903000504)
- Hinkle S., Taylor L. A., Fox-Cardamone D. L., Crook K. F.* Intragroup identification and intergroup differentiation: A multicomponent approach // *British Journal of Social Psychology*. 1989. Vol. 28, Issue 4. P. 305–317. DOI: [10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x)
- Jackson J. W.* Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict // *Self and Identity*. 2002. Vol. 1, Issue 1. P. 11–33. DOI: [10.1080/152988602317232777](https://doi.org/10.1080/152988602317232777)
- Jahangir N., Akbar M. M., Haq M.* Organizational citizenship behavior: Its nature and antecedents // *BRAC University Journal*. 2004. Vol. 1, № 2. P. 75–85. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/61800621.pdf> (Accessed 21.05.2019).
- Johnson M. D., Morgeson F. P., Hekman D. R.* Cognitive and affective identification: Exploring the links between different forms of social identification and personality with work attitudes and behavior // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. Vol. 33, Issue 8. P. 1142–1167. DOI: [10.1002/job.1787](https://doi.org/10.1002/job.1787)
- Lee E.-S., Park T.-Y., Koo B.* Identifying organizational identification as a basis for attitudes and behaviors: A meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. 2015. Vol. 141, Issue 5. P. 1049–1080. DOI: [10.1037/bul0000012](https://doi.org/10.1037/bul0000012)
- LePine J. A., Erez A., Johnson D. E.* The nature and dimensionality of organizational citizenship behavior: A critical review and meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol. 87, Issue 1. P. 52–65. DOI: [10.1037//0021-9010.87.1.52](https://doi.org/10.1037//0021-9010.87.1.52)
- LePine J. A., Van Dyne L.* Predicting voice behavior in work groups // *Journal of Applied Psychology*. 1998. Vol. 83, Issue 6. P. 853–868. DOI: [10.1037/0021-9010.83.6.853](https://doi.org/10.1037/0021-9010.83.6.853)
- Matherne C. F., Ring J. K., Farmer S.* Organizational moral identity centrality: Relationships with citizenship behaviors and unethical prosocial behaviors // *Journal of Business and Psychology*. 2018. Vol. 33, Issue 6. P. 711–726. DOI: [10.1007/s10869-017-9519-4](https://doi.org/10.1007/s10869-017-9519-4)
- Moorman R. H.* Relationship between organizational justice and organizational citizenship behaviors: Do fairness perceptions influence employee citizenship? // *Journal of Applied Psychology*. 1991. Vol. 76, Issue 6. P. 845–855. DOI: [10.1037//0021-9010.76.6.845](https://doi.org/10.1037//0021-9010.76.6.845)



- Morrison E. W., Phelps C. C.* Taking charge at work: Extrarole efforts to initiate workplace change // *Academy of Management Journal*. 1999. Vol. 42, Issue 4. P. 403–419.
- Neves P. C., Paixão R., Alarcão M., Gomes A. D.* Organizational Citizenship Behavior in Schools: Validation of a Questionnaire // *The Spanish Journal of Psychology*. 2014. Vol. 17. DOI: [10.1017/sjp.2014.20](https://doi.org/10.1017/sjp.2014.20)
- Nguyen B., Chang K., Rowley C., Japutra A.* Organizational citizenship behavior, identification, psychological contract and leadership frames: The example of primary school teachers in Taiwan // *Asia-Pacific Journal of Business Administration*. 2016. Vol. 8, Issue 3. P. 260–280. DOI: [10.1108/APJBA-01-2016-0010](https://doi.org/10.1108/APJBA-01-2016-0010)
- Organ D. W.* Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome. Lexington, MA: Lexington Books, 1988. 132 p.
- Organ D. W.* The motivational basis of organizational citizenship behavior // *Research in organizational behavior*. Vol. 12 / B. M. Staw, L. L. Cummings (Eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1990. P. 43–72.
- Podsakoff N. P., Whiting S. W., Podsakoff P. M., Blume B. D.* Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. 2009. Vol. 94, Issue 1. P. 122–141. DOI: [10.1037/a0013079](https://doi.org/10.1037/a0013079)
- Podsakoff P. M., MacKenzie S. B., Paine J. B., Bachrach D. G.* Organizational citizenship behaviors: A critical review of the theoretical and empirical literature and suggestions for future research // *Journal of Management*. 2000. Vol. 26, Issue 3. P. 513–563. DOI: [10.1177/014920630002600307](https://doi.org/10.1177/014920630002600307)
- Riketta M., Van Dick R.* Foci of attachment in organizations: A meta-analytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment // *Journal of Vocational Behavior*. 2005. Vol. 67, Issue 3. P. 490–510. DOI: [10.1016/j.jvb.2004.06.001](https://doi.org/10.1016/j.jvb.2004.06.001)
- Sidorenkov A. V., Pavlenko R. V.* GROUP PROFILE computer technique: A tool for complex study of small groups // *SAGE Open*. 2015. Vol. 5, Issue 1. P. 1–13.
- Turner J., Hogg M., Oakes P., Reicher S., Wetherell M.* Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- Uzun T.* A study of correlations between perceived supervisor support, organizational identification, organizational citizenship behavior, and burnout at schools // *European Journal of Educational Research*. 2018. Vol. 7, Issue 3. P. 501–511. DOI: [10.12973/eu-jer.7.3.501](https://doi.org/10.12973/eu-jer.7.3.501)
- Van Dick R., Wagner U., Stellmacher J., Christ O.* The utility of a broader conceptualization of organizational identification: Which aspects really matter? // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2004. Vol. 77, Issue 2. P. 171–191. DOI: [10.1348/096317904774202135](https://doi.org/10.1348/096317904774202135)



- Van Dyne L., Cummings L. L., Parks J. M.* Extra-role behaviors: In pursuit of construct and definitional clarity (A bridge over muddied waters) // *Research in organizational behavior*. Vol. 17 / L. L. Cummings, B. M. Staw (Eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1995. P. 215–285.
- Van Knippenberg D., Van Schie E. C. M.* Foci and correlates of organizational identification // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2000. Vol. 73, Issue 2. P. 137–147. DOI: [10.1348/096317900166949](https://doi.org/10.1348/096317900166949)
- Wegge J., Haslam S. A.* Group goal setting, social identity and self-categorization: Engaging the collective self to enhance group performance and organizational outcomes // *Social identity at work: Developing theory for organizational practice* / S. A. Haslam, D. Van Knippenberg, M. Platow & N. Ellemers (Eds.). New York: Psychology Press, 2003. P. 43–60.
- Wilkins S., Butt M. M., Annabi C. A.* The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviours in multinational higher education institutions // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018. Vol. 40, Issue 1. P. 48–66. DOI: [10.1080/1360080X.2017.1411060](https://doi.org/10.1080/1360080X.2017.1411060)

References

- Borman, W. C., Buck, D. E., Hanson, M. A., Motowidlo, S. J., Stark, S., & Drasgow, F. (2001). An examination of the comparative reliability, validity, and accuracy of performance ratings made using computerized adaptive rating scales. *Journal of Applied Psychology*, 86(5), 965–973. doi: [10.1037/0021-9010.86.5.965](https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.5.965)
- Borman, W. C., & Motowidlo, S. J. (1993). Expanding the criterion domain to include elements of contextual performance. In N. Schmitt & W. C. Borman (Eds.), *Personnel selection in organizations* (pp. 71–98). San Francisco: Jossey-Bass.
- Christ, O., Van Dick, R., Wagner, U., & Stellmacher, J. (2003). When teachers go the extra mile: Foci of organizational identification as determinants of different forms of organisational citizenship behavior among schoolteachers. *British Journal of Educational Psychology*, 73(3), 329–341. doi: [10.1348/000709903322275867](https://doi.org/10.1348/000709903322275867)
- Ellemers, N., De Gilder, T. C., & Haslam, S. A. (2004). Motivating individuals and groups at work: A social identity perspective on leadership and group performance. *Academy of Management Review*, 29(3), 459–478. doi: [10.5465/AMR.2004.13670967](https://doi.org/10.5465/AMR.2004.13670967)
- Farh, J.-L., Zhong, C.-B., & Organ, D. W. (2004). Organizational citizenship behavior in the People's Republic of China. *Organization Science*, 15(2), 133–257. doi: [10.1287/orsc.1030.0051](https://doi.org/10.1287/orsc.1030.0051)
- Farmer, S. M., Van Dyne, L., & Kamdar, D. (2015). The contextualized self: How team-member exchange leads to coworker identification and helping OCB. *Journal of Applied Psychology*, 100(2), 583–595. doi: [10.1037/a0037660](https://doi.org/10.1037/a0037660)



- George, J. M., & Brief, A. P. (1992). Feeling good-doing good: A conceptual analysis of the mood at work-organizational spontaneity relationship. *Psychological Bulletin*, 112(2), 310–329. doi: [10.1037/0033-2909.112.2.310](https://doi.org/10.1037/0033-2909.112.2.310)
- Gorbatenko, A. S., & Gorbatenko, T. M. (1984). A method for the determination of the structure of a small group using formalized analysis of interpersonal choices selections. *Voprosy psikhologii*, 4, 112–118. (in Russ.).
- Gulevich, O. A. (2013). Organizational citizenship behavior: Conditions and consequences. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational Psychology)*, 3(3), 78–96. (in Russ.).
- Henry, K. B., Arrow, H., & Carini, B. (1999). A tripartite model of group identification: Theory and measurement. *Small Group Research*, 30(5), 558–581. doi: [10.1177/104649649903000504](https://doi.org/10.1177/104649649903000504)
- Hinkle, S., Taylor, L. A., Fox-Cardamone, D. L., & Crook, K. F. (1989). Intragroup identification and intergroup differentiation: A multicomponent approach. *British Journal of Social Psychology*, 28(4), 305–317. doi: [10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x)
- Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: [10.1080/152988602317232777](https://doi.org/10.1080/152988602317232777)
- Jahangir, N., Akbar, M. M., & Haq, M. (2004). Organizational citizenship behavior: Its nature and antecedents. *BRAC University Journal*, 1(2), 75–85. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/pdf/61800621.pdf>
- Johnson, M. D., Morgeson, F. P., & Hekman, D. R. (2012). Cognitive and affective identification: Exploring the links between different forms of social identification and personality with work attitudes and behavior. *Journal of Organizational Behavior*, 33(8), 1142–1167. doi: [10.1002/job.1787](https://doi.org/10.1002/job.1787)
- Klimov, A. A. (2015). *Identification with organizations and working groups as a factor for employees' extra-role behavior* (Doctoral dissertation). Moscow. (in Russ.).
- Lee, E.-S., Park, T.-Y., & Koo, B. (2015). Identifying organizational identification as a basis for attitudes and behaviors: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 141(5), 1049–1080. doi: [10.1037/bul0000012](https://doi.org/10.1037/bul0000012)
- LePine, J. A., Erez, A., & Johnson, D. E. (2002). The nature and dimensionality of organizational citizenship behavior: A critical review and meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 87(1), 52–65. doi: [10.1037//0021-9010.87.1.52](https://doi.org/10.1037//0021-9010.87.1.52)
- LePine, J. A., & Van Dyne, L. (1998). Predicting voice behavior in work groups. *Journal of Applied Psychology*, 83(6), 853–868. doi: [10.1037/0021-9010.83.6.853](https://doi.org/10.1037/0021-9010.83.6.853)
- Matherne, C. F., Ring, J. K., & Farmer, S. (2018). Organizational moral identity centrality: Relationships with citizenship behaviors and unethical prosocial behaviors. *Journal of Business and Psychology*, 33(6), 711–726. doi: [10.1007/s10869-017-9519-4](https://doi.org/10.1007/s10869-017-9519-4)



- Moorman, R. H. (1991). Relationship between organizational justice and organizational citizenship behaviors: Do fairness perceptions influence employee citizenship? *Journal of Applied Psychology*, 76(6), 845–855. doi: [10.1037//0021-9010.76.6.845](https://doi.org/10.1037//0021-9010.76.6.845)
- Morrison, E. W., & Phelps, C. C. (1999). Taking charge at work: Extrarole efforts to initiate workplace change. *Academy of Management Journal*, 42(4), 403–419.
- Neves, P. C., Paixão, R., Alarcão, M., Gomes, A. D. (2014). Organizational citizenship behavior in schools: Validation of a questionnaire. *The Spanish Journal of Psychology*, 17. doi: [10.1017/sjp.2014.20](https://doi.org/10.1017/sjp.2014.20)
- Nguyen, B., Chang, K., Rowley, C., & Japutra, A. (2016). Organizational citizenship behavior, identification, psychological contract and leadership frames: The example of primary school teachers in Taiwan. *Asia-Pacific Journal of Business Administration*, 8(3), 260–280. doi: [10.1108/APJBA-01-2016-0010](https://doi.org/10.1108/APJBA-01-2016-0010)
- Organ, D. W. (1988). *Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome*. Lexington, MA: Lexington Books.
- Organ, D. W. (1990). The motivational basis of organizational citizenship behavior. In B. M. Staw & L. L. Cummings (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 12, pp. 43–72). Greenwich, CT: JAI Press.
- Podsakoff, N. P., Whiting, S. W., Podsakoff, P. M., & Blume, B. D. (2009). Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 94(1), 122–141. doi: [10.1037/a0013079](https://doi.org/10.1037/a0013079)
- Podsakoff, P. M., MacKenzie, S. B., Paine, J. B., & Bachrach, D. G. (2000). Organizational citizenship behaviors: A critical review of the theoretical and empirical literature and suggestions for future research. *Journal of Management*, 26(3), 513–563. doi: [10.1177/014920630002600307](https://doi.org/10.1177/014920630002600307)
- Riketta, M., & Van Dick, R. (2005). Foci of attachment in organizations: A meta-analytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment. *Journal of Vocational Behavior*, 67(3), 490–510. doi: [10.1016/j.jvb.2004.06.001](https://doi.org/10.1016/j.jvb.2004.06.001)
- Sidorenkov, A. V. (2012). *Social psychology of small groups*. Rostov-on-Don: Feniks. (in Russ.).
- Sidorenkov, A. V., & Pavlenko, R. V. (2015). GROUP PROFILE computer technique: A tool for complex study of small groups. *SAGE Open*, 5(1), 1–13.
- Sidorenkov, A. V., Sidorenkova, I. I., & Ul'yanova, N. Yu. (2014). *Socio-psychological characteristics of the efficiency of small groups in organizations*. Rostov-on-Don: Mini Taip. (in Russ.).
- Sidorenkov, A. V., & Trishkina, N. S. (2010). Empirical grounds for the model of individuals' identity manifestation in small groups. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(5), 17–29. (in Russ.).



- Turner, J., Hogg, M., Oakes, P., Reicher, S., & Wetherell, M. (1987). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford: Basil Blackwell.
- Uzun, T. (2018). A study of correlations between perceived supervisor support, organizational identification, organizational citizenship behavior, and burnout at schools. *European Journal of Educational Research*, 7(3), 501–511. doi: [10.12973/eu-jer.7.3.501](https://doi.org/10.12973/eu-jer.7.3.501)
- Van Dick, R., Wagner, U., Stellmacher, J., & Christ, O. (2004). The utility of a broader conceptualization of organizational identification: Which aspects really matter? *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77(2), 171–191. doi: [10.1348/096317904774202135](https://doi.org/10.1348/096317904774202135)
- Van Dyne, L., Cummings, L. L., & Parks, J. M. (1995). Extra-role behaviors: In pursuit of construct and definitional clarity (A bridge over muddied waters). In L. L. Cummings & B. M. Staw (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 17, pp. 215–285). Greenwich, CT: JAI Press.
- Van Knippenberg, D., & Van Schie, E. C. M. (2000). Foci and correlates of organizational identification. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 73(2), 137–147. doi: [10.1348/096317900166949](https://doi.org/10.1348/096317900166949)
- Wegge, J., & Haslam, S. A. (2003). Group goal setting, social identity and self-categorization: Engaging the collective self to enhance group performance and organizational outcomes. In S. A. Haslam, D. Van Knippenberg, M. Platow & N. Ellemers (Eds.), *Social identity at work: Developing theory for organizational practice* (pp. 43–60). New York: Psychology Press.
- Wilkins, S., Butt, M. M., & Annabi, C. A. (2018). The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviours in multinational higher education institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 40(1), 48–66. doi: [10.1080/1360080X.2017.1411060](https://doi.org/10.1080/1360080X.2017.1411060)



УДК 159.923:316.6

doi: [10.21702/rpj.2019.2.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.9)

Детерминанты социально-политической активности современной молодежи

Наталья В. Усова

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: usova_natalia@mail.ru

Аннотация

Введение. Новизна исследования обусловлена тем, что на основе системно-диахронического подхода предложена многоуровневая модель социально-политической активности молодежи. Разработан и применен новый методический инструментарий в виде опросника социально-политической активности молодежи, измеряющего степень активности, преднамеренности и деструктивности в социально-политической жизни общества.

Методы. Использовались качественные и количественные методы сбора данных, анкеты и стандартизированные опросники. Данные обрабатывались с помощью контент-анализа и вторичной математико-статистической обработки.

Результаты и их обсуждение. Переход от уровня социально-политической пассивности к уровню социально-политической активности детерминирован: возрастом, уровнем образования и дохода, профессиональной деятельностью, сформированностью патриотического сознания, отсутствием политического инфантилизма и мотивации к достижению успеха и власти, отсутствием напряжения в жилищно-бытовых условиях, неудовлетворенностью сферой досуга и супружескими взаимоотношениями, а также повышенной концентрацией на эмоциях. Переход от деструктивной к конструктивной форме социально-политической активности обусловлен: доминированием ценности индивидуализма и индивидуалистической ориентацией, потребительским характером организации досуга и низким уровнем доверия по отношению к власти, выраженной мотивацией к власти и отсутствием мотивации к аффилиации, высоким уровнем удовлетворенности образованием и содержанием профессиональной деятельности, эмоциональным напряжением в сфере жилищно-бытовых условий и обстановки в обществе, а также такими поведенческими стратегиями, как сдерживание, подавление и употребление успокоительных средств. Переход от непреднамеренной к преднамеренной социально-политической активности осуществляется с развитием рефлексии, социально-политической компетентности, политической социализацией в целом, а также выраженной мотивацией к власти и успеху, неудовлетворенностью условиями проведения досуга и содержанием работы, но при этом отсутствием



напряжения в жилищно-бытовых условиях и склонностью к планированию. Разное сочетание детерминант порождает вариации субъектов социально-политической активности диапазон которых представлен соотношением степени активности, преднамеренности и конструктивности ее проявлений. На основе данного положения представлена характеристика разных типов социально-политической активности молодого поколения.

Ключевые слова

системно-диахронический подход, социально-политическая активность, социально-политическая пассивность, мотивация, рефлексия, доверие к власти, эмоциональное напряжение, политический инфантилизм, патриотизм, социально-политическая компетентность

Основные положения

- ▶ социально-политическая активность современной молодежи является сложно-организованным, подчиненным жизненно важным целям, постоянно и динамично функционирующим явлением, обусловленным многочисленной системой детерминации, изучение которой должно производиться на основе системно-диахронического подхода;
- ▶ системно-диахронический подход диктует необходимость учета уровня, направленности и формы социально-политической активности современной молодежи;
- ▶ система социально-политической активности является перерастающей в своем развитии себя и переходящей в другую систему; в качестве детерминант данного перехода считаем возможным рассмотреть мотивацию, рефлексии собственных действий, уровень доверия к власти, сферу эмоционального напряжения и способы совладания со стрессом, ценностные предпочтения, политический инфантилизм, уровень патриотизма и социально-политическую компетентность.

Для цитирования

Усова Н. В. Детерминанты социально-политической активности современной молодежи // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 164–188. doi: 10.21702/rpj.2019.2.9

Материалы статьи получены 18.10.2018



UDC 159.923:316.6

doi: [10.21702/rpj.2019.2.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.9)

Determinants of Socio-political Activity of Contemporary Youth

Nataliya V. Usova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

E-mail: usova_natalia@mail.ru

Abstract

Introduction. This paper presents a hierarchical model of socio-political activity of contemporary youth based on the system-diachronic approach. The author developed and tested a new diagnostic tool for measuring the degree of activity, intentionality, and destructiveness in subjects of social, public, and political life – a questionnaire on young people's socio-political activity.

Methods. The study employed qualitative and quantitative data collection methods, standardized questionnaires, and inventories. The data collected were processed using content analysis and secondary mathematical and statistical analysis.

Results. Age, income, education level, professional activity, patriotic consciousness, absence of political infantilism, absence of achievement and power motivations, satisfaction with living conditions, dissatisfaction with leisure sphere and partner relationships, and focusing on emotions together determine the transition from socio-political passivity to socio-political activity. The transition from a destructive form of socio-political activity to a constructive one is determined by dominance of values of individualism and individualistic orientation, consumption in leisure, low confidence in authorities, high power motivation, absence of affiliation motivation, high satisfaction with education and professional activity, emotional stress caused by living conditions and social climate, and certain behavioral strategies, including repression, suppression, and use of sedatives. The transition from an unintentional socio-political activity to an intentional one is associated with reflection, socio-political competence, political socialization, high achievement and power motivations, dissatisfaction with leisure sphere and professional activity in the absence of emotional stress caused by living conditions, and a high propensity to plan.

Discussion. Various combinations of determinants form the types of subjects of socio-political activity who are characterized by different correlations among the degree of activity, intentionality, and of the constructiveness of its manifestations. This thesis enabled the author to describe characteristics of different types of young people's socio-political activity.



Keywords

system-diachronic approach, socio-political activity, socio-political passivity, constructive/destructive, intentional/unintentional, motivation, reflection, confidence in authorities, emotional stress, political infantilism, patriotism, socio-political competence

Highlights

- ▶ Socio-political activity of contemporary youth is a complex continuous and dynamic phenomenon which is determined by vital goals and a multicomponent system of determinants.
- ▶ Socio-political activity of contemporary youth should be investigated using the system-diachronic approach, which takes into account its levels, directions, and forms.
- ▶ During its development, the system of socio-political activity transforms itself into another system. Individuals' motivation, reflection of their own actions, level of confidence in authorities, emotional stress, strategies for coping with stress, values-based preferences, political infantilism, level of patriotism, and socio-political competence appear to be determinants of such a transition.

For citation

Usova, N.V. (2019). Determinants of Socio-political Activity of Contemporary Youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(2), 164–188. (in Russ.). doi: 10.21702/rpj.2019.2.9

Original manuscript received 18.10.2018

Введение

Социально-политическая активность молодежи достаточно изменчива в зависимости от обстановки в современном обществе. При этом эффективность и перспективы развития современного государства во многом обусловлены вовлеченностью молодежи в социально-политические процессы. Молодежь является особой социальной группой, обладающей целым набором специфических характеристик. Именно от активности молодежи во многом зависит будущее нашей страны. Проблемы социально-политической активности молодежи занимают важнейшее место в системе общественных отношений и требуют детального изучения со стороны исследователей (Криворучко и Щербакова, 2013).

Сегодня в социально-психологических и социально-политических исследованиях можно найти большое количество исследований, всесторонне раскрывающих феномен социально-политической активности. Проведенный анализ имеющихся разработок позволил нам выявить существенный нюанс, не позволяющий говорить о достаточности имеющихся теорий. Так,



например, большинство исследований основаны на линейном описании социально-политической активности, что не позволяет авторам в полной мере учитывать ее сложный, многоуровневый и нелинейный характер (Морозова, 2015; Левкина, 2016; Грачева, 2016; Чолпонкулова, 2018; Баранова и Костенко, 2014; Васильева, Полтавская и Левковская, 2015; Зайцева, 2016; Albertazzi & Mueller, 2013; Azzi, Chrysochoou, Klandermans, & Simon, 2011; Barrett & Zani, 2015; Craig & Richeson, 2014; Bot & Verkuyten, 2018; Hoyt & Parry, 2018).

С нашей точки зрения, для решения данного вопроса значительно целесообразнее опереться на системно-диахронический подход, позволяющий понять не только характер происходящих во времени изменений, но и раскрывающий противоречивую согласованность становления различных (разноуровневых) инстанций, те внутренние (и латентные) изменения, которые создают основу для развития всей системы социально-политической активности (Шамионов, 2013; Арендачук, 2018; Заграничный, 2018).

Изучение содержательных характеристик социально-политической активности в историческом масштабе и масштабе эпохи однозначно имеет свою особую специфику, но при этом не становится принципиально иным в силу имеющихся устойчивых и доказанных многолетним опытом элементов. Отсюда следует, что исследование и анализ трансформаций заявленного феномена представляет научный интерес с точки зрения разработки обобщающей теории социально-политической активности молодежи, основанной на применении системно-диахронического подхода.

Применение системно-диахронического подхода к исследованию социально-политической активности личности позволит нам изучить данный феномен в реальном временном промежутке и на необходимом уровне психологического анализа с учетом целостной системы детерминант. Мы считаем, что применение системно-диахронического подхода в исследовании социально-политической активности позволит наиболее адекватно описать данный феномен, определить новые основания и детерминанты ее развития. Забегая несколько вперед, отметим, что под детерминантами социально-политической активности мы понимаем движущие силы, побуждающие личность к активной социально-политической деятельности и одновременно способные формировать или трансформировать эту активность, задавая ее направление и формы (Васильева и др., 2015).

За единицу психологического анализа мы считаем целесообразным взять систему взаимоотношений между социально-политической средой и личностью, как структурно сложноорганизованную, динамично функционирующую, подчиненную важным целям и сочетающую в себе возможность учесть многочисленные детерминации.



В соответствии с системно-диахроническим подходом к исследованию социально-политической активности мы определили следующие единицы анализа: формы, направления, детерминанты и уровни сформированности социально-политической активности, а также особенности взаимодействия личности и социально-политической среды.

Теоретическое обоснование исследования

Анализ социально-политической активности, с нашей точки зрения, должен идти в трех направлениях.

Первое направление касается выявления детерминант уровня социально-политической активности, вектор которой располагается в диапазоне между социально-политической пассивностью и социально-политической активностью.

Для более глубокого понимания активности необходимо затронуть диалектическую противоположность социальной активности, которой выступает социальная пассивность. В самом широком смысле пассивность можно рассматривать как стиль поведения личности, проявляющийся в бездеятельности. Социальная пассивность является достаточно распространенным явлением в современном обществе. Пассивность есть нежелание, неспособность человека участвовать в чем-либо и преодолевать сложившиеся обстоятельства и собственное безразличие (П. И. Куконков и И. П. Куконков, 2013; Федотова, 2005).

Согласно Кожевникову (1994), деятельность граждан или социальных систем не бывает абсолютно пассивной либо активной. По его мнению, «когда речь идет об активных социальных субъектах, то нужно иметь в виду прева-лирование их социальной деятельности в каком-то срезе общественной жизни» (с. 22); «социальная активность – это свойство социального субъекта, обладающего сознанием, способностью предвидеть возможные последствия своих действий, проявляемое во взаимодействии с социальной средой посредством самодеятельности, т. е. деятельности, не навязываемой извне, направленной на удовлетворение личных и общественных потребностей и интересов» (с. 25). Формирование основных идей персонализации индивида в поиске способов и средств удовлетворения потребностей быть личностью происходит под влиянием основных факторов развития социальной активности человека. В качестве таких факторов Петровский и Ярошевский (1998) обозначили возрастной фактор, уровень развития группы в обществе. Антропологическая психология в качестве основного фактора развития активности предлагает нам рассматривать высшее интегративное образование человека – человеческую субъективность (Слободчиков и Исаев, 2013).

Стремление активно участвовать в политических процессах, отстаивать свои политические права и интересы в политологии называется «политической



активностью». Политическая активность молодежи по средствам объединения в различные организации и группы по интересам может происходить, с одной стороны, с целью защиты экономических и иных (нематериальных) ценностей, а с другой, с целью реализации таких задач, при которых каждый индивид отстаивает не свои интересы как члена общества, а интересы определенной референтной группы, выступая ее представителем.

В психологии для описания политических явлений введена категория политической деятельности, которая, как отмечает Юрьев, является высшим проявлением политической жизни человека. Деятельность, по определению Суходольского (2008), предполагает воплощение в себе всех достижений человечества по организации собственной активности.

Рассмотрим политические явления, дифференцируя их по признаку деятельности. Первый уровень – деятельность, под которой понимается общая физическая и психическая активность человека, регулируемая сознательной целью. Сюда можно отнести такое политическое явление, как борьба за ясное, полное, человеческое сознание. Второй уровень – работа, подразумевающая осуществление возможностей интеллекта субъекта политики, его способности осуществлять физические и психические затраты для получения желаемого эффекта. Третий уровень – поведение, понимаемое как система реакций на стимулы политического характера. Сюда относится участие в поиске, создании, распределении жизненных ресурсов. Четвертый уровень – активность, как способность осуществлять политическую деятельность, работу или политическое поведение (Киричек, 2011).

В зависимости от уровня активности, преобладающих форм, а также конвенциональности и неконвенциональности политического участия можно выделить следующие типы политических групп (Киричек, 2011; Kaase & Marsh, 1979):

1. Неактивные. Политическая активность минимальна, в некоторых случаях по средствам дополнительной стимуляции индивиды могут принять участие в петициях и выборах.

2. Конформисты. В целом избегают непосредственного участия в политической жизни, но демонстрируют более активное участие в конвенциональных формах.

3. Реформисты. Участвуют преимущественно в конвенциональных формах, используют законные формы политического протеста – демонстрации, бойкоты.

4. Активисты. Наиболее активно участвуют в политической жизни, используют преимущественно конвенциональные формы активности.

5. Протестующие. По уровню активности они похожи на реформистов и активистов, однако отличаются от них тем, что участвуют в политическом процессе преимущественно в неконвенциональных формах.



Социально-политическая пассивность, таким образом, – это стиль поведения личности, проявляющийся в бездеятельности, безучастности, безынициативности, безразличии человека к социально-политической жизни страны. Социально-политическая активность понимается нами как деятельное отношение личности к социально-политической жизни страны, проявляющееся в способности производить социально-политические преобразования.

Второй актуальной проблемой исследования социально-политической активности личности является изучение ее направленности в диапазоне преднамеренность/непреднамеренность.

В зависимости от роли, которую играет субъект политической активности, можно выделить автономное и мобилизованное участие в политических явлениях (Киричек, 2011). В случае автономного участия индивид действует, принимая решение самостоятельно, а в случае мобилизованного участие осуществляется под давлением других субъектов политики или под их влиянием, приводящим к трансформации собственных предпочтений индивида.

Теоретический анализ и обобщение научно-исследовательских данных показали, что изучение социально-политической активности молодежи сегодня является приоритетной задачей социальной психологии; особое значение здесь приобретают вопросы ее личностной регуляции, в частности, ее преднамеренности/непреднамеренности. Опираясь на концепции исследователей, занимающихся вопросами осознанности, произвольности и опосредованности психики (Выготского, Узнадзе, Леонтьева, Егоровой, Панова, Страховой, Шамионова, Эльконина, Ситарова, Маралова, Маланова), мы выделили главные отличительные признаки направленности социально-политической активности. Выявленные критерии и признаки преднамеренной и непреднамеренной социально-политической активности представлены в таблице 1.

Вышесказанное позволяет нам говорить о том, что социально-политическая активность, с одной стороны, может быть преднамеренной, т. е. заранее обдуманной, четко спланированной и детерминированной внутренними факторами личности, а с другой – непреднамеренной, т. е. без заранее продуманной цели, спонтанной, детерминированной внешними обстоятельствами или другими людьми.

Третье направление исследования социально-политической активности личности касается изучения ее конструктивной и деструктивной форм проявления. Молодежь, будучи субъектом социально-политической активности, не всегда осознает собственный потенциал и возможные последствия своей социально-политической позиции. Помимо того, что сознание молодого человека характеризуется определенной восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать большое количество разнообразной информации,



в данный возрастной период также развивается и критичность мышления со стремлением дать собственную оценку разным социально-политическим явлениям. Молодые люди стараются найти подходящие аргументы и оригинальные решения социально-политических задач. Поиск решений для важнейших жизненных задач, с одной стороны, сопровождается активной ценностно-созидательной деятельностью, а с другой – осложняется недостаточным опытом практической деятельности и неполной включенностью субъекта в систему социально-политических взаимоотношений. В силу этого в поведении молодого поколения легко прослеживаются противоречивые тенденции – стремление к общению и уход, отрешенность от внешнего мира, стремление к идентификации и обособление, подражание и отрицание общепринятых норм, конформизм и негативизм.

Таблица 1

Сравнительный анализ направленности социально-политической активности молодежи

Table 1.

Orientations of young people's socio-political activity

<u>Критерий деления</u> <u>Distinguishing criteria</u>	<u>Преднамеренная социально-политическая активность</u> <u>Intentional socio-political activity</u>	<u>Непреднамеренная социально-политическая активность</u> <u>Unintentional socio-political activity</u>
Осознанность, произвольность, опосредованность Awareness, voluntary/ involuntary character, direct/ indirect character	– носит произвольный характер; — источником является само действующее лицо; — предполагается, что действующее лицо осведомлено если и не обо всех, то, по крайней мере, о большей части обстоятельств	– совершается подневольно (источник активности находится вовне); — совершается по неведению (деятель плохо осведомлен о целях и условиях социальной активности); — характеризуется способностью субъекта к реализации сознательного выбора



Таблица 1

Сравнительный анализ направленности социально-политической активности молодежи

Table 1.

Orientations of young people's socio-political activity

<u>Критерий деления Distingui- shing criteria</u>	<u>Преднамеренная социально- политическая активность Intentional socio-political activity</u>	<u>Непреднамеренная социально-политическая активность Unintentional socio-political activity</u>
Развитие субъектности (Панов, 2014) Personality development (Panov, 2014)	– характеризуется способностью к самостоятельности, целеполаганию, автономии и саморегуляции Activity is characterized by <i>independence, goal-setting, autonomy, and self-regulation</i>	– спонтанная, не имеющая целевой и произвольной формы выражения Activity is spontaneous, without purposefulness or voluntariness
Вариативность (Егорова, 2010) Variability (Egorova, 2010)	– характеризуется вариативностью отображения личностью ее собственных действий и вариативностью решения возникшей задачи, протяженностью во времени и в пространстве, взаимоподчиненностью умственных и практических действий Activity is characterized by <i>variability of an actor's actions or variability in problem solving, extension in time and space, mutual subordination of mental and practical actions.</i>	– является ответной реакцией на внешний раздражитель, представленный в виде однородной задачи, решение которой обусловлено установками, привычками, стереотипными действиями Activity is a response to external stimuli, presented in the form of a homogenous problem which solving is conditioned by attitudes, habits, and stereotyped actions.



Таблица 1

Сравнительный анализ направленности социально-политической активности молодежи

Table 1.

Orientations of young people's socio-political activity

<u>Критерий деления</u> <u>Distinguishing criteria</u>	<u>Преднамеренная социально-политическая активность</u> <u>Intentional socio-political activity</u>	<u>Непреднамеренная социально-политическая активность</u> <u>Unintentional socio-political activity</u>
Мотивация Motivation	– продиктована более осознанной мотивацией, совершаемые действия и цели продуманы и опираются на волевой компонент Activity is characterized by more consciousness motivation, well-thought-out actions and goals that are based on a volitional component.	– мотивация осознается в недостаточной степени, волевой компонент выражен слабо Activity is determined by external objective factors that represent a complex of professional, political, age, and other circumstances.
Детерминанты Determinants	– детерминирована внутренними субъективными факторами: установками, социальными потребностями и интересами; отношением человека к внешнему миру, самому себе и окружающей действительности; волей; инициативой и т. д. Activity is determined by internal subjective factors, including attitudes, social needs and interests, individuals' attitudes towards themselves and the environment, will, initiative, etc.	– детерминирована объективными факторами, воздействующими извне, предопределяя логику поведения и саморазвития личности, и не зависящими от воли самой личности комплексами социокультурных, экономических, политических, профессиональных, возрастных обстоятельств и т. д. Activity is determined by external objective factors that represent a complex of professional, political, age, and other circumstances.



Вышеперечисленные особенности позволили Савастьиной и Осиповой (2015) говорить о конструктивной (созидающей) и деструктивной (разрушающей) формах социально-политической активности современной молодежи. При этом, как утверждает автор, в деструктивных формах проявления активности, например «участие в протестах» и «участие в дворовых группировках», молодежь участвует неохотно и, в некоторой степени, готова к отрицанию негативных, протестных форм проявления своих позиций, конструктивному диалогу и тесному взаимодействию с субъектами государственного и муниципального управления.

Деструктивное поведение личности детерминировано сложным взаимодействием биологических (генетически обусловленные нервные и гуморальные механизмы развития), психологических (личностные характеристики человека) и социокультурных факторов (условия социализации) (Алфимова и Трубников, 2000; Лысак, 2006; Сысоева, Куликова, Малюченко, Тоневецкий и Иваницкий, 2010). Новые элементы в конкретизацию механизмов формирования деструктивных форм поведения человека вносит исследование Мулик, Антонова, Улесиковой и Шатыр (2016). Авторы подчеркивают, что выраженность деструктивной поведенческой активности обусловлена бессознательной мотивацией, причем у женщин она подкрепляется такими свойствами личности, как гипертимность и демонстративность, а у мужчин – негативными эмоциями и повышенной агрессивностью.

Деструктивная социально-политическая активность возникает в ситуации социально-политического напряжения, когда в обществе происходит утрата жизненных ориентиров и смыслов, в ситуациях, сопровождающихся состоянием фрустрации. Наиболее часто встречаются такие формы деструктивной социально-политической активности, как участие в акциях, направленных на разрушение социально-политических институтов, общества и государства в целом, несанкционированные государством проявления насилия, вандализма и нигилизма (П. И. Куконков и Лубяной, 2013). П. И. Куконков и И. П. Куконков (2013) рассматривают деструктивную социальную активность как самодеятельность, разрушающую социальную систему, основной целью которой является «выход потенциала социальной напряженности за границу обеспечения существенных интересов социального субъекта, включение в ее ареал “случайных” объектов» (с. 40). Подобная «самодеятельность» ведет к постепенной утрате социальным субъектом способности приспосабливаться к изменяющимся условиям; со временем деструктивная социальная активность становится способом существования ее субъекта (П. И. Куконков и Лубяной, 2013).

Конечно, конструктивная и деструктивная формы социально-политической активности обусловлены многофакторной и сложносоставной системой детерминант, выявление которых позволит предупредить и сменить вектор их направленности.



Вышеописанное позволяет нам говорить о том, что деструктивная социально-политическая активность рассматривается нами как разрушительная, сопровождающаяся распадом структурных отношений, организационных связей, функциональных зависимостей в социально-политической организации государства, тогда как конструктивная социально-политическая активность – это такой подход к социально-политической жизни государства, который направлен на установление и/или восстановление продуктивных взаимосвязей в системе социально-политической жизни общества.

Таким образом, предложенная в данной статье модель социально-политической активности молодежи раскрывается нами через многоуровневую конфигурацию (рис. 1), включающую учет:

1. Степени включенности личности в систему социально-политических отношений. Данный вектор отражает степень пассивности/активности в социально-политической жизни общества.
2. Направления социально-политической активности, отражающего линию движения в сторону осознанности и преднамеренности ее проявления.
3. Формы, отражающей влияние социально-политической активности на личность, общество и социально-политическую систему в целом. Данный вектор характеризует социально-политическую активность с точки зрения ее конструктивного и деструктивного характера проявления.

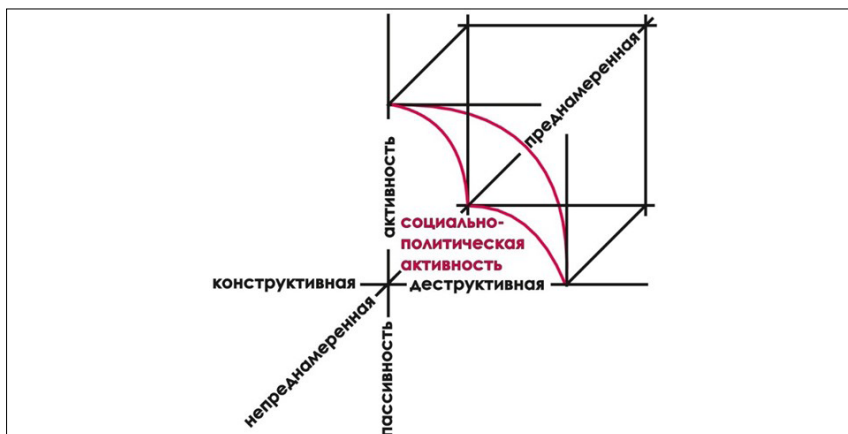


Рисунок 1. Социально-политическая активность в контексте системно-диахронического подхода

Figure 1. Socio-political activity in the context of the system-diachronic approach



Методы

Эмпирическое исследование социально-психологических детерминант социально-политической активности производилось с помощью специально разработанного опросника исследования, включающего учет качественных и количественных данных, отражающих пассивность/активность, преднамеренность/непреднамеренность, конструктивность/деструктивность молодежи в системе социально-политической жизни (авторский опросник СПАМ) (Усова, 2018b), а также стандартизированных опросников: опросника совладания со стрессом COPE (Carver, Scheier, Weintraub) в русскоязычной адаптации Гордеевой, Осина, Рассказовой, Сычева, Шевяховой; методики определения уровня рефлексивности (по Пономаревой); экспресс-диагностики уровня социальной фрустрированности (Вассермана); диагностики мотиваторов социально-психологической активности личности. В программе исследования также использовались результаты глубинного интервью и шкалирования ценностной и мотивационной систем, особенностей поведения в ситуации эмоционального напряжения, доминирующих чувств и состояний, социально-политической компетенции (Усова, 2018a). Все полученные данные подвергались корреляционному анализу с последующей интерпретацией.

В исследовании принимали участие испытуемые в возрасте от 15 до 25 лет. Социально-демографические характеристики выборки: верхняя возрастная группа от 23 до 25 лет – 42 %, средняя от 18 до 22–34 % и нижняя от 15 до 17 лет – 24 % от общей численности молодежи; по половой принадлежности 57 % – женщины, 43 % – мужчины; по семейному положению 62 % не состоящие в браке, 28 % проживающие с партнером (в т. ч. в законном браке – 11 %); по образованию 61,5 % – имеющие среднее общее и среднее профессиональное образование, 38,5 % – высшее образование; по месту жительства (68,7 % – проживающие в городе, 31,3 % – в селе); по уровню дохода на члена семьи 56,8 % – до 20 000 руб., 43,2 % – свыше 20 000 руб. Общее количество опрошенных – 170 человек.

Результаты и их обсуждение

В ходе проведенного корреляционного анализа были выявлены следующие взаимосвязи (табл. 2).



Таблица 2

Детерминанты социально-политической активности

Table 2

Determinants of socio-political activity

Параметры Factors		Пассив- ность – активность Passi- vity/ activity	Непред- намерен- ность – предна- мерен- ность Uninten- tionality/ intenti- onality	Конструк- тивность – деструк- тивность Construc- tiveness/ destruc- tiveness
Мотивация Motivation	Власти Power	-0,210**	0,202**	0,084
	Успеха Success	-0,168*	0,215**	0,163*
Рефлексия Reflection	Аффилиации Affiliation	0,047	-0,020	-0,157*
	Жилищно-бытовые условия Living conditions	-0,186*	0,222**	0,221**
Сфера эмоцио- нального напря- жения Emotional stress	Образ жизни Life style	-0,160*	0,021	0,082
	Отношения с суп- ругом Partner relationships	0,213**	0,024	0,101
	Досуг Leisure	0,209**	-0,190*	0,002
	Содержание работы Professional activity	0,124	0,001	-0,170*
	Образование Education	0,032	0,142	-0,243**
	Обстановка в обществе Social climate	0,001	0,090	0,241**



Таблица 2
Детерминанты социально-политической активности

Table 2
Determinants of socio-political activity

<u>Параметры</u> <u>Factors</u>	<u>Пассив-</u> <u>ность –</u> <u>активность</u> <u>Passi-</u> <u>ivity/</u> <u>activity</u>	<u>Непред-</u> <u>намерен-</u> <u>ность –</u> <u>предна-</u> <u>мерен-</u> <u>ность</u> <u>Uninten-</u> <u>tionality/</u> <u>intenti-</u> <u>onality</u>	<u>Конструк-</u> <u>тивность –</u> <u>деструк-</u> <u>тивность</u> <u>Construc-</u> <u>tiveness/</u> <u>destruc-</u> <u>tiveness</u>
Доверие к власти Confidence in authorities	0,031	0,012	-0,310***
Планирование Planning	0,029	0,197*	0,054
Подавление конкурирующей деятельности Suppression of competing activities	0,006	0,181*	0,195*
Сдерживание Repression	0,014	0,068	0,251**
Способы совладания Coping strategies			
Концентрация на эмоциях Focusing on emotions	0,201**	-0,205**	-0,195*
Позитивное пере- формулирование Positive refor- mulation	-0,178*	0,029	0,048
Использование «успокоительных» Use of sedatives	0,033	0,065	0,301***



Таблица 2

Детерминанты социально-политической активности

Table 2

Determinants of socio-political activity

Параметры Factors		Пассив- ность – активность Passi- vity/ activity	Непред- намерен- ность – предна- мерен- ность Uninten- tionality/ intenti- onality	Конструк- тивность – деструк- тивность Construc- tiveness/ destruc- tiveness
Ценностные предпочтения Value-based preferences	Индивиду- алистические Individualistic	0,020	0,018	0,241**
	Коллективистские Collectivist	0,026	0,021	0,003
	Потребления и гедонизма Consumeristic and hedonistic	0,010	0,032	0,193*
Политический инфантилизм Political infantilism		0,021	-0,320***	0,131
Патриотизм Patriotism		0,199*	0,089	0,043
Социально-политическая компетентность Socio-political competence		0,021	0,284**	0,091

Примечание. В таблице приняты следующие обозначения уровня значимости:
* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
Note. Significance levels: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Полученные результаты исследования позволяют нам говорить о разнообразных субъектах социально-политической активности молодежи:



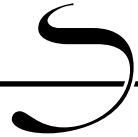
Социально-политически активный субъект характеризуется невыраженной мотивацией к власти и успеху. Он не испытывает эмоционального напряжения, связанного с жилищно-бытовыми условиями и в целом, несмотря на неудовлетворенность в отношениях с супругом и возможностями проводить досуг, удовлетворен своим образом жизни. Социально-политически активный субъект склонен фокусироваться на неприятных эмоциях и не предпринимает попыток переосмыслить стрессовую ситуацию в позитивном ключе. Для него характерны преданность и любовь к своему отечеству.

Социально-политически пассивный субъект характеризуется выраженной мотивацией к успеху и власти. Он полностью удовлетворен отношениями с супругом и своим досугом, но испытывает эмоциональное напряжение, связанное с жилищно-бытовыми условиями и способом собственной жизнедеятельности. Ему не свойственно концентрироваться на возникающих эмоциях, а сложные и стрессовые ситуации он стремится переосмыслить и найти в них положительные стороны.

Для субъекта преднамеренной социально-политической активности свойственна мотивация к власти и успеху, неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями и удовлетворенность способами проведения досуга. Чаще он стремится подавить свои эмоции и спокойно обдумать дальнейшие действия, разработать дальнейшую стратегию поведения. Иногда в стрессовых ситуациях ему приходится переключаться на другие виды активности, с целью нивелирования последствий возникших неприятностей. Он обладает широким комплексом современных знаний о социально-политическом устройстве общества, умеет применять свои знания на практике, обладает качествами авторитета, склонен к рефлексии.

Для субъекта непреднамеренной социально-политической активности не свойственно желание подчинить окружающих своей воле и добиться общественного признания; они не склонны размышлять о своих переживаниях и своем поведении. Чаще всего они испытывают сильное неудовлетворение своими жилищно-бытовыми условиями, но в целом удовлетворены организацией досуга. Субъекты непреднамеренной социально-политической активности часто акцентируют свое внимание на эмоциях, неспособны переключиться и проанализировать возникшую ситуацию. Они обладают узким кругозором по вопросам социально-политической жизни общества, проявляют незрелость в решении социально-политических задач.

Конструктивную социально-политическую активность демонстрируют субъекты, стремящиеся быть в обществе других людей. Они испытывают потребность в создании теплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми, удовлетворены содержанием своей профессиональной деятельности и уровнем образования. Данные субъекты



не погружаются в свои переживания и не концентрируются на эмоциях. Они понимают социально-политические процессы, происходящие в обществе, и испытывают доверие к власти и ее решениям.

Деструктивную социально-политическую активность демонстрируют субъекты, стремящиеся к успеху, неудовлетворенные жилищно-бытовыми условиями и обстановкой в обществе. К власти данные субъекты относятся без доверия, не видят ее эффективности и способности решать задачи общества. В системе ценностей на первый план у них выходят индивидуалистические ориентации, они склонны к гедонизму и потреблению. Часто сдерживают свое поведение для более подходящего момента, не спешат в решении возникших задач, для снятия эмоционального напряжения и улучшения самочувствия прибегают к алкоголю и успокоительным средствам.

Выводы

Системно-диахронический подход позволяет обозначить отношения и связи детерминант социально-политической активности в динамике и исторической последовательности их возникновения.

С этой целью в работе предложена модель социально-политической активности, отражающая степень включенности личности в систему социально-политических отношений, степень осознанности и преднамеренности ее проявления, а также форму влияния социально-политической активности на личность, общество и социально-политическую систему в целом.

Результаты эмпирического исследования детерминант социально-политической активности, проведенного с применением авторского опросника СПАМ, позволяет говорить о том, что мотивация детерминирует социально-политическую активность; при этом доминирование мотивации успеха и власти, с одной стороны, обуславливает низкий уровень социально-политической активности, а с другой стороны – ее преднамеренный характер. С увеличением мотивации аффилиации происходит деформация формы социально-политической активности в сторону ее конструктивности.

Социально-политическая активность обуславливается уровнем, сферами и способами совладания с эмоциональным напряжением. Неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями взаимосвязана с уровнем активности и обуславливает ее преднамеренный и деструктивный характер. Эмоциональное напряжение, связанное с содержанием работы и уровнем образования, детерминирует деструктивную социально-политическую активность. Концентрация на своих эмоциях, с одной стороны, увеличивает уровень активности, а с другой стороны, обуславливает ее преднамеренный и конструктивный характер.

Постепенный отход современной молодежи от коллективизма к индивидуализму с наличием признаков, характерных для общества потребления,



позволяет нам говорить о деформации социально-политической активности от конструктивной к деструктивной форме проявления.

Полученные результаты позволяют нам спрогнозировать и описать психологический портрет субъекта социально-политической активности, что, в свою очередь, делает возможным профилактику и коррекцию разного уровня и направленности форм деструктивной социально-политической активности современной молодежи.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-18-00298).

Литература

- Алфимова М. В., Трубников В. И.* Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112–123.
- Арендачук И. В.* Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 3. С. 287–307. DOI: [10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307)
- Баранова Г. В., Костенко В. В.* Социально-политическая активность молодежных общественных организаций // В мире научных открытий. 2014. № 3-4 (51). С. 1717–1728.
- Васильева Е. Н., Полтавская М. Б., Левковская Н. Г.* Формирование социально-политической активности студенческой молодежи: социализирующие факторы и педагогические установки // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7, № 3 (28). С. 142. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/123PVN315.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).
- Грачева М. С.* Политический протест современной молодежи в концептуальном осмыслении западной политологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 138–142. DOI: [10.18384/2310-676X-2016-5-138-142](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2016-5-138-142)
- Егорова А. А.* Построение ситуации собственного действия: способ действия и намерение // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 18–27.
- Заграничный А. И.* Ситуативные и мировоззренческие факторы социально-политической активности молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9. С. 67–71. DOI: [10.24158/spp.2018.9.13](https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.13)



- Зайцева И. А.* Социально-политическая активность российской студенческой молодежи // *Youth World Politic*. 2016. № 1. С. 24–32.
- Киричек А. И.* К вопросу о дифференциации содержания категорий «политическая активность», «политическое поведение» и «политическое участие» // *Общество: политика, экономика, право*. 2011. № 3. С. 34–37.
- Кожевников С. Н.* Правовая активность граждан: Учебное пособие. Нижний Новгород: Тип. Нижегород. высш. школа МВД, 1994. 106 с.
- Криворучко М. В., Щербакова К. Н.* Особенности субъектных характеристик молодежи с разными формами политической активности // *Вестник Омского университета*. Серия: Психология. 2013. № 2. С. 5–13.
- Куконков П. И., Куконков И. П.* Методологические основания исследования социальной деструкции в постсоветской России // *Конфликтология*. 2013. № 1. С. 34–52.
- Куконков П. И., Лубяной М. С.* Диагностика процесса трансформации социальных напряжений в социальную деструкцию: некоторые методологические подходы // *Конфликты в социальной сфере: Сборник VII Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции*, 15–16 марта. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. С. 69–74.
- Левкина Л. И.* Взаимодействие органов местного самоуправления с местными сообществами. Проблемы, итоги // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 468–472.
- Лысак И. В.* Механизмы и последствия деструктивной деятельности человека. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2006. 80 с.
- Морозова Г. В.* Студенческая молодежь: динамика политических интересов (региональный аспект) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36). С. 127–134. DOI: [10.15688/jvolsu4.2015.6.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.16)
- Мулик А. Б., Антонов Г. В., Улесикова И. В., Шатыр Ю. А.* Механизмы гендерного формирования деструктивного поведения и социальной активности человека // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 89–99. DOI: [10.15688/jvolsu7.2016.4.10](https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.10)
- Панов В. И.* Экопсихологические предпосылки изучения психической активности // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Вып. 3. С. 214–223.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
- Савастыина А. А., Осипова Л. Б.* Социальная активность молодежи как условие динамичного развития общества // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22320> (дата обращения: 03.10.2018).



- Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 360 с.
- Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 168 с.
- Сысоева О. В., Куликова М. А., Малюченко Н. В., Тоневицкий А. Г., Иваницкий А. М. Генетические и социальные факторы в развитии агрессивности // *Физиология человека*. 2010. Т. 36, № 1. С. 48–55.
- Усова Н. В. Применение системно-диахронического подхода в исследовании социально-политической активности личности // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018а. Т. 7, № 4 (25). С. 365–368.
- Усова Н. В. Разработка и апробация опросника социально-политической активности молодежи (опросник СПАМ) // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018b. № 12. С. 173–178. DOI: [10.24158/spp.2018.12.29](https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.29)
- Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // *Политический класс*. 2005. № 1. URL: <http://www.intelros.org/lib/statyi/fedotova1.htm> (дата обращения 03.09.2018).
- Чолпонкулова Н. Т. Особенности самоотношения студенческой молодежи как проявлений ценностной ориентации и социальной активности // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2018. Т. 18, № 5. С. 159–162.
- Шамионов Р. М. Социализация личности: системно-диахронический подход // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6, № 27. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (дата обращения 03.09.2018).
- Albertazzi D., Mueller S. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland // *Government and Opposition*. 2013. Vol. 48, Issue 3. P. 343–371. DOI: [10.1017/gov.2013.12](https://doi.org/10.1017/gov.2013.12)
- Azzi A. E., Chrysochoou X., Klandermans B., Simon B. Identity and participation in culturally diverse societies: A multidisciplinary perspective. Chichester, United Kingdom: Wiley-Blackwell, 2011. DOI: [10.1002/9781444328158](https://doi.org/10.1002/9781444328158)
- Barrett M., Zani B. Political and civic engagement: Theoretical understandings, evidence and policies // *Political and civic engagement: Multidisciplinary perspectives* / M. Barrett, B. Zani (Eds.). New York: Routledge, 2015. P. 3–26.
- Bot W., Verkuyten M. Evaluating the political organisation of Muslim citizens in the Netherlands: The role of political orientation, education and multiculturalism // *Journal of Social and Political Psychology*. 2018. Vol. 6, № 2. DOI: [10.5964/jsp.2018.v6i2.901](https://doi.org/10.5964/jsp.2018.v6i2.901)
- Craig M. A., Richeson J. A. On the precipice of a “majority-minority” America: Perceived status threat from the racial demographic shift affects White



- Americans' political ideology // *Psychological Science*. 2014. Vol. 25, Issue 6. P. 1189–1197. DOI: [10.1177/0956797614527113](https://doi.org/10.1177/0956797614527113)
- Hoyt C. L., Parry M. Sociocultural and individual manifestations of sexual stigma: The role of political ideology and prejudice in discrimination against sexual minorities // *Journal of Social and Political Psychology*. 2018. Vol. 6, № 1. DOI: [10.5964/jspp.v6i1.810](https://doi.org/10.5964/jspp.v6i1.810)
- Kaase M., Marsh A. Political action repertory // *Political action: Mass participation in five western democracies* / S. Barnes, M. Kaase (Eds.). Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. P. 153–155.

References

- Albertazzi, D., & Mueller, S. (2013). Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland. *Government and Opposition*, 48(3), 343–371. doi: [10.1017/gov.2013.12](https://doi.org/10.1017/gov.2013.12)
- Alfimova, M. V., & Trubnikov, V. I. (2000). Psychogenetics of aggression. *Voprosy psikhologii*, 6, 112–123. (in Russ).
- Arendachuk, I. V. (2018). Dynamics of value-meaning characteristics of social activity of modern youth. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika (RUDN Journal of Psychology and Pedagogics)*, 15(3), 287–307. doi: [10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307) (in Russ).
- Azzi, A. E., Chrysochoou, X., Klandermans, B., & Simon, B. (2011). *Identity and participation in culturally diverse societies: A multidisciplinary perspective*. Chichester, United Kingdom: Wiley-Blackwell. doi: [10.1002/9781444328158](https://doi.org/10.1002/9781444328158)
- Baranova, G. V., & Kostenko, V. V. (2014). Socio-political activity of youth public organizations. *V mire nauchnykh otkrytii (In the World of Scientific Discoveries)*, 3-4(51), 1717–1728. (in Russ).
- Barrett, M., & Zani, B. (2015). Political and civic engagement: Theoretical understandings, evidence and policies. In M. Barrett & B. Zani (Eds.), *Political and civic engagement: Multidisciplinary perspectives* (pp. 3–26). New York: Routledge.
- Bot, W., & Verkuyten, M. (2018). Evaluating the political organisation of Muslim citizens in the Netherlands: The role of political orientation, education and multiculturalism. *Journal of Social and Political Psychology*, 6(2). doi: [10.5964/jspp.v6i2.901](https://doi.org/10.5964/jspp.v6i2.901)
- Cholponkulova, N. T. (2018). Characteristics of students' self-relations as a manifestation of value orientations and social activities. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo (Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University)*, 18(5), 159–162. (in Russ.).
- Craig, M. A., & Richeson, J. A. (2014). On the precipice of a "majority-minority" America: Perceived status threat from the racial demographic shift affects



- White Americans' political ideology. *Psychological Science*, 25(6), 1189–1197. doi: [10.1177/0956797614527113](https://doi.org/10.1177/0956797614527113)
- Egorova, A. A. (2010). Construction of situation of own action: The mode of action and intention. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 3, 18–28. (in Russ.).
- Fedotova, V. (2005). Russian apathy as an opposition to chaos. *Political Class*, 1. Retrieved from: <http://www.intelros.org/lib/statyi/fedotova1.htm> (in Russ.).
- Gracheva, M. S. (2016). Modern youth's political protest in conceptual comprehension of western politology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki (Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences)*, 5, 138–142. doi: [10.18384/2310-676X-2016-5-138-142](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2016-5-138-142) (in Russ.).
- Hoyt, C. L., & Parry, M. (2018). Sociocultural and individual manifestations of sexual stigma: The role of political ideology and prejudice in discrimination against sexual minorities. *Journal of Social and Political Psychology*, 6(1), 364–382. doi: [10.5964/jssp.v6i1.810](https://doi.org/10.5964/jssp.v6i1.810)
- Kaase, M., & Marsh, A. (1979). Political action repertory. In S. Barnes & M. Kaase (Eds.), *Political action: Mass participation in five western democracies* (pp. 153–155). Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- Kirichek, A. I. (2011). Differentiating the content of the categories of political activity, political behavior, and political participation. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo (Society: Politics, Economics, Law)*, 3, 34–37. (in Russ.).
- Kozhevnikov, V. V. (2016). Professional legal awareness in law enforcement. *Sovremennoe pravo (Modern Law)*, 1, 5–17. (in Russ.).
- Krivoruchko, M. V., & Shcherbakova, K. N. (2013). Subject characteristics among youth with different forms of political activity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" (Omsk University Herald. Series "Psychology")*, 2, 5–13. (in Russ.).
- Kukonkov, P. I. (2014). Transformation of stress in the social space. *Konfliktologiya (Conflictology)*, 4, 39–53. (in Russ.).
- Levkina, L. I. (2016). Interaction of local governments with local communities: Problems and results. *Azimut nauchnykh issledovanil: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology)*, 5, 4(17), 468–472. (in Russ.).
- Lysak, I. V. (2006). *Mechanisms and consequences of human destructive activity*. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo SKNTs VSH, Izd-vo TRTU. (in Russ.).
- Morozova, G. V. (2015). Student youth: Dynamics of political interests (a regional aspect). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)*, 6(36), 127–134. doi: [10.15688/jvolsu4.2015.6.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.16) (in Russ.).



- Mulik, A. B., & Antonov, G. V. (2016). Mechanisms of gender formation of destructive behavior and human social activity. *Logos et Praxis*, 4(34). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gendernogo-formirovaniya-destruktivnogo-povedeniya-i-sotsialnoy-aktivnosti-cheloveka> (in Russ.)
- Panov, V. I. (2014). Ecopsychological background for studying mental activity. *Iz-vo Sarat. un-ta. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya (Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology)*, 3, 214–223. (in Russ.).
- Petrovskii, A. V., & Yaroshevskii, M. G. (1998). *Fundamentals of theoretical psychology*. Moscow: INFRA-M. (in Russ.).
- Savast'ina, A. A., & Osipova, L. B. (2015). Social activity of youth as a condition for the dynamic development of society. *Modern problems of science and education*, 2-2. Retrieved from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22320> (in Russ.)
- Shamionov, R. M. (2013). Socialization of personality: A systemic diachronic approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 6(27). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (in Russ.)
- Slobodchikov, V. I. & Isaev, E. I. (1996). *Human psychology*. Moscow. (in Russ.).
- Sukhodol'skii, G. V. (2008). *Fundamentals of the psychological theory of activity*. Moscow: Izd-vo LKI. (in Russ.).
- Sysoeva, O. V., Kulikova, M. A., Malyuchenko, N. V., Tonevitskii, A. G., & Ivanitskii, A. M. (2010). Genetic and social factors in the development of aggression. *Human physiology*, 36(1), 48–55. (in Russ.).
- Usova, N. V. (2018a). The development and testing of the Youth Social and Political Engagement Questionnaire (YSPE questionnaire). *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy)*, 12, 173–178. doi: [10.24158/spp.2018.12.29](https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.29) (in Russ.)
- Usova, N. V. (2018b). A systemic diachronic approach in the study of individuals' socio-political activities. *Azimut nauchnykh issledovaniil: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology)*, 4(25), 365–368. (in Russ.).
- Vasil'eva, E. N., Poltavskaya, M. B., & Levkovskaya, N. G. (2015). Formation of social and political activity among students: Socialization factors and educational attitudes. *Naukovedenie*, 7, 3(28), 142. Retrieved from <http://naukovedenie.ru/PDF/123PVN315.pdf> (in Russ.)
- Zagranichnyi, A. I. (2018). The situational and worldview factors in social and political involvement of youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy)*, 67–71. doi: [10.24158/spp.2018.9.13](https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.13) (in Russ.).
- Zaitseva, I. A. (2016). Socio-political activity of Russian student youth. *Youth World Politic*, 1, 24–32. (in Russ.).



СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в формате редактора Word doc или docx, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и пр.) приводится в виде списка в конце статьи. В тексте ссылка на источник делается по Ванкуверскому стандарту, путем указания (в квадратных скобках) номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении библиографического списка используйте ГОСТ 7.0.5-2008.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов, 10 ключевых фраз, основные положения статьи. Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, а также на правильность оформления материала. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиям публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте «Российского психологического журнала»: <https://rpj.ru.com>



PAPER SUBMISSION GUIDELINES

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the Journal.

To be accepted for publishing in the Journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times New Roman.

If cited in article the literature is pointed out (according to the Vancouver Style) at the end of the article. Reference to sources as a number of the cited book or article (with the number of page) is denoted in brackets. When writing references use the State Standard 7.0.5-2008.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words, a list of 10 keywords, highlights. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system, and verify the formal correctness of the material. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at:

<https://rpj.ru.com>